

**Государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования Ленинградской области «Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина»**

На правах рукописи

Скиба Юлия Александровна

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА С.Т. АКСАКОВА:
КОНТЕКСТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ДОМИНАНТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Мальцева Татьяна Владимировна

Санкт-Петербург – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНТЕКСТЫ ВОСПРИЯТИЯ	
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С. Т. АКСАКОВА.....	14
1.1. Историко-культурные контексты творчества С. Т. Аксакова.....	16
1.2. Историко-литературные контексты творчества С. Т. Аксакова.....	28
1.3. Автобиографическая трилогия С. Т. Аксакова и «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	55
Выводы по первой главе.....	90
ГЛАВА ВТОРАЯ. ДОМИНАНТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА	
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ.....	94
2.1. Семейные ценности и семейные конфликты в художественной аксиологии С. Т. Аксакова	97
2.2 Художественное своеобразие воспитательной проблематики в автобиографической прозе С. Т. Аксакова	132
Выводы по второй главе.....	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Род Аксаковых как явление русской культуры явил собой пример семьи, основанной на взаимном уважении и любви, в атмосфере которой выросли такие яркие творческие личности, как Сергей Тимофеевич Аксаков и его дети. Литературно-педагогические взгляды Аксакова на воспитание, его идеи «семьестроительства», реализованные в создании собственной большой семьи, вызывают все больший интерес педагогов, психологов, историков. В современных реалиях педагогическая и социально-экономическая поддержка семьи стала государственной задачей: «Приоритетами государственной семейной политики определены утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях, семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи»¹.

Но вопросы семьи имеют не только педагогическое, социальное и экономическое значение. «Утверждение традиционных семейных ценностей» актуализирует для филологии задачу анализа рецепции в русской литературе и культуре образа традиционной семьи, традиционных семейных ценностей и традиций домашнего воспитания как эстетико-этического объекта и духовно-мировоззренческого феномена русской культуры.

Один из самых подробно описанных и полных примеров семейного устройства и семейного воспитания в русской литературе содержит в себе автобиографическая трилогия Сергея Тимофеевича Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания». Заложенные в трилогии идеи «семьестроительства» и семейного воспитания нашли отклик в

¹ О концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Эл. ресурс. URL: <http://government.ru/info/13639/> (дата обращения: 01.09.2023). (Концепция принята в 2014 г. – Ю. С.)

творчестве современников Аксакова и оказались востребованы в современной гуманитаристике.

Актуальность диссертационного исследования связана с устойчивым интересом современной филологии к формированию концептуальных и мировоззренческих основ национальных литератур и учету в этих процессах ранее неочевидных взаимовлияний, тематических и междискурсивных пересечений. Кроме того, актуальность исследования обусловлена тем, что возобновляемое приобщение к опыту С. Т. Аксакова и пополняемое освоение его творческих связей и художественных открытий в области духовной и нравственной жизни имеет безусловную научную ценность для формирования более полной национальной картины мира.

Степень разработанности проблемы. Во вступительной статье к четырехтомному собранию сочинений С.Т. Аксакова 1955 года С.И. Машинский отмечал, что Аксаков – «трудный для осмысления писатель», и традиции в изучении его творчества «отсутствуют»: «Трудно найти другого крупного писателя XIX века, творчество которого было бы изучено так недостаточно»². Следует отметить, что автобиографическая проза Аксакова была замечена литературной критикой второй половины XIX века и высоко оценена писателями-современниками, оставившими отзывы о произведениях Аксакова в журнальных статьях и переписке³. Задачи же научного изучения наследия С.Т. Аксакова были поставлены С.И. Машинским в середине XX века: собирание в единое целое литературного наследства Аксакова, в том числе из архивов и журналов, анализ идейных и эстетических взглядов писателя и новизны художественной формы его автобиографических произведений, воссоздание биографического и литературного контекста творческого пути Аксакова.

С тех пор очень многое сделано. Во-первых, воссоздана история рода

² Машинский С. И. Сергей Тимофеевич Аксаков / Вступительная статья // Аксаков С. Т. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. С. 5–6.

³ См. об этом: Ласькова А. Е. Автобиографическая трилогия С. Т. Аксакова в литературной критике середины XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23 с.

Аксаковых, подготовлены художественная и документальная биография С.Т. Аксакова и летопись его жизни и творчества⁴, что имеет непреходящее значение для установления биографического контекста автобиографических произведений Аксакова. Видное место в этой области аксаковедения занимает Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе⁵, где базируется научный центр по изучению всего, что связано с биографией и творчеством С. Т. Аксакова, и иницируются ценные для науки справочные издания⁶. Вехи этого изучения отражены в материалах периодических Аксаковских чтений.

Во-вторых, в литературоведении достаточно полно изучена новаторская «художественная форма» автобиографических произведений Аксакова в рамках теории автодокументальной прозы⁷. Общим итогом исследований в этой области

⁴ Аксаковы: семейная энциклопедия / ред. С. М. Каштанов. М.: Рос. политическая энциклопедия, 2015. 536 с.; Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. 367 с.; Дмитриев А. П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий. СПб.: Росток, 2023. 544 с.; Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб.: Росток, 2019. 512 с.; Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. М.: Молодая гвардия, 1987. 366 с. (ЖЗЛ); Манн Ю. В. Семья Аксаковых. Историко-литературный очерк. М.: Детская литература, 1992. 399 с.; Поддубная Р. П. Аксаковы: страницы жизни. Самара: Офорт, 2016. 656 с.

⁵ Директор музея М. А. Чванов, писатель и общественный деятель, председатель Аксаковского фонда, автор книги: Чванов М. А. Если не будете как дети... (О С. Т. Аксакове). М.: Современник, 1990. 431 с.

⁶ Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859 гг.) / Сост. В. В. Борисова, Е.П. Никитина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 236 с.; Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / Сост.: П.И. Федоров, С. В. Мотин; Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова. Уфа: Издатель А.А. Словохотов, 2022. 744 с.

⁷ Ахметова Г. А. Жанр «Семейной хроники» в творчестве С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина: («Семейная хроника» – «Пошехонская старина») // С. Т. Аксаков и славянская культура. Уфа, 1991. С. 57–59; Белокопытова О. Н. «Семейная хроника», «Детские годы» и проблема мемуарно-автобиографического жанра в русской литературе 40-50 гг. XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1965. 477 с.; Голощапова Н. Г. Идиллия С. Т. Аксакова как художественная реализация патриархальной утопии славянофилов: (на материале повестей «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука») // Культура. Образование. Духовность. Бийск, 1999. Ч. 1. С. 262–267; Борисова В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова в библейском контексте // XV Аксаковские чтения. Уфа, 2015. С. 17–21; Грицанова М. В. Жанровое своеобразие повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1994. Вып. 18. С. 171–183; Кожин В. В. «Семейная хроника» С.Т. Аксакова // Аксаковский сб. Уфа, 2005. Вып. 4. С. 13–22; Кудряшова А. А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 36 с.; Николаева Н. Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.И. Аксакова: формы письма и традиции жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 207 с. и др.

является признание невозможности анализа произведений Аксакова в рамках одного жанра, поскольку его творчество «возникает на стыке традиций и не исчерпывается каноном одного определенного жанра»⁸, включая широкий диапазон жанровых моделей – от семейных записок XVIII века до романа. Одним из итогов исследований в этой области является утверждение, актуализирующее избранную для настоящей работы проблематику. Оно свидетельствует о вовлеченности в повествовательную структуру аксаковских произведений моделей «ряда современных и исторически близких литературных традиций» и необходимости их изучения, а также «воссоздание определенного историко-литературного контекста»⁹. Очевидные взаимосвязи творчества Аксакова с произведениями современников анализировались в литературоведческой науке¹⁰, но рассматривались либо в конкретных

⁸ Кожин В. В. «Семейная хроника» Аксакова // Литература в школе. 1995. № 1. С. 22.

⁹ Николаева Н. Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. И. Аксакова: формы письма и традиции жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. С. 3.

¹⁰ Бондарь С. Ю. Тема детства в автобиографических повестях С Аксакова и Л. Толстого // Проблемы детской литературы. Сб. научн. тр. Петрозаводск, 1992. С. 77–85; Борисова В. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева versus «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 172–180; Войтоловская Э. Л. С. Т. Аксаков в кругу писателей-классиков. Л.: Детская лит-ра, 1982; Ахметова Г. А. Жанр «Семейной хроники» в творчестве С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина: («Семейная хроника» – «Пошехонская старина») // С. Т. Аксаков и славянская культура. Уфа, 1991. С. 57–59; Галимуллина А. Ф. Традиции воспитания личности в творчестве М. Н. Муравьева и С. Т. Аксакова: «Обитатель предместья» и «Семейная хроника» // Михаил Муравьев и его время: сб. статей и мат-лов Пятой Всерос. науч.-практ. конф. / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2015. С. 73–79; Гринфельд Т. Я. Традиции С. Т. Аксакова в «материальности» природы у М. М. Пришвина // С. Т. Аксаков и славянская культура. Уфа, 1991. С. 82–85; Кибальник С. А. С. Т. Аксаков и А. С. Пушкин // Аксаковские чтения: мат-лы науч. конф. 1985 и 1987 гг. М., 1989. Вып. 2/89. С. 10–13; Ломунов К. Н. Традиции «натуральной школы» в творчестве писателей, вступивших в литературу в 50-е годы: С. Т. Аксаков, Л. Н. Толстой // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М.: Наследие, 1987. С. 243–455; Никитина Е. П. Творческая индивидуальность С. Т. Аксакова в историко-функциональном и сравнительно-типологическом освещении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007. 26 с.; Тарасенко О. С. С. Т. Аксаков и М. А. Осоргин: типология творческих индивидуальностей: дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 247 с.; Татьяна А. Г. Ранний Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков. К проблеме жанра семейного романа // Проблемы литературных жанров. Мат-лы IX Междунар. научн. конф., посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та, 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 259–263; Шихова Г. С. Литературные традиции С. Т. Аксакова в творчестве русских писателей XIX–XX вв. // Аксаковские чтения–2001. Уфа, 2001. Ч. 1. С. 115–118.

тематических сопоставлениях (например, тема детства у Аксакова и Толстого¹¹), либо в сопоставлении отдельных произведений¹² и конкретных историко-литературных периодов¹³, либо взаимодействие рассматривалось в рамках сопоставления реально-бытового («ближний контекст») и духовного («дальний контекст»)¹⁴. Эта неполнота изучения контекстов взаимодействия актуализирует выдвинутую в настоящем исследовании гипотезу о творческих диалогах С.Т. Аксакова с персональными «семейными» контекстами современников и с ретроспективными контекстами древнерусской и мировой литературы, связанными с темой домостроительства и семейного уклада.

В третьих, при воссоздании биографического контекста, с которым связаны новаторские решения Аксакова в художественной рецепции доминантных в его творчестве образов семьи и природы, описан семейный уклад Аксаковых, взаимоотношения членов семьи, отношения к детям и между собой как в реальности, так и в ее художественном воплощении в произведениях Аксакова¹⁵. При этом связь традиций воспитания с природой самого человека

¹¹ Бондарь С. Ю. Тема детства в автобиографических повестях С. Аксакова и Л. Толстого // Проблемы детской литературы. Сб. научн. тр. Петрозаводск, 1992. С. 77–85.

¹² Борисова В. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева versus «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 172–180.

¹³ Ишкиняева Л. К. Творчество С. Т. Аксакова и литературная традиция XVIII столетия: монография. Ульяновск, 2018. 168 с.

¹⁴ Колодина Н. А. Проза С. Т. Аксакова: Контекст и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. С. 4–5.

¹⁵ Галимуллина А. Ф. Традиции воспитания личности в творчестве М. Н. Муравьева и С. Т. Аксакова: «Обитатель предместья» и «Семейная хроника» // Михаил Муравьев и его время: сб. ст. и мат-лов Пятой Всерос. науч.-практ. конф. / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2015. С. 73–79; Гудков Г. Ф. Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991. 373 с.; Заварницына Н. М. «Идея отца» и образ главы семейства в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: мат-лы всерос. науч.-практ. конф., 14 ноября 2017 г. Самара: СГИК, 2018. С. 71–75; Заманская В. В. Родовая концепция и нравственная программа С. Т. Аксакова (на материале «Семейной хроники») // Индивидуальное и типологическое в литературном процесс. Межвуз. сб. научн. тр. Магнитогорск, 1994. С. 129–136; Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода // Вторые Аксаковские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конф. 21–24 сент. 2006 г. / под общ. ред. Л. А. Сапченко; Ульяновский гос. ун-т. Ульяновск, 2006. С. 17–24; Угрюмов В. Е. Художественный мир С. Т. Аксакова: «...сама жизнь, рассказывающая про себя...». Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. 169 с.; Файзуллина Э. Ш. «Мысль семейная» в книгах С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника». Вопросы семейного воспитания // Культура и образование: сб. ст. и мат-лы науч.-

(родом, породой) не рассматривалась, что открывает новые перспективы изучения.

Научная новизна исследования состоит в изучении специфики взаимодействия автобиографической прозы С.Т. Аксакова с предшествующей историко-культурной традицией изображения семейно-бытового уклада и творческих диалогов С. Т. Аксакова с персональными «семейными» контекстами современников (Гоголя, Гончарова, Толстого, Салтыкова-Щедрина).

Объектом исследования явилась автобиографическая трилогия Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания».

Предмет исследования – способы интерпретации доминантной проблематики «персональных» автобиографических контекстов в трилогии С.Т. Аксакова.

Цель исследования – анализ сюжетно-композиционного своеобразия доминантной проблематики автобиографической прозы С. Т. Аксакова для выявления контактных и дистантных связей в художественном решении проблемы утверждения национальных семейных ценностей и семейной педагогики.

Достижению указанной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Дать характеристику функций аллюзий на произведения древнерусской («Домострой») и античной прозы (Гесиод и Ксенофонт) в автобиографической трилогии Аксакова.

2. Провести проблемно-тематический анализ своеобразия творческого диалога автобиографических произведений С.Т. Аксакова с «персональными

практ. конф., посвященной 10-летию каф. теории и истории мировой культуры БГПУ / Башк. гос. пед. ун-т. Уфа, 2000. Вып. 3. С. 52–60; Фенькина Л. Н. Мифопоэтика дома в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова «Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания» // Научный альманах. 2017. № 3–2 (29). С. 477–481; Чубарова В. Н. Повседневность и ее художественные формы в диалогии С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» // Поэтика повседневности: Фольклор. Художественная литература. СПб., 2005. С. 45–51; Чуркин А. А. Тема и мотивы семьи в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Русская литература. 2009. № 1. С. 133–145; Шамсутдинова З. Ф. Воспитание детей на основе семейных традиций семьи писателя Аксакова С. Т. // Воспитание. Ульяновск, 2021. С. 26–35.

контекстами» русских писателей (Гоголь, Гончаров, Толстой).

3. Выявить типологическую общность и различие в изображении взаимоотношений личности и семейного уклада в трилогии С.Т. Аксакова и «Пошехонской старине» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

4. Проанализировать внутрисемейные отношения разных поколений традиционной семьи в трилогии С.Т. Аксакова, установить причины конфликтных ситуаций в патриархальном семейном укладе.

5. Охарактеризовать особенности решения семейных воспитательных задач в художественной автобиографии С. Т. Аксакова.

Методологической базой настоящего исследования являются принципы отечественного сравнительно-исторического литературоведения, изложенные в трудах А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачева. В работе применялись сравнительно-исторический, историко-типологический, структурно–типологический, проблемно-тематический методы. В отдельных случаях использовались сравнительно новые методы (аксиологический и гендерный подход), изложенные в работах Д.А. Абдуллиной, И.И. Анашкиной, А.Ю. Большаковой, В.О. Борисовой, И.А. Есаулова, В.Н. Кардапольцевой, В.А. Коваленко, Н.А. Макаричевой, С.Р. Охотниковой, Н.Л. Пушкаревой, О.В. Рябова, Л.Н. Савиной, С.В. Синцовой, О.В. Соколовой, Л.Н. Столовича, Е.З. Тарланова, О.В. Труновой, Н.В. Труновой, Т.В. Цивьян и др. Это может произвести впечатление методологической эклектики, но представляется необходимым для охвата в рамках единой темы очень разнородного материала и общего принципа аналитического рассмотрения художественных текстов.

Научно значимыми для диссертационного исследования являются: в области теории и истории мемуаристики и автобиографической прозы труды М.Я. Билинкиса, Г.В. Казанцевой, Д.Я. Калугина, Т.М. Колядич, А.А. Кудряшовой, Н.Л. Лейдермана, М.Б. Лоскутниковой, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, Е.Г. Местергази, И.Г. Минераловой, Н.Г. Николаевой, Н.А. Николиной, Е.Г. Новокрещенных, Л.Е. Прохоренко, Л.Н. Савиной, Л.А. Сапченко, Е.К. Созиной, А.Г. Тартаковского, А.А. Фаустова, А.А. Чуркина,

И.О. Шайтанова, Б.М. Эйхенбаума и др.; в области теории автора – труды М.М. Бахтина, С.С. Аверинцева, Б.О. Кормана, Ю.В. Манна и др.; в области романа воспитания – труды М.М. Бахтина, О.Ю. Осьмухиной, Н.И. Романовой, А.Г. Татьяниной и др.; в области изучения феномена детства – труды С.Ю. Бондарь, И.С. Кона, Е.Е. Кулаковой, Д.С. Орловой, В.В. Сальниковой, А.В. Трунькиной, В.Е. Угрюмова, Н.Л. Фенькиной, М.А. Чванова, А.А. Чуркина и др.; в области семиотики культуры – труды Р. Барта, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского; в области природа и человек – труды Т.Н. Куркиной, Е.М. Моисеевой, В.А. Никольского, О.М. Панфилова, Э.Б. Подгурской, В.С. Соловьева, В. В. Розанова, С. П. Фатеева, М. Н. Эпштейна и др.; в области исследования «родовых гнезд» – труды В.В. Сальниковой, А.А. Щукина, Е.Н. Эртнера и др.; в области архетипов, моделей поведения и семейно-гендерных ролей – труды Е.М. Мелетинского, Н.Н. Мельниковой, И.Л. Савкиной, О.М. Фрейденберг, А.А. Чуркина, К.Г. Юнга. в области контекстных связей – труды Л.К. Ишкиняевой, С.А. Кибальника, Г.П. Климовой, А.Е. Ласьковой, В.Б. Легоньковой, К.Н. Ломунова, Г.В. Мосалевой, Е.П. Никитиной, Е.Г. Постниковой, Л. Е. Прохоренко и др.

Историко-литературоведческой базой для изучения произведений Аксакова являются труды литературоведов: Е.И. Анненковой, В.В. Борисовой, В.А. Викторовича, А.П. Власкина, А.П. Дмитриева, В.В. Заманской, И.А. Есаулова, В.В. Кожина, В.А. Кошелева, А.А. Кудряшовой, М.П. Лобанова, С.А. Макашина, Ю.В. Манна, С.И. Машинского, Ю.И. Минералова, Д. Мирского, Е.П. Никитиной, Н.Г. Николаевой, Н.А. Николиной, Р.П. Поддубной, Б.А. Прокудина, Ю.Н. Тынянова, В.Е. Угрюмова, С.П. Фатеева, П.И. Федорова, М.А. Чванова и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении места и роли творчества С. Т. Аксакова в историко-литературном контексте эпохи; в выявлении «персональных контекстов» творческих диалогов и взаимовлияний Аксакова и писателей-современников; описании художественной педагогики Аксакова, впервые раскрывшего воспитательный потенциал семьи и природы и

сложности их взаимодействия в воспитании ребенка и члена семьи в процессе «семьестроительства».

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, результаты, анализ конкретных произведений и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах по истории и теории отечественной литературы, детской литературе, курсах по выбору, посвященных русской словесности XIX века, творчеству С. Т. Аксакова, отечественной документально-беллетристической прозе XIX века, а также при написании соответствующих учебных пособий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Общий историко-культурный контекст значимости произведений С.Т. Аксакова охватывает века. Не столько сознательно, сколько архетипически писатель откликается в изображении и осмыслении семейного и хозяйственного обихода на древнерусский «Домострой» и на античных авторов – Ксенофонта и Гесиода.

2. Во всех частях автобиографической трилогии прослеживаются признаки творческих диалогов С. Т. Аксакова с ведущими писателями эпохи – Н.В. Гоголем, И.А. Гончаровым, Л.Н. Толстым и М.Е. Салтыковым-Щедриным. Аксаков мог вдохновляться их отдельными решениями. Однако преимущественно они откликались на его художественные открытия. Гончаров следовал Аксакову в «Обломове», Толстой – в «Войне и мире» и «Воспоминаниях», Салтыков-Щедрин – в «Господах Головлевых» и «Пошехонской старине».

3. Особо показателен щедринский контекст восприятия аксаковских произведений. В подходах к изображению общего жизненного материала у писателей наблюдаются противоположные аксиологические позиции, и они демонстрируют разную художественную методологию. Различается в их автобиографических произведениях и баланс факта и вымысла, а также значимость влияния природы на формирование личности человека.

4. Одно из художественных открытий С.Т. Аксакова состоит в

изображении конфликтных соотношений ценностей семьи и рода, любви и власти, их конкуренции, а также разнообразных вариантов неравенства (социального, имущественного, культурного). По этим мотивам Аксаков предвещает отдельные художественные решения Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

5. По вектору разработки проблемы воспитания наиболее значимо у С.Т. Аксакова восприятие юным героем разных по интенсивности и значимости воспитательных воздействий со стороны взрослых персонажей, культурной среды и сельской окружающей природы. По интенсивности воспитательных воздействий на психологию мальчика и подростка культурная среда поставлена С.Т. Аксаковым в конфликтное противостояние со средой природной. При этом душевная жизнь воспитуемого воспринимается в многосложности и динамичности (эмоции – впечатления – воображение – понимание). Одно больше влияет на эмоциональный мир, расширяя его; другое развивает впечатлительность и воображение. А в совокупности всё способствует становлению личности.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которому она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 3 – история русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы), п. 11 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве, п. 12 – индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

Апробация результатов исследования. Диссертация проходила обсуждение на кафедре журналистики и литературного образования ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Основные положения, содержание и выводы диссертации изложены в 9 публикациях, из которых 4 (1 – в соавторстве) напечатаны в изданиях, входящих

в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Материалы диссертационного исследования представлялись в докладах на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: XXVIII Международная научная конференция «Пушкинские чтения–2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст» (Санкт-Петербург, 2023); Международная научная конференция: XI Лужские научные чтения «Современное научное знание: теория и практика» (Луга, 2023); международная научная конференция «XXVII Царскосельские чтения» (Санкт-Петербург, 2023); IX Всероссийская научная конференция «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (Саратов, 2023); Всероссийская (с международным участием) научная конференция XLVIII Добролюбовские чтения «“И чувства добрые я лирой пробуждал...”. Духовно-нравственный контрапункт отечественной культуры, литературы и действительности на протяжении веков. Вокруг Пушкина и Добролюбова». Посвящается 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Нижний Новгород, 2024); XXIX Международная научная конференция «Пушкинские чтения–2024» (Санкт-Петербург, 2024).

Поставленные цели и задачи определили **структуру диссертационной работы**. Она состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников (291 наименование).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНТЕКСТЫ ВОСПРИЯТИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С.Т. АКСАКОВА

Обе составляющие в формулировке темы настоящей главы нуждаются в дополнительных пояснениях.

Что касается «автобиографической прозы» С.Т. Аксакова, то к ней в принципе можно отнести все публикации этого писателя, начиная с «Записок об ужении рыбы» (выдержали три прижизненных издания в 1847, 1854 и 1856 гг.). Затем последовали «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852 г.) и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855 г.). Все они условно составляют так называемую «Охотничью трилогию» С. Т. Аксакова. Произведения эти – *автобиографичны*, поскольку передают исключительно личный опыт и впечатления писателя. И в то же время с появлением в печати уже первых «Записок» в них (как и в последующих) были отмечены многие достоинства, которые позволяли говорить о *художественной прозе*. Так об этих произведениях С.Т. Аксакова судили, например, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский и другие авторитетные ценители литературы. Приведем слова С.И. Машинского, составителя и комментатора собрания сочинений писателя, о первой части охотничьей трилогии: «Написанная, по свидетельству Аксакова, для “освежения” своих воспоминаний и “для собственного удовольствия”, рассчитанная, казалось, на узкий круг читателей-рыболовов, она неожиданно для самого автора обрела очень широкую аудиторию и заставила Россию заговорить об Аксакове как о *крупном художнике*» (40–41)¹⁶. Тем не менее, в жанровом отношении к *автобиографической прозе* С. Т. Аксакова принято относить, строго говоря, другую его трилогию: «Семейная хроника» – «Детские годы Багрова-внука» – «Воспоминания». Так выстраиваются эти произведения согласно хронологии описываемых в них событий. Однако второе

¹⁶ Здесь и далее и произведения С. Т. Аксакова, вступительная статья и комментарии цитируются в тексте по изданию: Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4 томах. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. В скобках арабскими цифрами указываются страницы первого тома.

из них («Детские годы...») было закончено последним, в мае 1857 г., и полностью опубликовано в начале следующего, 1858 г. (фактически за 16 месяцев до кончины писателя)¹⁷.

Теперь обратимся к пояснению второй составляющей нашей темы: как понимать контексты восприятия. Разумеется, здесь имеются в виду экстралингвистические, ситуативные контексты, но и среди них возможна широкая дифференциация. Так, например, составители и комментаторы «Летописи жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859 гг.)» в Предисловии к ней справедливо указывают на биографически-семейный контекст, то есть на важность фактов, касающихся не только Сергея Аксакова, но и других членов семьи: «*Это один из главных контекстов изучения жизни и творчества писателя наряду с другими*»¹⁸. А далее, среди этих «других», предлагается «выявить и проследить различные *историко-литературные* и культурные контексты, важные для осмысления биографии и произведений писателя. Среди них, например, выделяется *история с бородой и русским платьем*»¹⁹.

Подразумеваются наклонности С.Т. Аксакова и его сына Константина отпускать бороды и демонстративно одеваться в простонародном стиле, тем самым поддерживая «дух русской старины и патриархального уклада». Раскрывая этот «контекст», составители «Летописи...» комментируют: «В таких же костюмах ходили и другие славянофилы. Так, в середине 1840-х годов А.С. Хомяков появлялся в московских и петербургских гостиных с бородой. Это произвело сильный эффект. Впервые со времен Петра I представители благородного сословия осмелились показаться в высшем свете обросшими. Общество вначале обрушилось на эти выходки Аксаковых с бранью и едкими насмешками. В Москве ходил анекдот о русском платье Константина. В травле приняли участие не только В.Г. Белинский, А.И. Герцен и Н.П. Огарев, но также Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, даже сочувствовавший славянофилам Аполлон

¹⁷ См.: Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859 гг.) / Сост.: В.В. Борисова, Е.П. Никитина, Т.А. Терентьева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 236 с.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 6.

Григорьев. Дело кончилась изданием в апреле 1849 года специального императорского указа о запрете носить дворянам бороды»²⁰.

Так обнаруживается фрагмент историко-культурного, почти бытового контекста. Между тем упомянут уже и контекст историко-литературный, который рассматривает И. А. Есаулов в статье «Контексты понимания художественного мира С. Т. Аксакова: поле возможностей»²¹. Он, несомненно, более привычен и важен для нашей науки. Однако и этот контекст может разворачиваться в очень разных масштабах – например, от относительно малого (десятилетнего) к большому (когда счет идет на столетия или даже тысячелетия...).

1.1. Историко-культурные контексты творчества С. Т. Аксакова

Ретроспективный культурно-исторический контекст восприятия творчества Аксакова оказывается впечатляющим. Речь здесь идет не о прямом литературном «влиянии», а об архетипических паттернах подсознания, в которых обнаруживаются инстинктивные, почти врожденные представления о семье и смене поколений, об иерархии, о власти, о значимости хозяйствования и др.²².

Как известно, представления об архетипах и архетипичности выработал и привнес в гуманитарные науки К. Г. Юнг²³. Согласно его логике, внутренний (психический) опыт «обладает *априорной* структурой (курсив К. Юнга. – Ю. С.), которая предшествует всякому сознательному опыту». Иначе говоря, душа человека «обладает своей особенной структурой и формой. <...> Структура – нечто данное, предусловие, которое заведомо присутствует в каждом случае. Это мать, матрица – форма, в которую вливается весь прочий опыт. С другой

²⁰ Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова... С. 8.

²¹ См.: Есаулов И. А. Контексты понимания художественного мира С. Т. Аксакова: поле возможностей // Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М., 2015. С. 382–390.

²² См. в кн.: Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2020. 224 с.

²³ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. С. 198–199.

стороны, отец репрезентирует динамику архетипа, ибо архетип состоит как из формы, так и из энергии». Понятие «паттерн» (с англ. – «модель, схема, шаблон») вошло в широкий обиход уже после Юнга; оно по значению шире, но вполне согласуется с его суждениями. Паттерны бывают визуальные, а также психические, поведенческие и пр. По сути, архетипические паттерны – это набор инстинктов, мотивов и даже сценариев поведения, унаследованных людьми от далеких предков²⁴.

В национальном измерении ориентиром для С. Т. Аксакова мог являться, например, «Домострой» (XVI век)²⁵. Знакомство главы семьи с этим культурным памятником не подлежит сомнению. Его младший сын, Ив. С. Аксаков, в письме к родителям от 26.02.1850 г. (к этому времени уже публиковались отрывки из «Семейной хроники» отца, тем более известна была в семейном кругу работа над ее продолжением) сообщает: «Я прочитал на этой неделе весь “Домострой” попа Сильвестра и дивился, как могло родиться такое произведение: так многое в нем противно свойству русского человека! Я терпеть не могу правил в самой жизни и вообще не люблю обычая, как скоро уже он замерз, как скоро он покушается сделаться правилом и властвовать над жизнью»²⁶. Как известно, С. Т. Аксаков далеко не во всем бывал согласен с суждениями и идеями своих сыновей Ивана и Константина, известных деятелей славянофильства. И к «Домострою» он как писатель и глава патриархальной семьи мог испытывать и демонстрировать сочувственное отношение. Это вполне подтверждается содержанием его автобиографической трилогии.

Многое в «Семейной хронике» семейства Багровых выразительно сориентировано на принципы «Домостроя»²⁷. И научные характеристики этого

²⁴ См. также: Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Изд-во РГГУ, 1994. 136 с.

²⁵ Домострой / В. В. Колесов, составление, перевод, статья. СПб: Наука, 2007. 425 с. (Литературные памятники).

²⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / Т. Ф. Пирожкова, составление, статья, примечания. М.: Наука, 1994. С. 120 (Литературные памятники).

²⁷ См. об этом: Прокудин Б. А., Прокудина Д. А. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 222–223.

памятника, выработанные его комментатором В. В. Колесовым, вполне соотносимы с содержанием «Хроники». Например, такие:

«Особый упор делается на чувстве долга и на нравственных основах семейной жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг».

«Иерархия в отношениях между людьми и точное соблюдение определенных циклов в организации жизненных процессов – тоже важная черта средневекового быта. Домострой попытался регламентировать то, что до него обладало известными степенями свободы: личные отношения человека с близкими ему людьми».

«Поразительно то внимание, которое Домострой уделяет питью и пище, – здесь указано более 135 кушаний разного рода; это даже не еда, а вселенское обжорство. Не следует понимать так, будто и на самом деле предки наши были обжорами. Например, рачительное хозяйственное отношение к каждому кусочку, к крошечке, к лоскутку показывает, насколько ценились все эти блага: еда, питье, одежда».

«Домострой касается и темы власти, а по мнению некоторых историков, и вообще является “трактатом о власти”».

«Триипостасность “государя” дома в точности отражает троющийся в сознании средневекового человека мир. В противопоставлении к жене он – муж, к сыну – отец, к домочадцам – хозяин, государь. <...> Домострой – древнейший памятник, в котором, между прочим, впервые появляются слова мужчина и женщина. Распределение понятий подчеркивается разными словами: муж–мужик–мужчина, жена–женка–женщина; эти слова постепенно становились знаками различных социальных признаков человека».

«Пусть это и звучит странно, но все же первоначально идея женского равноправия развивалась именно в границах семьи и основывалась на разделении труда между супругами».

«В Домострое женщина – хозяйка дома – в иерархии семейных отношений занимает свое особое место. Права и обязанности хозяина и хозяйки распределяются между ними, почти не пересекаясь, а это определяет и социальный

ранг хозяйки в частной жизни дома. Только совместно муж и жена составляют «дом»²⁸.

От сторонних характеристик достаточно перейти к конкретному тексту «Домостроя», чтобы стали вполне очевидны примеры *невольной*, интуитивной зарифмованности автобиографического произведения Аксакова со многими тезисами древнерусского памятника. Это и есть выражение в том и в другом одних и тех же архетипических паттернов. Обратим внимание на тот факт, что из 67 глав «Домостроя» более половины (с 30 по 66) находят себе развернутое художественное соответствие в содержании «Семейной хроники». Вот как озаглавлены некоторые из них («Домострой»):

«Как жить человеку по средствам своим»;

«Кто без присмотра содержит слуг»;

«Как сохранять порядок домашний и что делать если придется у людей чего попросить»;

«Как хозяйке следует повседневно приглядывать за слугами в домашнем обиходе»;

«Как жене с мужем советоваться каждый день»;

«Как ключнику присматривать за поварами и хлебопеками»;

«Как хозяину, выведав все, по заслугам жаловать слуг, а плохих наказывать».

Каждая из таких глав содержит конкретные, порой развернутые советы и рекомендации. Аксаков, в свою очередь, в «Семейной хронике» на те же или подобные темы как бы вторит Сильвестру (предполагаемому автору «Домостроя»), иллюстрирует их, рассказывая о Степане Багрове. В частности, в упомянутой главе «Как сохранять порядок...» (тридцать шестая в структуре «Домостроя») – имеются рекомендации по хозяйственным добрососедским отношениям: «...всякой ссуде определить бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, – и тому уплатить, у которого ссуда взята. А всякую ссуду и брать и давать честно,

²⁸ Домострой, с. 312; 315; 328; 334; 335; 337; 338; 352.

хранить крепче, чем свое, и в срок возвратить, <...> тогда и еще дадут, да и дружба навек» (172). Аксаков же, рассказывая о Багрове-старшем, даже расширяет и развивает эту норму взаимоотношений: «Он был истинным благодетелем дальних и близких, старых и новых своих соседей, особенно последних, по их незнанию местности, недостатку средств и по разным надобностям <...>. Полные амбары дедушки были открыты всем – бери, что угодно. «Сможешь – отдай при первом урожае; не сможешь – бог с тобой!» С такими словами раздавал дедушка щедрою рукою хлебные запасы на семена <...>. Мало того, что он помогал, он воспитывал нравственно своих соседей!» (89). Так архетип добрососедских отношений переходил в жизненную практику.

В подобном преломлении (от архетипов взаимоотношений и поведения – через домостроевские принципы – к жизненной практике) представляются нам и другие темы: дифференциация отношения к слугам, взаимоотношения супругов, родителей и детей. Так, например, к домашним слугам (т.е. «дворовым людям») Багров проявлял больше строгости, что не исключало и снисходительности к их слабостям. К крестьянам же старик Багров, как правило, и более внимателен, и более благосклонен: «Староста уже видел барина, знал, что он в веселом духе, и рассказал о том кое-кому из крестьян; некоторые, имевшие до дедушки надобности или просьбы, <...> воспользовались благоприятным случаем, и все были удовлетворены: дедушка дал хлеба крестьянину, который не заплатил еще старого долга <...>; другому *позволил женить сына, не дожидаясь зимнего времени, и не на той девке, которую назначил сам*, и проч.» (101).

А вот родному сыну он поначалу запрещал жениться по любви, и резоны у него были обыкновенные для той среды: «Во-первых, она дворянка вчерашняя, а ты потомок самого древнего дворянского дома. Во-вторых, она горожанка, ученая, бойкая, привыкла после мачехи повелевать в доме и привыкла жить богато, даром что сама бедна; а мы люди деревенские, простые, и наше житье ты сам знаешь; да и себя ты должен понимать: ты парень смирный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнее себя – беда: будет командирша над мужем; а притом, ты так ее любишь, что на первых порах непременно

избалуеть. Ну, так вот тебе мое отцовское приказание: выкинь эту любовь из головы» (153).

Кстати, в этом случае Багрова-старшего нельзя назвать самодуром и семейным деспотом. Ведь и сам он в свое время женился сообразно патриархальным (фактически домостроевским) принципам: «...дедушка мой женился на Арине Васильевне Неклюдовой, небогатой девице, также из старинного дворянского дома. <...> Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин» (77–78).

Однако времена изменились, и в случае с сыном вышло иначе. Тот письмом «с несвойственной ему твердостью, хотя всегда с почтительной нежностью, объяснил своим родителям, что любит Софью Николавну больше своей жизни, что не может жить без нее, что надеется на ее согласие и просит родительского благословения и позволения посвататься. <...> Степан Михайлович скоро смекнул, что дело плохо и что теперь уж никакая горячка не вылечит от любви его сына. По своей живой и благосклонной натуре он даже поколебался, не дать ли согласия, о чем можно было заключить из его слов, обращенных к Арине Васильевне. “Ну что, Ариша (говорил он ей на следующее утро, разумеется наедине), как ты мекаешь? Ведь не позволим, так нам не видать Алексея как ушей своих: или умрет с тоски, или на войну уйдет, или пойдет в монахи – и род Багровых прекратится”. Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерьми, как-то не испугалась за своего сынка и отвечала: “Твоя воля, Степан Михайлович; что тебе угодно, того и я желаю; да только какое же будет от них тебе уважение, если они поставят на своем после твоего родительского запрещенья?” Пошлая хитрость удалась: самолюбие старика расшевелилось, и он решился подержаться» (156). Последовал новый запрет. И лишь после угрозы сына добровольно уйти из жизни родители дали-таки свое согласие на брак «по велению сердца».

Приведенный фрагмент характерен, помимо прочего, иллюстрацией одного из принципов «Домостроя». Напомним, что права и обязанности хозяина

и хозяйки распределяются между ними, почти не пересекаясь, а это определяет и социальный ранг хозяйки в частной жизни дома. Только совместно муж и жена составляют «дом».²⁹ В приведенном случае (когда дело касалось судьбы сына) права супругов как раз пересеклись, и оказалось, что в управлении семейной жизнью можно и должно руководствоваться не только единоличной волей патриарха, но и согласием супругов.

Кроме того, в приведенных фрагментах (и далее по всей автобиографической трилогии) Аксаков во многом актуализирует гендерную проблематику, далеко выходя за границы домостроевских принципов. Если там, согласно В. В. Колесову, уже была заложена «идея женского равноправия» (см. выше), то теперь Аксаков во многом дополняет близкий ему историко-литературный контекст (Гончаров, Достоевский и Толстой) и позволяет различить в его автобиографической прозе признаки *художественной гендерологии*³⁰. Это намечает перспективу продолжения научного исследования.

Перевод внимания с национального измерения на европейское, в частности античное, еще более расширяет ретроспективный контекст восприятия произведений С. Т. Аксакова, когда счет идет не просто на столетия, но даже на тысячелетия.³¹ Если иметь в виду авторов и их создания, то ретроспективный контекст, своеобразные ступени от Аксакова «в глубь веков», можно выстроить следующим образом: Аристотель («Политика» – IV век до н. э.); Ксенофонт («О хозяйстве» – V век до н. э.) и Гесиод («Труды и дни» – VIII век до н.э.).

Далее отчасти воспользуемся наблюдениями В. В. Колесова, как комментатора древнерусского «Домостроя» и автора сопутствующей статьи. О произведении Аристотеля достаточно будет сказать коротко. «Во второй главе

²⁹ См.: Фенькина Л. Н. Мифопоэтика дома в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова «Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания» // Научный альманах. Волгоград. 2017. № 3-2 (29). С. 477–481.

³⁰ См.: Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 301 с.

³¹ О библейском контексте восприятия текстов Аксакова см. содержательную статью В. В. Борисовой: Ветхозаветный код «Семейной хроники» С. Т. Аксакова // Культурные коды русской литературы: материалы Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию филол. фак-та Башк. гос. ун-та. Уфа, 2017. С. 18–24.

своей книги он рассматривает “политику дома” – семьи. Он учит “наживать состояние” трудом и правлением. “Наука о домохозяйстве, предполагает три элемента власти: во-первых, власть господина по отношению к рабам, во-вторых, отношение отца к детям, в-третьих, отношение мужа к жене. <...> Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя”. Поскольку всякая семья – часть государства, следует воспитывать домочадцев в соответствии с их положением в рамках государственного (и семейного) строя»³². Пожалуй, под этим подписался бы и Аксаков как автор автобиографической трилогии. Более того, как и в случае с древнерусским памятником, он многообразно иллюстрирует эти отвлеченные принципы и тезисы в своих произведениях.

Ксенофонт Афинский для нас особо примечателен. Название его трактата менялось, например – «О хозяйстве», затем «Домострой» (что отчасти соответствует славянскому переводу). В. В. Колесов считал, будто «это сочинение касается главным образом проблем земледелия. Лишь в одном месте герой его – Исхомах – объясняет, что ему нет нужды постоянно находиться дома, поскольку ведению хозяйства он научил свою жену»³³. Филолог-классик С. И. Соболевский уточнял: «“Домострой” (Ксенофонта. – Ю. С.) по содержанию делится на две части: в первой речь идет о домашнем хозяйстве, во второй – о земледелии».³⁴ Заметим и мы, в свою очередь, что, как свидетельствует текст трактата Ксенофонта, его советы по ведению домохозяйства развернуты и конкретизированы. Здесь, например, есть главы: «Хозяйство у дурных и хороших хозяев»; «... Цель брака. Обязанности жены»; «Домашнее благоустройство»; «Об устройстве дома. Ключница. Значение хозяйки»; «Управляющий. Выбор его и подготовка»; «Законы для слуг о честности»; а также, как уже сказано, целый ряд глав с конкретными советами по земледелию. Показательно, что спустя 27 веков у Аксакова именно баланс

³² Домострой. С. 319.

³³ Домострой. С. 318–319.

³⁴ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского. М.–Л.: ARADEMIA, 1935. С. 247.

внимания к земельному хозяйству и к семейному укладу сказывается в его автобиографической трилогии. И важно, что у обоих авторов как по домохозяйству, так и по земледелию в описаниях многое развернуто конкретно, вплоть до мелочей.

Например, у Ксенофонта есть особая глава «Уборка хлеба и очистка зерна». Здесь текст, как и во всем этом сочинении, «диалогизирован», то есть развернут в форме диалога Сократа с Исхомахом (в котором исследователи обычно видят альтер-эго самого Ксенофонта). Читаем о том, как правильно веять зерно (диалог ведется от лица Сократа):

«После этого, Исхомах, сказал я, мы будем веять зерно, чтобы его очистить.

Скажи мне, Сократ, сказал Исхомах, знаешь ли ты, что если ты начнешь веять на той части гумна, откуда ветер, то мякина полетит через все гумно?

Непременно, отвечал я.

Стало быть, сказал он, она должна падать и на зерно.

Да, важно, сказал я, чтобы мякина перелетала через зерно на пустую часть гумна.

А если начать веять, спросил он, на подветренной стороне?

Очевидно, сказал я, мякина будет сейчас же в ее приемнике.

А когда очистишь зерно до середины гумна, сказал он, сейчас ли, пока еще зерно лежит так рассыпанное, будешь веять остальное зерно, не очищенное от мякины, или же сгребешь чистое зерно к столбу на возможно узкое пространство?

Да, сгребу, клянусь Зевсом, отвечал я, чистое зерно, чтобы мякина у меня перелетала на пустую часть гумна и не было надобности два раза веять одно и то же зерно.

Значит, Сократ, сказал он, ты и другого мог бы поучить, как всего скорее очистить зерно!»³⁵

У Аксакова сцена молотьбы зерна дана во второй части трилогии через

³⁵ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. С. 309.

восприятие мальчиком, Сережей Багровым: «На другом току двое крестьян веяли ворох обмолоченной гречи; ветерок далеко относил всякую дрянь и тощие, легкие зерна, а полные и тяжелые, косым дождем, падали на землю; другой крестьянин сметал метлою ухвостье и всякий сор. <...> Мы отправились, по дороге к дому, прямо на гумно. <...> На гумне стояло уже несколько новых высоких ржанных кладей. <...> На каждой клади стояло по четыре человека, они принимали снопы, которые подавались на вилах, а когда кладь становилась высока, вскидывались по воздуху ловко и проворно; еще с большею ловкостью и проворством ловили снопы на лету стоявшие на кладях крестьяне. Я пришел в сильнейшее изумление и окончательно убедился, что крестьяне и крестьянки гораздо нас искуснее и ловчее, потому что умеют то делать, чего мы не умеем. <...> Отец нашел на гумне какие-то упущенья и выговаривал старосте, что бока у яровых кладей неровны и что кладка неопрятна; но староста с усмешкой отвечал: “Вы глядите, батюшка Алексей Степаныч, на оржаные-то кладь, – яровые такие не будут; оржаная солома-то длинная, а яровая – коротенькая, снопы-то и ползут”. Мне показалось, что отец смутился» (453).

На наш взгляд, не случайно на страницах «Детских годов Багрова внука» прямо появляется Ксенофонт с упоминанием его книги (единственной до нас дошедшей): «...удивительно, что Ксенофонт нравился мне <...>, а в последующие годы *сделался моим любимым чтением*. Я и теперь так помню <...>, как будто она не сходила с моего стола; даже наружность ее так врезалась в моей памяти, что я точно гляжу на нее и вижу чернильные пятна на многих страницах, протертые пальцем места и завернувшиеся уголки некоторых листов» (361). Правда, по понятным причинам ребенку более всего нравились описания исторических событий. Однако автор признавал, что читал он запоем все доступные книги, и потому хозяйственные описания также наверняка не обошел вниманием.

Продолжая сопоставление двух авторов, можно отметить и еще одно, почти парадоксальное соответствие между Ксенофонтом и Аксаковым. Древний грек имел «дом и участок земли в местечке Скиллунте в Элиде близ Олимпии.

Здесь он жил с женой и двумя сыновьями, Гриллом и Диодором, и провел много лет вдали от общественной жизни, – занимался сельским хозяйством, охотой, литературными трудами и принимал друзей. Эта спокойная, идиллическая жизнь в очаровательном уголке продолжалась до 371 года»³⁶. Всё это почти полностью предвещает условия жизни Аксакова (вплоть до присутствия сыновей). Поверх возможных, но в данном случае надуманных архетипических аллюзий, в этом можно видеть нечто вроде жизненных закономерностей: обоим знатокам и почитателям сельской природы судьбой даровано было нечто общее и заслуженное.

Более того, впечатляет другое, уже творческое «совпадение»: Ксенофонт написал «Кинегетик», т. е. «трактат об охоте с собаками, который содержит восхваление охоты и дает много практических указаний о дрессировке охотничьих собак, об охоте на зайцев, оленей, львов и других зверей. Интересен конец, где автор предостерегает молодых людей от увлечения софистами как преподавателями мудрости и добродетели и убеждает их отдать предпочтение охоте как занятию более пригодному для приобретения добродетели»³⁷. Во-первых, С.Т. Аксаков, как уже сказано, впервые вышел к читателям со своими «записками» о рыбалке и об охоте. Во-вторых, и двух своих старших сыновей Константина и Ивана, деятелей славянофильства, он предостерегал от чрезмерного увлечения философскими идеями (в частности, модным гегельянством)³⁸.

Ксенофонту в оценках его творчества повезло больше, чем Аксакову. Как писателя, его «очень ценили в древности. Его называли аттической музой, аттической пчелой; Цицерон перевел его на латинский язык и находил, что его речь слаще меда и что его голосом как бы говорили Музы ("Оратор" IX 32 и XIX 62); "сами Грации сложили его речь", по словам Квинтилиана (X 1, 82))»³⁹.

³⁶ Вступительная статья С. И. Соболевского в кн.: Ксенофонт Афинский... С. XVII.

³⁷ Ксенофонт Афинский... С. XXII.

³⁸ См. об этом: Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 158–161 (ЖЗЛ).

³⁹ Ксенофонт Афинский... С. XXII.

Последний, на ком мы остановим внимание, это Гесиод, который жил и писал еще раньше, чем Аристотель и Ксенофонт. Примечательно, что почти все принципы древнерусского Домостроя, в сущности, содержались уже в «Трудах и днях» Гесиода, первого по древности греческого поэта (VIII в. до н. э.). И еще характерно, что оба эти памятника построены как наставления родным: в древнерусском «Домострое» это обращения к сыну; в «Трудах и днях» – к брату. При этом Гесиод писал заметно конкретнее, даже кропотливо (вплоть до уроков, как носить шапку зимой, чтобы не морозить уши, и из какой кожи шить обувь). Но нас сейчас интересует творчество Аксакова, и складывается впечатление, что он как бы следует некоторым заветам, оставленным Гесиодом.

Вот, например, древний грек учит хозяина поместья различать хороших и дурных соседей и как к ним относиться:

«Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.

Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:

Если несчастье случится, – когда еще пояс подвяжет

Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.

Истая язва – сосед нехороший; хороший – находка.

В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.

Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.

Точно отмерив, бери у соседа займы: отдавая,

Меряй такою же мерой, а можешь, – так даже и больше,

Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится»⁴⁰.

И Багров-старший у Аксакова будто бы усвоил эти уроки: мы уже отмечали выше, как относился в «Семейной хронике» Багров-старший к своим соседям и как благотворно влиял на них.

Нужно заметить, что уже современники С. Т. Аксакова указывали в связи с его сочинениями на аллюзии к древним грекам. Например, С. П. Шевырев откликнулся в печати на «Детские годы Багрова-внука» и назвал эту книгу

⁴⁰ Гесиод. Полное собрание текстов / Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. С. 62.

«русским отголоском Одиссеи». Он имел в виду «спокойно-эпическое представление старой русской жизни» у Аксакова. И ведь критик «промахнулся» совсем немного. Как известно, Гомер остался автором почти мифологичным, тогда как Гесиод – первый по времени реальный писатель, будто бы современник и даже удачливый соперник Гомера⁴¹. Как бы то ни было, с «Одиссеей», на наш взгляд, уместнее было бы сравнивать наше «Слово о полку Игореве» (с его мифическим Бояном). А Аксаков явился в литературе, скорее, последователем Ксенофонта с его «Домостроем», а также Гесиода с его «Трудами и днями».

1.2. Историко-литературные контексты

Начнем с «малого», условно – десятилетнего контекста (1840–1850-е годы). В плане личных взаимоотношений он почти очевиден: как известно, С.Т. Аксаков был авторитетен для многих своих современников, в том числе художников слова. Об этом свидетельствует как их личное общение, так и широкая переписка. Среди них – Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, а также И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой и некоторые другие. Однако *полноценный* историко-литературный контекст должен включать в себя фактор творческих влияний или даже *взаимовлияний* писателей. И такой фактор можно с разной степенью достоверности выявить⁴². При этом нужно учитывать, с одной стороны, признания самих писателей (зафиксированные, например, в письмах или мемуарных свидетельствах современников), а с другой стороны – что особенно важно – данные сопоставления художественных текстов.

Творческая взаимосвязь с Н. В. Гоголем многих писателей этой эпохи (40–60-х годов) не подлежит сомнению. Стала уже крылатой фраза «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя». Ее приписывают Ф. М. Достоевскому, но вопрос

⁴¹ См.: Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 31–32.

⁴² См.: Шихова Г. С. Литературные традиции С. Т. Аксакова в творчестве русских писателей XIX – XX вв. // Аксаковские чтения-2001. Уфа, 2001. Ч. 1. С. 115–118.

авторства здесь не особенно важен. Общеизвестно влияние Гоголя на Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина – а также и на С. Т. Аксакова. Они были знакомы и оставались в регулярном тесном общении с 1832 года, то есть еще до публикации «Миргорода», «Ревизора» и «Мертвых душ». (Так что можно говорить и об особом для С. Аксакова, широком контексте его взаимоотношений с Гоголем). С. И. Машинский комментирует: «Роль Гоголя была <...> велика и непосредственна. Ю. Самарин, близко наблюдавший обоих писателей, вспоминал, с каким увлечением, бывало, *слушал Гоголь изустные рассказы Аксакова* и как настойчиво *призывал его взяться за перо*. О роли Гоголя в судьбе Аксакова-художника свидетельствует и другой хорошо осведомленный современник – И. Панаев. Произведения Гоголя, писал он, явились для Аксакова “новым словом” и “пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности. Без Гоголя Аксаков едва ли бы написал «Семейство Багровых»”» (36-37)⁴³.

И еще раз о том же влиянии Гоголя: «Много раз он побуждал Аксакова к написанию истории своей жизни. Слушая изустные рассказы Аксакова, Гоголь не раз говорил ему о том, как хорошо было бы все это написать. С еще большим энтузиазмом Гоголь укреплял его в этой мысли после появления в печати первого отрывка “Семейной хроники”. В августе 1847 года он писал Аксакову, что ему, наконец, следует начать диктовать “воспоминания прежней жизни” своей и “встречи со всеми людьми, с которыми случилось... встретиться, с верными описаниями характеров их”. Этим можно было бы, добавляет Гоголь, доставить “много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время...”» (там же, 47).

Нелишним будет задаться вопросом: таким ли уж односторонним было влияние Гоголя на Аксакова? Последний, как известно, работал над «Семейной хроникой» с большими перерывами в течение пятнадцати лет. Часть первого

⁴³ Цит. по вступительной статье С. И. Машинского: Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1.

отрывка «Семейной хроники» была написана в 1840 г. Опубликована она была позднее, в 1846 г. Но читалась в узком кругу ранее (что было тогда обычным делом), и в этот круг входил, как уже сказано, Гоголь. Если его так явно впечатляли аксаковские «воспоминания прежней жизни» (изустные или уже написанные), так не могло ли это хотя бы отчасти влиять и на собственное творчество Гоголя? Ведь именно в эти, 1840-е годы, как известно, сам он напряженно работал над окончательной отделкой первого тома «Мертвых душ» и над вторым томом как продолжением этой «поэмы» (к чему активно побуждал его и Аксаков).

Е. И. Анненкова в «Путеводителе по поэме Н. В. Гоголя “Мертвые души”» указывает на особенности вступительных описаний во втором томе (по сравнению с первым): «Перед нами вновь провинция, “отдаленный закоулок”, но в отличие от первого тома “закоулок”, “глушь” олицетворяют здесь не столько отдаленность, сколько простор, необъятность. Если губернский город виделся изнутри и описание его было пронизано иронией, то здесь автор избирает иной ракурс: он смотрит на этот “закоулок” со стороны, а точнее сверху, охватывая своим взглядом все, почти всю землю, открывающуюся пытливому и жаждущему новых впечатлений взору. <...> Впервые открыто появившийся мотив “земного рая” в начале сюжета затем проходит через остальные главы»⁴⁴.

Но именно это свойственно описаниям природы у С. Аксакова в «первом отрывке» (фактически в первой части) его «Семейной хроники». Вот лишь один соответствующий фрагмент: по берегам реки «тянутся, то теснясь, то отступая, отлогие, а иногда и крутые горы; по скатам и отрогам их изобильно рос всякий черный лес; поднимешься на гору – там равнина, непочатая степь, чернозем в аршин глубиной. По реке и окружающим ее инде болотам все породы уток и куликов, гуси, бекасы, дупели и курахтаны <...>; по лесистым отрогам жила бездна тетеревов; река кипела всеми породами рыб, которые могли сносить ее студеную воду: щуки, окуни, голавли, язи, даже кутема и лох изобильно

⁴⁴ Анненкова Е. И. Путеводитель по поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 94.

водились в ней; всякого зверя и в степях и лесах было невероятное множество; словом сказать: это был – да и теперь есть – уголок обетованный» (80).

Такое могло впечатлить и Гоголя; не потому ли второй том его «Мертвых душ» открывается подобными же картинами?

Примерно то же касается и героев у обоих писателей. Если в первом томе «Мертвых душ» герои, будучи наделены определенным своеобразием, не слишком отличались друг от друга, то во втором каждый являет собой индивидуальный мир, с присущими ему как социальными, так и духовными чертами. Гоголю требуется не столько общность, типажность (социальная или общечеловеческая), сколько особость личности. Его занимает становление «внутреннего человека», он размышляет о «духовном пути личности».

Аксакова вообще мало занимают «типы». Он изображает, скорее, «характеры»⁴⁵. В центре внимания «Хроники» – образ «дедушки», Степана Михайловича Багрова. Писатель раскрывает его характер не однолинейно, а через противоречивые свойства. Можно согласиться с характеристикой этого персонажа, сформулированной С. Машинским: «Старик Багров и груб и невежествен, но вместе с тем – человек “здравого ума и светлого взгляда”, умеющий “тонко понимать”; дикий зверь в ярости, он в спокойном расположении духа бывал и добр, и мягок, и душевен; жестокость совмещалась в нем с ненавистью ко лжи, плутовству <...>. Вот каков психологический диапазон этого человека» (53). Дополним характеристику выразительным фрагментом из самого произведения: «...этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам. Я видел его таким в моем детстве, что случилось много лет позднее того времени, про которое я рассказываю, – и впечатление страха до сих пор живо в моей памяти! Как теперь гляжу на него: он

⁴⁵ Разность между этими «ступенями» художественной методологии (тип–характер–индивидуум) обосновал в своей монографии Ф.В. Макаричев: Художественная индивидуология Ф. М. Достоевского. СПб.: ЭлекСис, 2016. 374 с.

прогневался на одну из дочерей своих, кажется за то, что она солгала и заперлась в обмане <...>. Бабушка кинулась было ему в ноги, прося помилования, но в одну минуту слетел с нее платок и волосник, и Степан Михайлович таскал за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тем не только виноватая, но и все другие сестры и даже брат их с молодою женою и маленьким сыном убежали из дома и спрятались в рощу, окружавшую дом; даже там ночевали» (90).

Три из пяти «Отрывков» (фактически частей) «Семейной хроники» Аксакова озаглавлены с указанием на конкретных персонажей: «Степан Михайлович Багров» – «Михайла Максимович Куролесов» – «Женитьба молодого Багрова» – «Молодые в Багрове» – «Жизнь в Уфе». Соответственно и в центре внимания помещается каждый из них, показанный в тесной связи с остальными персонажами, от членов семьи до прислуги. Это напоминает персонифицированные главы первого тома «Мертвых душ» Гоголя, которые можно было бы условно обозначить так: «Манилов» – «Коробочка» – «Ноздрев» – «Собакевич» – «Плюшкин» – «Чичиков»... Судя по дошедшим до нас главам второго тома «Мертвых душ», видимо, и в нем Гоголь предполагал условно персонифицировать главы примерно в таком порядке: Тентетников – Бетрищев – Петух – Платонов – Костанжогло – Кошкарев – Хлобуев – Муразов – и др.

Но основные аллюзии могут возникать в другом. Во-первых, героев в их отношении к природе и участия в природной жизни Гоголь во втором томе воспринимает и описывает почти «по-аксаковски». Например, если в первом томе «хозяйственность» была представлена Гоголем в сатирическом и даже извращенном виде (Коробочка, Собакевич, Плюшкин), то во втором томе мы видим позитивный пример (Костанжогло) – вполне вероятно, не без влияния Аксакова. Заметна поэтизация, почти культ хлебопашества, который звучит в речах Костанжогло: «...уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней, чище, благородней, выше». Этот образцовый хозяин говорит о земледелии как о занятии, при котором «человек идет рядом с природой, с временами года», становится «соучастник и собеседник всего, что

совершается в творении»⁴⁶.

При этом Гоголь устами своего героя как бы вторит Аксакову, у которого читаем: «Неусыпно и неослабно смотрел дедушка за крестьянскими и за господскими работами: во-время убрался с сенокосом, во-время сжал яровое и ржаное и во-время свез в гумно. Урожай был неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. <...> Разумеется, дело не обошлось без вспоможения соседей, которые, несмотря на дальнее расстояние, охотно приезжали на *помочи* к новому разумному и ласковому помещику, попить, поесть и с звонкими песнями дружно поработать» (81).

Другая аллюзия связана с культом еды.

Например, об одном из гоголевских персонажей второго тома «Мертвых душ» Е. И. Анненкова справедливо замечает: «Петр Петрович Петух кульминационно завершает ряд тех гоголевских героев, которые любят и умеют не только вкусно поесть, но и вкусно пожить. Уже отмечалось, что образ еды – это некая константа гоголевского творчества. Но никто, даже старосветские помещики, не едят столько и так, как Петух, случайно встретившийся Чичикову в его путешествии по российским просторам»⁴⁷. Этот Петух у Гоголя советует другому помещику, вечно «скучающему» Платонову: «Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал. <...> Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься, ведь тут сейчас повар, нужно заказывать обед, тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин; пришел повар, заказывать нужно на завтра обед. Когда же скучать?»⁴⁸

Персонажам «Семейной хроники» у Аксакова также не до скуки, и они опять-таки не упускают случая покушать. Вот, например, фрагмент из первого «отрывка»: «Надобно сказать, что у дедушки был обычай: когда он возвращался

⁴⁶ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 7. С. 69, 72.

⁴⁷ Анненкова Е. И. Путеводитель по поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». С. 94.

⁴⁸ Гоголь Н. В. Т. 7. С. 51.

с поля, рано или поздно, – чтоб кушанье стояло на столе <...>. Горячие щи, от которых русский человек не откажется в самые палящие жары, дедушка хлебал деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними следовала ботвинья со льдам, с прозрачным балыком, желтой, как воск, соленой осетриной и с чищеными раками, и тому подобные легкие блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасом, также со льдом» (97). И ведь это сказано о совершенно обиходном, «обыденном» обеде. Что уж говорить о застольях, которые устраиваются для гостей!..

В подтверждение приведем еще один фрагмент, из пятого «отрывка» произведения: «Стол ломился под кушаньями, и блюда не умещались на нем, а тогда было обыкновенье все блюда ставить на стол предварительно. История началась с холодных кушаний: с окорока ветчины и с буженины, пропшигованной чесноком; затем следовали горячие: зеленые щи и раковый суп, сопровождаемые подовыми пирожками и слоеным паштетом; непосредственно затем подавалась ботвинья со льдом, с свежепросольной осетриной, с уральским балыком и целую горюю чищенных раковых шеек на блюде; соусов было только два: с солеными перепелками на капусте и с фаршированными утками под какой-то красной слизию с изюмом, черносливом, шепталой и урюком. Соусы были уступка моде. Степан Михайлыч их не любил и называл болтушками. Потом показались чудовищной величины жирнейший индюк и задняя телячья нога, напутствуемые солеными арбузами, дынями, мочеными яблоками, солеными груздями и опенками в уксусе; обед заключился кольцами с вареньем и битым или дутым яблочным пирогом с густыми сливками. Все это запивалось наливками, домашним мартовским пивом, квасом со льдом и кипучим медом. И всё это кушали, не пропуская ни одного блюда, и *всё благополучно переносили гомерические желудки наших дедов и бабок!*» (231).

Кстати, необходимо заметить, что ранее, в четвертом «отрывке» произведения, Аксаков почти сатирически, «по-гоголевски», замечает *трудноусвояемость* подобных угощений для непривычного (особенно городского) человека. Вот как потчуют, например, молодых супругов,

уроженцев Уфы, в отчем деревенском доме: «...блюд было множество, одно другого жирнее, одно другого тяжелее; повар Степан не пожалел корицы, гвоздики, перцу и всего более масла. Свекор ласково потчевал молодую, и *молодая ела, творя молитву, чтоб не умереть на другой день*» (192).

Итак, второй том «Мертвых душ» и «Семейная хроника» создавались Гоголем и Аксаковым фактически одновременно, как бы параллельно. И оба автора, как свидетельствуют они сами и другие участники их встреч, читали друг другу свои творческие «опусы». Например, Гоголь в октябре 1851 г., то есть за 5 месяцев до своей кончины, пишет С. Аксакову: «Дело кое-как идет. Может быть, *оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь*. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся. Месяца через два мы, верно, с божьей помощью приведем в больший порядок тетради и бумаги, тогда *и чтение будет с большим толком и с большей охотой*. Обнимаю вас от всей души. Здоровье берегите да и приготовляйтесь тоже понемногу к сооружению конторки для писанья»⁴⁹.

Не особенно даже важно – кто на кого мог влиять. Зато примечательно, что в художественно–методологическом и отчасти в содержательном отношении они двигались как бы в одном направлении: от типов – к характерам, даже с чертами индивидуальности каждого из персонажей. В этом воплощалось многообразие жизненных впечатлений обоих, Гоголя и Аксакова. В этой связи приведем еще одно наблюдение Е. И. Анненковой, касающееся «Мертвых душ»: «Если герои первого тома порождали такие понятия, как “чичиковщина”, “маниловщина” и др., то вряд ли можно говорить о “петуховщине”, “платоновщине”, и не только потому, что новые фамилии (более всего – Костанжогло) сопротивляются подобному словообразованию. Гоголя занимает становление “внутреннего человека”, <...> он признает уникальность пути каждого при единой цели, *при общем векторе духовного развития*»⁵⁰.

⁴⁹ Гоголь Н. В. Т. 14. С. 257.

⁵⁰ Анненкова Е. И. Указ. соч. С. 99.

С последним выражением Е. И. Анненковой мы позволим себе отчасти не согласиться. В принципе понятно, что имеется в виду под «общим вектором духовного развития» – это некий православный фон и соответствующая перспектива, которую имел в виду для своих героев Гоголь, одержимый в последние годы проповедническим пафосом. Здесь уместно будет сделать немаловажное отступление.

Широко бытует мнение, согласно которому Аксаков и Белинский оказывали на Гоголя разнонаправленное влияние. Например, С. И. Машинский указывает на «роль, какую играл Аксаков в *борьбе между Белинским и славянофилами за Гоголя*. Аксаков немало пытался использовать свою дружбу с Гоголем, чтобы *парализовать влияние на него со стороны великого критика*» (39-40). На наш взгляд, такое представление нуждается в корректировке. Аксаков и Белинский действительно хотели бы оказывать на Гоголя влияние с очень разных позиций, которые в духе социалистического реализма виделись (тем же С. И. Машинским) как «консервативные» и «прогрессивные». Но, во-первых, Гоголь был слишком самостоятельным, самобытным человеком и художником, чтобы поддаваться подобным влияниям. А во-вторых (и это главное), Аксаков и Белинский пытались воздействовать на Гоголя хотя и с разных позиций, но *в совпадающем направлении*. Обоих тревожил православно-проповеднический пафос писателя, который шел не на пользу его художническому дарованию. Об этом свидетельствуют подробные воспоминания С. Т. Аксакова, содержащие также его переписку с Н. В. Гоголем и развернутые комментарии к встречам, разговорам и письмам.

Например, читаем такое: «Будучи сам плохим христианином, я с *неудовольствием и недоверчивостью смотрел на религиозное направление Гоголя*. Вероятно, это было главной причиной, почему он не открывался мне в своих намерениях. Если б я с любовью и горячностью приставал к Гоголю с расспросами, <...> может быть, Гоголь не уехал бы из России, по крайней мере

так скоро»⁵¹. Позднее Аксаков наблюдает у Гоголя «семена и даже всходы *того направления, которое впоследствии выросло до неправильных и огромных размеров*» (там же, с. 113). И комментируя финальную позицию Гоголя, Аксаков заключает: «Все это наделала продолжительная заграничная жизнь вне отечества, вне круга приятелей и литераторов, *людей свободного образа мыслей, чуждых ханжества, богомольства и всяких мистических суеверий*» (там же, с. 119). Сам Аксаков не только тревожился, но и пытался «вразумить» Гоголя. Он писал ему письма, которые по своему накалу, пожалуй, не уступают пафосу знаменитого «письма Белинского Гоголю». Так что оба – Аксаков и Белинский – боролись фактически за Гоголя–художника.

Теперь, возвращаясь к наблюдению Е. И. Анненковой, заметим, что под «общим вектором духовного развития» гоголевских героев во втором томе «Мертвых душ» не обязательно понимать лишь перспективу их религиозного преображения. Еще раз примем во внимание, что в конце 1840–начале 1850-х годов Аксаков и Гоголь работали параллельно и в близком творческом взаимодействии. Первую главу второго тома они, быть может, даже и обсуждали. А глава эта посвящена, как известно, Тентетникову – герою для Гоголя нетипичному. И большое внимание уделено писателем начальному *духовному воспитанию* Тентетникова в училище. При этом особо выделяется роль необыкновенного наставника. Приведем его характеристику с некоторыми купюрами:

Тентетников попал «в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, диво воспитателей, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства русского человека! Как знал он детей! Как умел двигать! <...> Как любили его все мальчики! Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей к своим родителям. Нет, ни даже в безумные годы

⁵¹ Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. Е.П. Населенко и Е.А. Смирнова. М.: АН СССР, 1960. С. 62. (Литературные памятники).

безумных увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь <к нему>. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставался, закрыв глаза, и лил слезы по нем. Его малейшее ободренье уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и [толкало] честолюбивое желание всех превзойти. Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенькой курс. Но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведениях. Тут только он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно <требуют> от детей, – того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить ни в каком <случае> и пребывать в гордом покое невозмущенной души; и всё, что способно образовать из человека твердого мужа, тут было употреблено в действие, и он сам делал с ними непрерывные пробы. О, как он знал науку жизни!»⁵²

Е. И. Анненкова замечает: «Биографию Тентетникова Гоголь помещает в начале главы – также в отличие от биографии Чичикова, которой было отведено место в конце первого тома. История «воспитания его и детства» в соответствии с уже сложившейся литературной традицией призвана была выявить, как влияли разнородные обстоятельства на формирующийся характер молодого человека. Однако в ходе создания второго тома Гоголя интересует не только социальный контекст и обусловленный им психологический склад личности. <...> Гоголя более всего занимает воспитание и обучение умственное, интеллектуальное, процесс формирования убеждений, жизненных ориентиров. В отличие от Чичикова, Тентетников устремлен не к материальному благополучию; его увлекают честолюбивые мечты, но при этом он думает не столько о собственной карьере, сколько желает стать достойным «гражданином земли своей». Тентетников мечтает о поприще, о службе, которая принесла бы общественную

⁵² Гоголь Н. В. Т. 7. С. 11–13.

пользу»⁵³. И в этой связи Е. И. Анненкова уточняет характеристику воспитателя гоголевского героя: «Можно предположить, что начальник учебного заведения, “человек необыкновенный”, воспитывающий прежде всего ум и поддерживающий честолюбие учеников, которые любили его гораздо больше, чем родителей (а у Тентетникова, вспомним, они вовсе не названы и судьба их неизвестна, как будто их вовсе не было), *мог пройти школу масонского содружества*, которое обсуждало и вопросы нравственного совершенствования, и задачи служения “земле своей”. Однако Гоголь не навязывает читателю подобную ассоциацию, лишь позволяя задуматься над ее возможностью»⁵⁴.

Мы, в свою очередь, можем также предположить, что в характеристике воспитателя Тентетникова, возможно, сказалось косвенное или даже прямое влияние Аксакова. Его «Воспоминания», как заключительная часть автобиографической трилогии, были написаны и опубликованы уже после кончины Гоголя. А в них развернуты живые и подробные сведения о товарищах и, главное, наставниках Аксакова в казанской гимназии, преобразованной в университет. Всё это бережно сохранялось в его памяти, в том числе в годы активного общения с Гоголем – который, как известно, не имел в личном запасе подобных воспоминаний и впечатлений⁵⁵. Коротко говоря, Гоголь не знал таких воспитателей. И вот примечательно, что у Аксакова в его «Воспоминаниях» находим очень близкие гоголевским (из второго тома «Мертвых душ») характеристики наставников юношества. Притом достаточно отвлеченный пафос Гоголя преображается у Аксакова в более конкретные свидетельства. Приведем один фрагмент:

«Нельзя без удовольствия и без уважения вспомнить, какою любовью к просвещению, к наукам было одушевлено тогда старшее юношество гимназии. Занимались не только днем, но и по ночам. Все похудели, все переменились в лице, и начальство принуждено было принять деятельные меры для охлаждения

⁵³ Анненкова Е. И. Указ. соч. С. 95.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См., напр.: Соколов Б. В. Гоголь: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 544 с.

такого рвения. Дежурный надзиратель всю ночь ходил по спальням, тушил свечки и запрещал говорить, потому что и впотьмах повторяли наизусть друг другу ответы в пройденных предметах. Учителя были также подвигнуты таким горячим рвением учеников и занимались с ними не только в классах, но во всякое свободное время, по всем праздничным дням. Григорий Иванович (Карташевский. – Ю. С.) читал для лучших математических студентов прикладную математику; его примеру последовали и другие учителя. Так продолжалось и в первый год после открытия университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения!» (2; 124)⁵⁶.

Здесь, в последних выражениях, звучит почти гоголевский позитивный пафос, и он же вполне развернулся уже в финале «Воспоминаний»: «Стены гимназии и университета, товарищи – вот что составляло полный мир для меня. Там разрешались молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства! Там был суд, осуждение, оправдание и торжество! Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своекорыстным расчетам и выгодам, ко всей житейской мудрости – и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких годов неразлучно живет с человеком и, неприметно для него, освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, как бы ни втоптали в грязь и тину, – она выводит его на честную, прямую дорогу. Я по крайней мере за все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Я убежден, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остается пробел в жизни, что ему недостает некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна...» (2; 163).

Конкретика, основанная на живых воспоминаниях и впечатлениях, – это сильная сторона Аксакова, тогда как пафос питается художественной стихией.

⁵⁶ Цит. по изд.: Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4 тт. М.: Гослитиздат, 1955 – с указанием в скобках тома и страниц арабскими цифрами.

Так что взаимообратные влияния Аксакова и Гоголя здесь (как во многих других фрагментах) вполне допустимы.

Нелишним будет заметить, что мотивы масонства могли возникать у Гоголя также не без участия Аксакова. Последний был хорошо знаком с этим явлением интеллектуальной культуры, о чем свидетельствует его особый очерк «Встреча с мартинистами» (2; 222–265).

Гончаров, в отличие от Гоголя, не входил в «узкий круг» знакомцев патриарха Аксакова (по возрасту их разделяло более 20 лет). Однако отрывки из первой части «Семейной хроники» были опубликованы в мае 1846 г. Так что описания в ней поместья и хозяйства Багровых вполне уже могли повлиять на картины деревенской жизни в первом романе Гончарова «Обыкновенная история». Вспомним, как уговаривала Александра Адуева его матушка оставаться в родном поместье: «– Погляди-ка, – говорила она, – какой красотой Бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертей сберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес-то как разросся! Подумаешь, как велика премудрость Божия! Дровец с своего участка мало-мало на тысячу продадим. А дичи, дичи что! и ведь всё это твое, милый сынок: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолепие! истинно небесное! рыба так и ходит; одну осетрину покупаем, а то ерши, окуни, караси кишмя кишат: и на себя и на людей идет. Вон твои коровки и лошадки пасутся. <...> И ты хочешь бежать от такой благодати»⁵⁷. Тем более это касается позднейшего гончаровского «Обломова»: знаменитая идиллия «Сна Обломова» также как будто навеяна аксаковскими описаниями как природы, так и уклада сельской жизни.

Между прочим, до нас дошел прямой отзыв Аксакова о первом романе Гончарова. Он писал сыну Ивану в апреле 1847 г.: «Некоторые господа (можно предположить, что имеется в виду и В. Г. Белинский. – Ю. С.) пришли в сильное восхищение от повести Гончарова, но я не разделяю этого мнения: она имеет много достоинств, но лишена художественности уже потому, что заданная

⁵⁷ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 178.

мысль автором торчит, как железная спица, продетая сквозь мягкий халат: нередко железо попадает на зубы. Впрочем, многое *поразительно верно: особенно свирепая Аграфена*. Я нахожу еще недостаток в этой повести: она стреляет несколько в прошедшую форму человеческого духа»⁵⁸.

Оговорка Аксакова (выделена нами курсивом. – Ю. С.) сама по себе примечательна: подразумевается крепостная прислуга в сельском доме Адуевых, ключница Аграфена, которая почти скандалит по поводу отъезда в город ее сожителя, дворового мужика Евсея («камердинера» Александра Адуева): «У ней горе выражалось по-своему. Она в тот день с ожесточением разлила чай <...>. Кофе у ней перекипел, сливки подгорели, чашки валялись из рук. Она не поставит подноса на стол, а брякнет; не отворит шкафа и двери, а хлопнет. Но она не плакала, а сердилась на все и на всех. Впрочем, это вообще было главною чертою в ее характере. Она никогда не была довольна; все не по ней; всегда ворчала, жаловалась. Но в эту роковую для нее минуту характер ее обнаруживался во всем своем пафосе. Пуще всего, кажется, она сердилась на Евсея.

– Аграфена Ивановна!.. – сказал он жалобно и нежно, что не совсем шло к его длинной и плотной фигуре.

– Ну, что ты, разиня, тут расселся? – отвечала она, как будто он в первый раз тут сидел. – <...> Только хнычет! Вот пострел навязался! Что это за наказание, господи! и не отвяжется!

И она со звоном уронила ложку в полоскательную чашку.

– Аграфена! – раздалось вдруг из другой комнаты, – ты никак с ума сошла! разве не знаешь, что Сашенька почивает? Подралась, что ли, с своим возлюбленным на прощанье?

– Не пошевелись для тебя, сиди, как мертвая! – прошипела по-змеиному Аграфена, вытирая чашку обеими руками, как будто хотела изломать ее в куски»⁵⁹.

⁵⁸ Цит. по кн.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 657.

⁵⁹ Гончаров И. А. Т. 1. С. 173–174.

Подобных колоритных женских характеров хватает и в «Хронике» Аксакова. Но о влиянии Гончарова на Аксакова говорить при этом, конечно, не приходится. Скорее примечательно совпадение в именах камердинеров (или крепостных «дядек»). Если у Адуевых это – Евсей, то в трилогии дядька мальчика – «Евсейч (его звали всегда только по отчеству)» (253). Нелишним будет заметить, что персонаж этот сопутствует юному герою (т.е. самому С. Т. Аксакову) фактически во всех частях трилогии и является, пожалуй, наиболее часто упоминаемым из числа «дворовых людей».

Наиболее примечателен другой вектор возможных взаимовлияний Аксакова и Гончарова. Имеется в виду выраженность своеобразия во взаимоотношениях мужчин и женщин. И кому здесь принадлежит «пальма первенства» – вопрос не совсем ясный.

С одной стороны, в первых частях «Семейной хроники» такое уже присутствует в колоритном выражении. Например: «...ткацкого холста на рубашки (т.е. тонкого, не домашнего. – Ю. С.) Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякий читатель вправе заметить, что это не сообразно с характерами обоих супругов. Но как же быть – прошу не прогневаться, так было на деле: *женская натура торжествовала над мужскою, как и всегда! Не раз битая* за толстое белье, бабушка продолжала подавать его и, *наконец, приучила к нему старика*. Дедушка употребил однажды самое действительное, последнее средство; он *изрубил топором* на пороге своей комнаты все белье, сшитое из оброчной лленой холстины, несмотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтоб Степан Михайлович “бил ее, да своего добра не рубил...”, но и это средство не помогло: опять явилось толстое белье – и старик покорился...» (92). То есть грубой силе супруга противопоставила то, что сейчас принято называть «мягкой силой», – и последняя взяла-таки верх.

С другой стороны, подобную неясность в иерархии супругов (Адуев-старший – его жена) отражает, в свою очередь, и Гончаров в «Обыкновенной истории». Вот показательная сцена: «– Смотря по тому, дядюшка, – продолжал Александр, – как вы беззаботно сидите в кабинете, когда тетушка почивает, я

догадываюсь, что этот мужчина...

– Тс! тс!.. молчи, – заговорил дядя, махая рукой, – хорошо, что жена спит, а то... того...

В это время дверь в кабинет начала потихоньку отворяться, но никто не показывался.

– А жена должна, – заговорил женский голос из коридора, – *не показывать вида, что понимает великую школу мужа, и завести маленькую свою*, но не болтать о ней за бутылкой вина...

Оба Адуевы бросились к дверям, но в коридоре раздались быстрые шаги, шорох платья – и всё утихло.

Дядя и племянник посмотрели друг на друга.

– Что, дядюшка? – спросил племянник, помолчав.

– Что! ничего! – сказал Петр Иванович, нахмутив брови, – нехстати похвастался. Учись, Александр, а лучше *не женись или возьми дуру: тебе не сладить с умной женщиной: мудрена школа!* <...>

– Она похвасталась, – начал он потом, – какая у ней школа! у ней школы быть не могло: молода! это она так только... от досады! но теперь она заметила этот магический круг, станет тоже хитрить... *о, я знаю женскую натуру! Но посмотрим...*»⁶⁰.

У Аксакова «женская школа» в семьях была развернута еще шире и не ограничивалась взаимоотношениями супругов. Например, в «Семейной хронике» о старших дочерях Багрова сказано: «Обе были очень не глупы, Александра же соединяла с хитрым умом отцовскую живость и вспыльчивость, но добрых свойств его не имела. Бабушка была женщина самая простая и находилась в полном распоряжении у своих дочерей; если иногда она осмеливалась хитрить с Степаном Михайловичем, то единственно по их наущению, что, по неумению, редко проходило ей даром и что старик знал наизусть; он *знал и то, что дочери готовы обмануть его при всяком удобном случае*, и только от скуки или для сохранения собственного покоя, разумеется

⁶⁰ Гончаров И. А. Т. 1. С. 304.

будучи в хорошем расположении духа, *позволял им думать, что они надуют его*; при первой же вспышке все это высказывал им без пощады, в самых нецеремонных выражениях, а иногда и бивал, но дочери, как настоящие Евины внучки, не унывали: проходил час гнева, *прояснялось лицо отца, и они сейчас принимались за свои хитрые планы и нередко успевали*» (94-95).

Безусловное влияние Аксакова на Гончарова следует признать по вектору другого тематического мотива. По трем последним главам / частям «Семейной хроники» (а также и в последующих произведениях Аксакова) прослеживается противоречащее патриархальным нормам влияние женщины, невесты и затем жены, – на мужчину. Постепенно созревает и затем осуществляется как будто типичный «неравный брак». На самом деле он *неравен* в разных аспектах – не столько в социальном и материальном, сколько в культурном отношении, что оказывается, вопреки традициям, серьезным психологическим барьером. В «Хронике» Софья Николаевна Зубина (прототипом которой являлась мать С. Т. Аксакова) – девушка из неродовитой и несостоятельной семьи, однако весьма по тогдашним меркам образована, «блистает» в губернском «свете». К ней сватается в последнем отношении опять-таки «неровня» – деревенский помещик-увалень, правда, родовитый и в перспективе даже богатый. И вот – «Мысль воспитать по-своему, образовать добродушного молодого человека, скромного, чистосердечного, неиспорченного светом – забралась в умную, но *все-таки женскую голову* Софьи Николаевны. Ей представилась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, у которого не было недостатка ни в уме, ни в чувствах, погруженных в непробудный сон, который будет еще более любить ее, если это возможно, в благодарность за свое образование. Эта мысль овладела пылким воображением Софьи Николаевны» (167).

Такое намерение в изложении Аксакова проходит ряд испытаний, как до, так и после свадьбы. Оба постепенно все больше узнают друг друга. Невеста «вполне разглядела своего жениха! Она не ошиблась в том, что он имел от природы хороший ум, предоброе сердце и строгие правила честности и

служебного бескорыстия, но зато во всем другом нашла она *такую ограниченность понятий, такую мелочность интересов, такое отсутствие самолюбия и самостоятельности*, что неробкая душа ее и твердость в исполнении дела, на которое она уже решилась, – не один раз сильно колебались; не один раз приходила она в отчаяние» (176). И далее, уже в супружеской жизни, ей приходится с разной мерой успеха *направлять и корректировать* поведение и даже чувства избранника-мужчины, т.е. воспитывать его, чтобы «поднять» до своего уровня⁶¹.

Подобная же коллизия, но в более развернутом художественно-психологическом виде, выражена у Гончарова позднее, в романе «Обломов» (который был опубликован в год кончины С. Т. Аксакова – Ю. С.), – во взаимоотношениях Ольги Ильинской с Ильей Ильичем. Вот лишь один соответствующий фрагмент авторского комментария: «У ней, в умненькой, хорошенькой головке, развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда <...>. Она мечтала, как «прикажет» ему прочесть книги, <...> потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать в деревню письма, дописывать план устройства имения, приготовиться ехать за границу – словом, он не задремлет у нее; она укажет ему цель, заставит полюбить опять всё, что он разлюбил <...>. И всё это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить! Она – виновница такого превращения! <...> Он будет жить, действовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человека к жизни – сколько славы доктору, когда он спасет безнадежного больного! А спасти нравственно погибающий ум, душу?..

Она даже вздрагивала от гордого, радостного трепета; считала это уроком, назначенным свыше. Она мысленно сделала его своим секретарем, библиотекарем»⁶².

Намерения и планы гончаровской героини потерпели неудачу, тогда как

⁶¹ Более широкое рассмотрение подобных ситуаций см. во второй главе нашего исследования.

⁶² Гончаров И. А. Т. 4. С. 205.

«аксаковский вариант» был ознаменован успехом. Причины тому были разные, и мы еще остановим на них внимание в дальнейшем ходе нашего исследования.

В этом же ряду (Аксаков – Гоголь – Гончаров) должны быть упомянуты Тургенев и Толстой. Оба они были помещики и к тому же страстные охотники. То и другое обеспечивало им закономерный интерес к произведениям Аксакова. В творческом отношении Тургенев как автор «Записок охотника» был, скорее всего, свободен от влияния аксаковских «записок» – и не только потому, что они публиковались почти одновременно. Слишком разные художественные задачи были при этом у писателей⁶³. Гораздо ближе по духу к аксаковской хронике оказывался Тургенев в «Отцах и детях», в описании семейства Кирсановых, которое сопоставимо с Багровыми–помещиками. Но переведем внимание на «толстовский» контекст. Здесь относительно творческих *взаимовлияний* Сергея Аксакова и Льва Толстого сложностей осмысления не меньше, а скорее, даже больше, чем в случаях с Гоголем и Гончаровым.

Прежде всего, заметим следующее. Толстой с середины 1850-х гг. – *начинает* свой творческий путь с трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Аксаков в конце 1850-х гг. – *завершает* писательский путь «Детскими годами Багрова-внука» (эта вторая часть его автобиографической трилогии была создана и опубликована, как уже отмечено, позднее остальных). Таким образом, по возрасту писателей разделяло около 37 лет, но Толстой как художник начал рано, а Аксаков – достаточно поздно. И примечательно, что как первое произведение Толстого, так и последнее у Аксакова – это художественно воспроизведенные их воспоминания о собственном детстве.

Итак, знаменитая трилогия «Детство. Отрочество. Юность» по времени предшествовала и в принципе косвенно могла повлиять на замысел аксаковского романа «Детские годы Багрова-внука» и на последнюю часть его трилогии, «Воспоминания» (которые по возрасту героя соответствуют толстовскому

⁶³ См. сравнительно–типологическую характеристику Аксакова и Тургенева: Никитина Е. П. Творческая индивидуальность С. Т. Аксакова в историко-функциональном и сравнительно-типологическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007. 351 с.

«Отрочеству»). До нас не дошли конкретные отзывы Аксакова о толстовской «детской» трилогии (потому что была ведь еще и «севастопольская»). Но кое-что может свидетельствовать о том, что Аксаков не разделял особо пылких восторгов почитателей молодого таланта как автора «Детства». Ему больше понравились «Севастопольские рассказы». Один из крупнейших знатоков жизни и творчества Л. Н. Толстого, Н. П. Пузин, опираясь на архивные материалы, перебирал факты: «К началу знакомства имя Толстого было уже хорошо известно Аксакову. «Детство» было им давно прочитано, и в 1854 г. Аксаков писал Тургеневу о *“нетерпеливом желании прочесть «Отрочество»*”, а 11 августа 1855 г., после прочтения первого из «Севастопольских рассказов», Аксаков сообщал Тургеневу: *“Статью Толстого я прочел с восхищением и так же мысленно кричал ура и сочинителю, и тому, что она напечатана”*. Знакомство писателей произошло во второй половине января 1856 г. <...> Тогда же Аксаков сообщил М. П. Погодину: *“Всякой день перебывает у меня человек десять, а сегодня вдруг сошлась дюжина. Между прочими приезжал познакомиться со мною граф Л. Н. Толстой и завтра читает у меня свою новую пиесу из крестьянского быта и просит, кажется искренно, самых строгих замечаний”*. На другой день Толстой читал главы своего произведения «из крестьянского быта», т. е. «Роман русского помещика» (был опубликован отрывок под названием «Утро помещика», который и вошел в состав законченных произведений писателя. – Ю. С.). Толстому, несомненно, была известна репутация Аксакова как *человека с большим художественным чутьем*»⁶⁴.

Из приведенной информации обратим внимание, как минимум, на следующее. Во-первых, «Детство» Аксаков прочел и ждет с нетерпением «Отрочество». Оно и понятно: сам он примерно в это время уже работает над «Воспоминаниями», которые, как уже сказано, соотносимы с «Отрочеством». На «севастопольский» рассказ он реагирует явно более пылко, чем на «Детство».

⁶⁴ Пузин Н. П. К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 162.

Во-вторых, Толстой в эти годы (1856–1857) продолжает работать над своим «Романом русского помещика», у которого по замыслу главная идея была – «...любовь к деревенской помещичьей жизни. Сцены столичные, губернские и кавказские все должны быть проникнуты этим чувством – *тоской по этой жизни*». И кто же, как не автор «Семейной хроники», мог здесь Толстому что-то важное подсказать. Дело, как нам представляется, было вовсе не в «большом художественном чутье» Аксакова, а в его жизненном и писательском опыте.

Художественного чутья с избытком хватало у самого Толстого. Примечательно, как внимателен Аксаков к его замечаниям по поводу последних частей «Хроники». У Н. П. Пузина читаем: «Интересно, что на рукописи «Семейной хроники» <...>, в пятом отрывке “Жизнь в Уфе” 1856 г., на обороте последнего листа черным карандашом рукой С. Т. Аксакова сделана надпись: “Не забыть... Замечания гр. Толстого: 1) Старик Зубин может в тайне думать так дурно о Калмыке, но не выскажет своей дочери. 2) Рассказ о похищении Сальме можно выпустить: он рассказан без любви и задерживает ход. 3) После эпилога остальное примыкает. 4) В эпилоге сказать как-нибудь иначе: нежели, что предки вызваны из мрака забвения и пр. пр., о могуществе письма и печати и о сочувствии”. С. Т. Аксаков внимательно отнесся к замечаниям Л. Н. Толстого и некоторые из них учел в процессе последующей работы над “Семейной хроникой”»⁶⁵.

Между тем, уже позднее, при работе над «Детскими годами Багрова-внука», свою художественную задачу Аксаков воспринимал как новаторскую, то есть без оглядки на опыт молодого Толстого. Обратимся еще раз к вступительной статье С. И. Машинского: «Сложный процесс формирования детской души – такова центральная тема новой книги Аксакова. Эта тема давно привлекала к себе писателя, он работал над ее воплощением с огромным подъемом, со всем жаром своего сердца. В бумагах Аксакова хранится одна чрезвычайно интересная записка, написанная его рукой и представляющая собой, может быть, черновик письма к неизвестному нам адресату. Вот ее

⁶⁵ Пузин Н. П. К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова. С. 163.

содержание: “Есть у меня *заветная дума*, которая давно и день и ночь меня занимает, но бог не посылает мне разума и вдохновения для ее исполнения. Я желаю написать такую книгу для детей, *какой не бывало в литературе*. Я принимался много раз и бросал. Мысль есть, а *исполнение выходит недостойно мысли*. Такая книга *надолго сохранила бы благодарную память обо мне во всей грамотной России...* Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых и чтоб не только не было нравоучения (всего этого дети не любят), но даже намек на нравственное впечатление и *чтоб исполнение было художественно в высшей степени*”» (58-59).

Такой книгой для Аксакова стала вторая часть его трилогии – «Детские годы Багрова-внука». Она встретила у современников много положительных отзывов. Среди них был и Толстой. Он слышал фрагменты этого произведения еще до публикации, в чтении, и в «Дневнике» в январе 1857 г. записал: «Чтение у С. Т. Аксакова. *Детство, прелестно!*»⁶⁶ И тогда же в письме к В.П. Боткину он высказал свое мнение более развернуто: «Слышал я две замечательные литературные вещи: “Воспоминания детства” С. Т. Аксакова и “Доходное место” Островского. Первая вещь мне *показалась лучше лучших мест “Семейной хроники”*. Нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, но *равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему*, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения»⁶⁷.

С этим толстовским впечатлением согласуется сопоставительная характеристика, которую дал позднее Аксакову и Толстому известный критик Святополк-Мирский: «Ближе, чем кто-либо из русских писателей, даже ближе, чем Толстой в Войне и мире, он (Аксаков) подошел к современному, постепенному, непрерывному изображению жизни, столь отличному от ее

⁶⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юбилейное издание. Серия 2: Дневники. М.; Л.: Гос. изд-во, 1937. Т. 47. С. 112.

⁶⁷ Толстой Л. Н. Т. 60. С. 56.

драматического, событийного изображения, обычного у прежних романистов»⁶⁸.

С течением лет, даже десятилетий, Толстой только укреплялся в своей высокой оценке аксаковского «детства». Свою же раннюю трилогию он при этом ставил невысоко. Свидетельства приводит Н. П. Пузин в цитированной уже работе: «Высокая оценка Толстым “Детских годов Багрова-внука”, данная им в дневнике и письме к Боткину, особенно важна потому, что в это время сам Толстой был уже автором классических книг о детстве – “Детства” и “Отрочества”. Мы знаем, что в старости Толстой поставил сам себе в упрек некоторый *отход от абсолютной правды в этих произведениях*, наличие в них элементов вымысла. <...> По воспоминаниям С. Л. Толстого, «отец ценил книги Аксакова “Семейную хронику” и “Детские годы Багрова-внука”. В нашем детстве, по совету отца, мы, старшие его дети, читали их вслух, а затем рассказывали прочитанное. Помню, еще когда я был мальчиком, то читал отдельные главы из “Детских годов Багрова-внука” яснополянским крестьянским детям, которые приходили в наш дом учиться грамоте». За год до смерти Толстой говорил: «“Детские годы Багрова-внука” потому интересны, что он сам описывает свои впечатления. Нехорошо в беллетристике описание от лица автора. Нужно описывать, как отражается то или другое на действующих лицах»⁶⁹.

А между тем, отношение самого Аксакова к «Детским годам...» было сложным и противоречивым. С. И. Машинский в комментариях к первому тому собрания сочинений приводит такие данные: «В письме к сыну Ивану от 11 июля 1857 г. он заметил: “Теперь труд мой требует цельного обзора, а я запутался в нем, потому что в продолжение работы цель моя изменилась”. Писатель высказывал сомнения в справедливости уверений друзей относительно того, что «Детские годы» – лучшее его произведение. “Я сам так думаю о некоторых местах, – писал он М. А. Максимовичу, – но совсем не уверен еще в

⁶⁸ Мирский Д. С. История русской литературы / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. С. 314.

⁶⁹ Пузин Н. Л. Указ. соч. С. 165.

достоинстве целого сочинения и совершенно уверен, оно не может возбудить такого общего сочувствия, какое возбудила “Хроника” и “Воспоминания”. Жизнь человека в дитяти не всем будет понятна, а подробности рассказа многим покажутся мелкими и ничтожными”» (623).

Итак, С. Т. Аксаков сомневался в будущем успехе своего «детского» произведения, но сомнения были напрасны. Более того, вся его трилогия заслуженно осталась в истории литературы и оказала влияние на творчество его современников (и не только). Что касается Толстого, то «аксаковское» вполне различимо в отдельных главах «Войны и мира» и «Анны Карениной». Имеются в виду, во-первых, те фрагменты, где развернуты описания хозяйственных устремлений героев-помещиков – Андрея Болконского и Константина Левина. А во-вторых, на аксаковский опыт явно откликаются толстовские описания охотничьего досуга Ростовых и того же Левина.

Но особо обратим внимание на примечательный, в чем-то даже почти парадоксальный историко-литературный факт. Последняя часть аксаковской трилогии озаглавлена «Воспоминания». В свою очередь, Толстой много позднее, на склоне своих лет (уже в новом столетии), задумывает *подобное же произведение с тем же названием*. Это не было только формальное обозначение жанра, потому что как в авторской позиции (то есть в художественной методологии), так и в содержательном отношении между двумя произведения просматриваются аналогии.

Аксаков не раз признавался, что художественный вымысел ему всегда давался плохо. Например, в 1857 году он писал Ф. В. Чижову: «Заменить... действительность вымыслом я не в состоянии. Я пробовал несколько раз писать вымышленное происшествие и вымышленных людей. Выходила совершенная дрянь, и мне самому становилось смешно». Позднее, в письме к другому корреспонденту, он вторит сам себе: «Близкие люди не раз слышали от меня, — отмечал он, — что у меня нет свободного творчества, что я могу писать, только стоя на почве действительности, идя за нитью истинного события; что все мои попытки в другом роде оказывались вовсе неудовлетворительными и убедили

меня, что даром чистого вымысла я вовсе не владею» (48-49)⁷⁰.

Здесь Аксаков по отношению к себе был во многом объективен и справедлив. И свои «Воспоминания» он почти полностью очистил от признаков вымысла, сохраняя даже фамилии упоминающихся фигурантов. А затем «Детские годы Багрова-внука» он предваряет «Вступлением», где пишет: «Я сам не знаю, можно ли вполне верить всему тому, что сохранила моя память? Если я помню действительно случившиеся события, то это назвать воспоминаниями не только детства, но даже младенчества. Разумеется, я ничего не помню в связи, в непрерывной последовательности, но многие случаи живут в моей памяти до сих пор со всею яркостью красок, со всею живостью вчерашнего события. Будучи лет трех или четырех, я рассказывал окружающим меня, что помню, как отнимали меня от кормилицы...» (287). И далее целый раздел – «Отрывочные воспоминания» – писатель отводит подобным младенческим своим впечатлениям.

Толстой, в свою очередь, на исходе жизненного и творческого пути был склонен к скептическим оценкам собственных художественных заслуг. Замысливая собственные «Воспоминания», он постулирует: «...самое важное и нужное, что может сделать человек своим писанием, <...> – это то, чтобы изложить правдиво то, что он сам пережил, передумал и перечувствовал, а *не придумывать воображаемые лица, приписывая им более или менее правдоподобные действия, умствования и чувства*. Мне тогда так ясно стало, что седому, старому человеку стыдно заниматься такими глупостями, как выдумывание сказок и побасенок, тратя на эти сказки и побасенки свой вынесенный из жизни и могущий быть плодотворно употребленным опыт, – что я тогда <...> решил больше не писать ничего, кроме того, что действительно было. <...> Я думаю, что самое важное и полезное людям, что может написать человек, это то, чтобы рассказать правдиво пережитое, передуманное, перечувствованное им»⁷¹. Впрочем, эти строки он в рукописи вычеркнул. Зато сохранил следующие:

⁷⁰ Цит. по статье С. И. Машинского.

⁷¹ Толстой Л. Н. Т. 34. С. 348.

«Для того, чтобы не повторяться в описании детства, я перечел мое писание под этим заглавием и пожалел о том, что написал это: так это *нехорошо, литературно, неискренно написано*. <...> В особенности же не понравились мне теперь последние две части: отрочество и юность, в которых, кроме нескладного смешения правды с выдумкой, есть и неискренность: желание выставить как хорошее и важное то, что я не считал тогда хорошим и важным, – мое демократическое направление. Надеюсь, что то, что я напишу теперь, будет лучше, главное – полезнее другим людям»⁷².

С такими оценками читатели и ценители первой трилогии Толстого, на наш взгляд, не могут согласиться. Это был все-таки ранний шедевр великого писателя. Однако следует признать, что он, как автор своих «Воспоминаний», вполне переходит на позицию Аксакова: описывать только пережитое и пережитое, оставаясь беспристрастным. И ведь показательно, что у Толстого в последнем его произведении находится место младенческим впечатлениям – по своей смутности подобным аксаковским.

Один из самых авторитетных биографов Толстого, Н. Н. Гусев, указывает: «Воспоминания о своем самом раннем, младенческом возрасте были записаны Толстым 5 мая 1878 года. В своих позднейших воспоминаниях, начатых в 1903 году, Толстой в одной из первых глав оговаривается, что он не будет говорить “о смутных младенческих неясных воспоминаниях, в которых не можешь еще отличить действительности от сновидений”. Однако через некоторое время, перечитав свои прежние “Первые воспоминания”, Толстой решил включить их в свою новую работу, по-видимому, все-таки не сомневаясь в их большей или меньшей достоверности»⁷³. Так что уместность включения младенческих впечатлений в автобиографические повествования как бы «художественно узаконивают» как Аксаков, так и Толстой, каждый по-своему⁷⁴.

⁷² Толстой Л. Н., т. 34, с. 349.

⁷³ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 65–66.

⁷⁴ См. об этом: Кудряшова А. А. Мотив пробуждения как первичное событие в автобиографической прозе Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова // Вестник угрюдения. 2011. №

Дополнительно заметим, что развернутое аналитическое сопоставление первой трилогии Толстого и его же «Воспоминаний» – важная перспектива возможного научного исследования в силу единства материала (фабула первого произведения во многом совпадает с перечнем событий, описанных во втором). То же касается и возможного сопоставления двух «Воспоминаний» – аксаковского и толстовского – в содержательном аспекте.

Расширяя ближайший историко-литературный контекст восприятия трилогии Аксакова, предположим, что еще более широкое влияние мог оказать ее автор на позднего М. Е. Салтыкова-Щедрина. Последний называл аксаковскую «Хронику» «драгоценным вкладом, обогатившим русскую литературу». А в «Пошехонской старине» у Щедрина–писателя содержится рассказ вымышленного повествователя, Никанора Затрапезного (где ощущается автобиографическое воспоминание самого автора), о том, как он, имея уже за тридцать лет, «прочитал “Детские годы Багрова-внука”, и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью».⁷⁵

В принципе саму «Пошехонскую старину» можно ставить в творческую параллель к семейной трилогии Аксакова, только с «переменой оценочных знаков» (с позитивных у Аксакова – на негативные у Щедрина). Однако *аксаковское* в последнем художественном произведении Щедрина – настолько серьезная и масштабная тема, что этому должно быть уделено особое внимание (см. следующий раздел настоящей работы).

1.3. Автобиографическая трилогия С. Т. Аксакова и «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Сопоставление двух этих писателей и конкретно именно указанных произведений особенно значимо для нас и должно стать показательным во

3(6). С. 25–30; Кудряшова А. А. Первичное событие в теории автобиографической прозы. Монография. Ярославль: ИПК Литера, 2013. 132 с.

⁷⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 томах. М.: Худож. литература, 1975. Т. 17. С. 488.

многих отношениях. Между ними так много соответствий, что даже странно, как долго существовало в науке это «белое пятно», которое лишь в последнее время стало постепенно заполняться достойными исследованиями⁷⁶.

Что касается самих писателей, то для начала заслуживают внимания социальные параметры. С одной стороны, С. Т. Аксаков и М. Е. Салтыков-Щедрин – выходцы из родовитых помещичьих семей, и тем самым они должны были знать описываемую среду не понаслышке. Это фактор социального родства. Однако, с другой стороны, очевидна кардинальная разница в их политических и эстетических позициях по отношению к материалу собственного творчества. Аксаков описывал крепостнический уклад во всех его выражениях – умиротворенно. Недаром, по наблюдениям С. И. Машинского, «анонимный критик «Русской беседы» <...> попытался было объявить автора «Семейной хроники» неким противовесом гоголевскому направлению. До сих пор, рассуждал он, *русская литература развивалась под знаком отрицательного воззрения на жизнь*; этому процессу содействовал Гоголь; теперь же в литературе возникло *стремление отрешиться от “голового отрицания” и “художественно примирить высшие духовные начала с осмеянными, оплеванными, презренными формами жизни”*. И вот С. Т. Аксаков является *чуть ли не главой этого “ново-возникающего направления”*. С подобной же концепцией мы встречаемся у Хомякова и у Шевырева. Оба они считали, что главная заслуга Аксакова якобы состояла в том, что он впервые взглянул на русскую действительность *не с отрицательной, а с положительной точки зрения*» (66-67)⁷⁷. Щедрин, в свою очередь, тот же самый уклад описывал с неприкрытой ненавистью. Его неправильно даже называть наследником и продолжателем Гоголя. Тот был великим реалистом, а Щедрин явился великим

⁷⁶ См., напр.: Ахметова Г. А. Жанр «Семейной хроники» в творчестве С. Т. Аксакова и М.Е. Салтыкова-Щедрина: («Семейная хроника» – «Пошехонская старина») // С. Т. Аксаков и славянская культура. Уфа, 1991. С. 57–59; Кудряшова А. А. Универсальные мотивы в русской автобиографической прозе XIX века: особенности стиля С. Т. Аксакова и М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник утраведения. 2012. № 2(9). С. 50–58.

⁷⁷ Как уже отмечено во Введении, подобные оценки периодически актуализировались и позднее, уже в XX – XXI веках (Д. Мирский, В. В. Кожин, Ю. И. Минералов).

сатириком, – это во многом иная позиция и художественно–методологическая стезя.

Кроме того, нужно иметь в виду еще и другую разницу: Аксакову не довелось хотя бы дожить до отмены крепостного права, тогда как Салтыков-Щедрин с гневом писал как о прошлом, так и о настоящем положении дел. По поводу пережитков крепостничества во всех сферах жизни и особенно в психологии дворянства он негодовал как в 1860-х, так и в 1870-х, и даже в 1880-х годах. Например, в первой же главе «Пошехонской старины» он выражается так: «...хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их еще остается нетронутой»⁷⁸.

Коротко говоря и выражаясь современным языком, «бэкграунд» у С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина был слишком уж разный во многих отношениях (кроме социального происхождения). Хорошей иллюстрацией к этой разности может послужить мотив первых детских впечатлений. В предыдущем разделе мы остановили внимание на том, как этот мотив выразился в последних произведениях Аксакова и Толстого. У обоих впечатления были разные (оно и понятно, ведь душевная жизнь уникальна), но общий фон составляла забота о ребенке. Салтыков-Щедрин подобных впечатлений не описывал, однако и от него до нас дошло соответствующее зафиксированное свидетельство. Однажды, в ответ на расспросы, он доверительно рассказал С. Н. Кривенко: «А знаете, с какого момента *началась моя память?* <...> *Помню, что меня секут...* кто именно, не помню, но секут как следует, розгою, а немка, гувернантка старших моих братьев и сестер, заступается за меня, закрывает ладонью от ударов и говорит, что *я слишком мал для этого*. Было мне тогда,

⁷⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20-и т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 17. С. 9. Далее это издание (тексты писателя и комментарии к ним) цитируется в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

должно быть, года два, не больше»⁷⁹.

То есть одних пеленают, моют в корыте (Толстой), проводят ночи у кровати больного ребенка (Аксаков), – другого секут розгой. И понятно, отчего Аксаков и Щедрин были такими разными художниками, тем более *людьми* в общении с окружающими. По многочисленным свидетельствам современников, как дом Аксаковых в Москве, так и имение Абрамцево были центрами душевного притяжения, во многом благодаря личности хозяина, главы семьи: «Знакомства с ним ищут видные писатели, актеры. Человек большой души, мягкий, добрый, отзывчивый, С. Т. Аксаков привлекал к себе людей порой самых различных политических убеждений; в вопросах житейских, литературных он неизменно служил нравственным авторитетом»⁸⁰.

И совсем иным был М. Е. Салтыков-Щедрин. Наиболее авторитетный его биограф, С. А. Макашин, имел основания заключить: «Салтыков и в качестве главного редактора пользовался прямо-таки устрашавшей многих (особенно молодых, начинающих писателей) репутацией *крайне сурового, жесткого, раздражительного и гневного человека*. Об этом сохранилось немало мемуарных и эпистолярных свидетельств, как достоверных, так и преувеличивавших действительность до мифотворчества»⁸¹.

История личных и творческих взаимоотношений Аксакова и Салтыкова-Щедрина небогата фактами, но по-своему примечательна. Как известно, один из разделов своих «Губернских очерков» («Богомольцы, странники и проезжие») Салтыков, впервые подписавшийся «Щедрин», посвятил С. Т. Аксакову. Тот в августе 1857 г. написал автору письмо (до нас не дошедшее) и получил ответное: «С сердечной радостью получил я почтеннейшее письмо Ваше от 26 августа. *Ваше одобрение по многим причинам для меня драгоценно*, и я вижу в нем новое для себя обязательство к продолжению посильных трудов моих. Я с особенною

⁷⁹ Цит. по кн.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. М.: Гослитиздат, 1951. Т. 1. С. 54–55.

⁸⁰ Машинский С. И. Сергей Тимофеевич Аксаков / Вступительная статья. С. 40.

⁸¹ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М.: Худож. лит., 1989. (Том 4). С. 183.

любовью работал над «Богомольцами», и откровенно признаюсь, что *Ваши прекрасные произведения имели решительное влияние как на замысел, так и на исполнение скромного труда*» (т. 18/1, с. 181). В следующем, 1858 году (т.е. всего за год до кончины С. Т. Аксакова), состоялось и личное знакомство, когда М. Е. Салтыков побывал в московском доме Аксаковых по их приглашению (он переписывался и с И. С. Аксаковым)⁸². Во всяком случае, действительно, «Салтыков не раз признавал и в письмах, и на страницах своих сочинений, вплоть до «Пошехонской старины», силу впечатления, испытанного им от эпически-бытовых полотен С. Т. Аксакова. Несомненно, они входят в генезис салтыковской «хроники»»⁸³.

Для нас важно, что в самой «Пошехонской старине» Салтыков-Щедрин дважды напрямую апеллирует к Аксакову, то есть открыто ориентируется на его жизненный и творческий опыт. Вначале в главе третьей («Воспитание нравственное») он пишет об участии природы в воспитании детей, сравнивая свой и аксаковский опыт: «Мне было уже за тридцать лет, когда я прочитал «Детские годы Багрова-внука», и, признаюсь откровенно, *прочитал почти с завистью*. Правда, что природа, лелеявшая детство Багрова, была богаче и светом, и теплом, и разнообразием содержания, нежели бедная природа нашего серого захолустья» (т. 17, с. 35).

Вторично он поминает Аксакова в главе двадцать шестой («Помещичья среда»), чтобы показать, как влияло крепостничество на психологию помещиков: «Покойный Аксаков своею «Семейной хроникой» несомненно обогатил русскую литературу драгоценным вкладом. Но, несмотря на слегка идиллический оттенок, который разлит в этом произведении, только близорукие могут увидеть в нем апологию прошлого. Одного Куролесова вполне достаточно, чтобы снять пелену с самых предубежденных глаз. Но поскоблите немного и самого старика Багрова, и вы убедитесь, что это совсем не такой самостоятельный человек,

⁸² См.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-1860-х гг. Биография. М.: Худож. лит., 1972. С. 182–183.

⁸³ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. С. 440.

каким он кажется с первого взгляда» (т. 17, с. 337).

Мы еще вернемся в ходе исследования к двум этим обращениям Щедрина к «Семейной хронике» Аксакова. А теперь обратимся к косвенным свидетельствам того, что первый из них испытывал подспудное влияние на себя второго. И таких свидетельств более чем достаточно.

Одно из них касается жанра и стиля – это оценка сатириком (который был прежде всего *художником слова*) сложной специфики автобиографического рода литературы. Аксаков ведь фактически только в этом роде и работал. Вспомним еще раз его признание: «...у меня нет свободного творчества, <...> я могу писать, только стоя на почве действительности, идя за нитью истинного события; <...> все мои попытки в другом роде оказывались вовсе неудовлетворительными и убедили меня, что даром чистого вымысла я вовсе не владею» (48-49). В свою очередь, Салтыков-Щедрин лишь в пору работы над своим последним произведением («Пошехонская старина») оценил эту сложную специфику. Так, в одном из писем он поясняет: «...Вы, кажется, ошибаетесь, находя эту работу легкою. По моему мнению, *из всех родов беллетристики – это самый трудный*. Во-первых, автобиографический материал очень скуден и неинтересен, так что *необходимо большое участие воображения, чтоб сообщить ему ценность*. Во-вторых, в большинстве случаев не знаешь, как отнестись к нему. Правду писать неловко, а отступать от нее безнаказанно, в литературном смысле нельзя: *сейчас же почувствуется фальшь*» (т. 20, с. 352).

Своего рода *переходным звеном* для сатирика послужил его признанный художественный шедевр «Господа Головлевы». Этот роман, как известно, *уже* во многом навеян личными впечатлениями автора, детскими и зрелыми. И в то же время он *еще* не следует фабуле детства и юности будущего писателя. И образы его персонажей – вовсе не портреты их прототипов: «Биографический комментарий к “Господам Головлевым”, осуществленный при помощи семейного архива Салтыковых, переписки писателя и других объективных источников, устанавливает, что в удручающей безрадостности романа отразилось немало впечатлений писателя от кровно близкой ему семьи “господ

Салтыковых”, столбовых русских дворян (по отцу). Однако отразились *не фабульно и не сюжетно*, а типологически»⁸⁴. Известно собственное признание писателя, что он в романе «воспроизвел некоторые типы своих родственников и их взаимную вражду и ссоры, – но только отчасти, потому что, по словам автора, он почерпнул из действительности только типы, в развитии же фабулы рассказа и судьбы действующих лиц *допустил много вымысла*»⁸⁵. Но даже этот роман Щедрина решается написать и опубликовать лишь после смерти в 1874 году своей матери, Ольги Михайловны Салтыковой-Забелиной.

Это, конечно, не совпадает, но напоминает положение Аксакова: «Когда писалась “Семейная хроника”, многие старые члены семьи были еще живы, и автору, по словам его сына, Ивана Аксакова, не хотелось оскорблять их родственного чувства различными теневыми обстоятельствами своих воспоминаний. Вот почему действительные имена некоторых персонажей, а также географические названия были заменены вымышленными. В предисловиях к первому и второму изданиям “Семейной хроники” и “Воспоминаний” автор специально подчеркивал, что между этими произведениями нет ничего общего. Впрочем, едва только “Семейная хроника” вышла из печати, как этот «маскарад», к немалому огорчению Аксакова, был тотчас же разгадан современной критикой и установлена полная идентичность литературных персонажей с их реальными прототипами» (Машинский, 48). В комментариях к 1 тому собрания сочинений Аксакова читаем: «“Оппозиция” членов семьи причиняла Аксакову серьезные огорчения и порой ставила его как художника в невыносимое положение. Сообщая в январе 1855 г. своей племяннице М. Г. Карташевской о приближении к концу работы над «Семейной хроникой», С. Т. Аксаков замечает далее: “Все это я должен прочесть вам предварительно и очень опасаясь, что встречу в твоей маменьке сильную оппозицию. «Хронику» об дедушке и бабушке – она вытерпела, но когда дело дойдет до отца и матери, до мужа и до нее самой, то я не знаю, что будет делать

⁸⁴ Макашин С. И. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. С. 220.

⁸⁵ Там же.

братец Сереженька с сестрицей Надеженькой?»» (612-613).

Что касается М. Е. Салтыкова-Щедрина, то много позднее, в «Пошехонской старине», соотношение правды и вымысла было иным, для него непривычным, — отсюда и затруднения. Еще раз вспомним фразу из его письма (цитировалось выше): «...автобиографический материал очень *скуден и неинтересен*, так что *необходимо большое участие воображения*, чтоб сообщить ему ценность». С первым выражением (насчет «скудости» материала) можно и поспорить. Но «участие воображения» в автобиографических произведениях несомненно как у Аксакова, так и у Щедрина. В неизбежном соотношении у них правды и вымысла, жизненных фактов и воображения не было ничего уникального. Эта проблема известна со времен античности. Л. Я. Гинзбург проясняла ее так: «Литература вымысла черпала свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной (она, конечно, существенна для творческой истории произведения). Документальная же литература живет открытой соотнесенностью и борьбой двух этих начал. <...> различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда. Особое качество документальной литературы — в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности»⁸⁶. В свою очередь, А. А. Чуркин продолжает логику Л. Я. Гинзбург: «Рождение романа внесло творческий беспорядок в <...> упорядоченный мир родов и жанров литературы. Все перипетии истории его развития <...> вращаются вокруг соотношения правды и вымысла, перекраивания границ между ними. Смута, порожденная романом, по-своему отзывалась и в мемуаристике»⁸⁷. И далее исследователь, переводя внимание на конкретный опыт Аксакова (что является основным предметом в его диссертации), приводит другую уместную цитату из работы Л. Я. Гинзбург: «Никакой разговор, если он сразу же не был записан, не

⁸⁶ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. С. 9.

⁸⁷ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С.Т. Аксакова: проблемы поэтики. С. 51.

может быть через годы воспроизведен в своей словесной конкретности. Никакое событие внешнего мира не может быть известно мемуаристу во всей полноте мыслей, переживаний, побуждений его участников – он может о них только догадываться. Так угол зрения перестраивает материал, а воображение неудержимо стремится восполнить его пробелы – подправить, динамизировать, договорить. Понятно, что в своих автобиографиях и мемуарах большие <...> художники в особенности поддавались этим соблазнам»⁸⁸.

И действительно, Аксаков и Щедрин оба «поддавались этим соблазнам», но наблюдается у них при этом, с одной стороны – нечто общее, а с другой – очевидны характерные различия. Первую общность можно видеть как раз в упомянутом Л. Я. Гинзбург «угле зрения», под которым идет подбор материала и построение произведений. Мы уже обращали ранее внимание (в связи с «гоголевским контекстом»), что у Аксакова все части его трилогии построены по фрагментам: в «Семейной хронике» это пять «отрывков» (каждый из которых дополнительно структурирован); в «Детских годах Багрова-внука» – 20 глав; в «Воспоминаниях» – четыре объемных части⁸⁹. Всё это не всегда привязано к хронологии событий, случаются и отступления, иногда даже демонстративные. Например, в первом «отрывке», в характеристике главы семейства Багровых, на правах «эпизода» встречается упоминание о таком событии: «...во время его отсутствия выдали замуж четырнадцатилетнюю девочку, двоюродную его сестру, П. И. Багрову, круглую, но очень богатую сироту, жившую у него в доме и горячо им любимую, – за такого развратного и страшного человека, которого он терпеть не мог. Конечно, это дело устроили близкие родные его сестры с материнской стороны, но с согласия Арины Васильевны и при содействии ее дочерей. *Об этом я расскажу после...*» (98-99). И событие было действительно настолько масштабным и характерным, что оно развернулось на весь второй «отрывок» Семейной хроники.

⁸⁸ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. С. 9–10.

⁸⁹ См. об этом также: Гусейнова Т. В. Ритмический строй «Семейной хроники» С. Т. Аксакова // Вопросы филологии. 2013. № 1 (43). С. 80–83.

Многие разделы и главы трех произведений локализованы автором не столько по событиям, сколько по месту действия, то есть топонимически, а не сюжетно. Например, в «Детских годах...» разворачиваются главы: «Парашино», «Багрово», «Зима в Уфе», «Багрово после Чурасова» и др. В свою очередь, Щедрин в «Пошехонской старине» также соблюдает принцип фрагментизации материала и даже открыто декларирует его во «Введении»: «...я считаю не лишним предупредить читателя, что в настоящем труде он не найдет сплошного изложения всех событий моего жития, а только ряд эпизодов, имеющих между собою связь, но в то же время представляющих и отдельное целое. Главным образом я предпринял мой труд для того, чтоб восстановить характеристические черты так называемого доброго старого времени, память о котором, благодаря резкой черте, проведенной упразднением крепостного права, все больше и больше сглаживается. Поэтому я и в форме ведения моего рассказа не намерен стесняться» (т. 17, с. 8). Находим у него и подобные аксаковским «топонимичные» главы: «Гнездо»; «Заболотье»; «Житье в Москве». Но большинство глав у Щедрина – портретные: «Портретная галерея. Тетеньки-сестрицы»; «Тетенька Анфиса Порфирьевна»; «Братец Федос» – и т.п. (включая широкую «портретную галерею “рабов”»).

В этой разнице (топонимичность – портретность) можно видеть и неочевидную логику. Обоих писателей в равной мере интересуют характеры и судьбы их персонажей. Но у Аксакова изначально присутствует *акцент* на окружающей среде, преимущественно *природной*. Она же исподволь влияет и на природу человеческих характеров. Поэтому в центральном герое «Хроники», Степане Михайловиче Багрове, – и в портрете, и в поведении его – различимы такие признаки, как эпичность, стихийность.

Вот, например, начальный его портрет: «...был не только среднего, а даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкие плечи, жилистые руки, каменное, мускулистое тело обличали в нем силача. В разгульной юности, в молодецких потехах, кучу военных товарищей, на него нацеплявшихся, стряхивал он, как брызги воды стряхивает с себя коренастый дуб после дождя,

когда его покачает ветер. Правильные черты лица, прекрасные большие темно-голубые глаза, легко загорававшиеся гневом, но тихие и кроткие в часы душевного спокойствия, густые брови, приятный рот – все это вместе придавало самое открытое и честное выражение его лицу» (76). В непростых человеческих взаимоотношениях такому герою приходится сталкиваться с *регламентированными* нормами (гражданскими или религиозными), противоречащими стихийности, – и его поведение становится предсказуемо эмоциональным, вплоть до буйства.

Всё это хорошо просматривается в таком, например, фрагменте (где речь идет о реакции героя на упомянутое «обманное» для него замужество двоюродной сестры): «Можно себе представить, какую схватку учинил он с бабушкой Прасковьи Ивановны. Старуха, вытерпев первый поток самых крепких ругательств, приосанилась и, разгорячившись в свою очередь, сама напала на моего дедушку: “Да что ж это ты развоевался, как над своей крепостной рабой, – сказала она, – разве ты забыл, что я *такая же столбовая дворянка, как и ты, и что мой покойный муж был гораздо повыше тебя чином. Я поближе тебя к Парашеньке, я родная бабушка ей и такая же опекуниша, как и ты. Я устроила ее счастье, не дожидаясь твоего согласия, потому что была больна при смерти и не хотела ее оставить на всю твою волю; ведь я знаю, что ты бешеный и сумасшедший; живя у тебя, пожалуй, она бы в иной час и палки отведала; Михаил Максимович ей по всему пара, и Парашенька его сама полюбила*”. <...> – “Врешь ты, старая мошенница, – вопил мой дедушка, – ты обманула мою Аришу, прикинулась, что умираешь... Ты продала свою внучку разбойнику Мишке Куролесову, который приворотил вас с дочкой к себе нечистой силой...” Старуха Бактеева вышла из себя и в запальчивости выболтала, что Арина Васильевна и ее дочери были с ней заодно и заранее приняли разные подарки от Михаила Максимовича. *Такие слова обратили опять весь гнев Степана Михайловича на его семейство.* Погрозив, что он разведет Парашу с мужем по ее несовершеннолетию, он отправился домой, но заехал по дороге к священнику, который венчал Куролесовых. Он грозно потребовал у него отчета, но тот очень

спокойно и с уверенностью показал ему обыск, подпись бабушки и невесты, рукоприкладство свидетелей и метрическое свидетельство из духовной консистории, что Прасковье Ивановне семнадцатый год. Это был новый удар для моего дедушки, лишивший его всякой надежды к расторжению ненавистного ему брака и несказанно усиливший его гнев на Арину Васильевну и дочерей. Я не буду распространяться о том, что он делал, воротясь домой. Это было бы ужасно и отвратительно. По прошествии тридцати лет тетки мои вспоминали об этом времени, дрожа от страха. Я скажу только в коротких словах, что виноватые признались во всем» (112).

Совсем на иное соотношение «человека и природы» делает акцент в «Пошехонской старине» М. Е. Салтыков-Щедрин. У него наблюдается, скорее, обратная (в сравнении с Аксаковым) взаимосвязь: отпечаток извращенных человеческих отношений и намерений лежит на описаниях природы. Сама *природа человека*, по Щедрина, была крепостнической, – отсюда и описание местности, например, не обходится без упоминаний крепостнических взаимоотношений: «Местность, в которой я родился и в которой протекло мое детство, даже в захолустной пошехонской стороне считалась захолустьем. Как будто она *самой природой предназначена была для мистерий крепостного права*». А далее от характеристики людей автор переводит внимание на мнимые природные «ценности»: «*Мелкая сошка* забивалась в глушь, где *природа представляла, относительно, очень мало льгот*, но зато никакой глаз туда не заглядывал, и, следовательно, *крепостные мистерии* могли совершаться вполне беспрепятственно. Мужичья спина с избытком *вознаграждала за отсутствие ценных угодий*». И далее подневольный труд крепостных прямо вводится в природный пейзаж в качестве неременной составляющей: «...мужики, разумеется, не сидели сложа руки, а кишели как муравьи в окрестных полях. *Вследствие этого оживлялся и сельский пейзаж*» (т. 17, с. 9, 10).

Здесь уместно припомнить первое непосредственное обращение Щедрина к опыту Аксакова: «...я прочитал «Детские годы Багрова-внука» и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью. Правда, что природа, лелеявшая детство

Багрова, *была богаче и светом, и теплом, и разнообразием содержания, нежели бедная природа нашего серого захолустья*, но ведь для того, чтоб и богатая природа осияла душу ребенка своим светом, необходимо, чтоб с самых ранних лет создавалось то стихийное общение, которое, захватив человека в колыбели, наполняет все его существо, и проходит потом через всю его жизнь. Если этого общения не существует, если между ребенком и природой нет никакой непосредственной и живой связи, которая помогла бы первому заинтересоваться великою тайной вселенской жизни, то и самые яркие и разнообразные картины не разбудят его равнодушия. Напротив того, при наличности общения, ежели дети не закупорены наглухо от вторжения воздуха и света, то *и скудная природа может пролить радость и умиление в детские сердца*» (т. 17, с. 35).

Здесь характерно, что поначалу (первый наш курсив) сатирик невольно ошибается при сравнении «богатой» аксаковской и «бедной» своей природы. «Завидовать»-то было особенно нечему. Щедрин либо не очень внимательно читал произведения Аксакова, либо внимание его было избирательно. Вот, например, речь заходит о болотах. О «своих» он пишет: «...на болота никто еще не простирал алчной руки, и они тянулись без перерыва на многие десятки верст. <...> В самое жаркое лето воздух был насыщен влажными испарениями и наполнен тучами насекомых, которые не давали покою ни людям, ни скотине» (т. 17, с. 11).

Но меняется точка зрения, и главное – *чья*, это точка зрения, – и между природой щедринской и аксаковской как бы размывается незримая грань. Вот как воспринимает будто бы «богатую» природу поместья Багрово («гнездо» семейства) предполагаемая матушка самого Аксакова: «*Не выезжая никогда из города*, она не имела никакого понятия о жизни деревенских небогатых помещиков, рассеянных *по разным захолустьям* обширного края. Она, конечно, не представляла себе ничего приятного, но действительность была гораздо хуже. Все ей не нравилось, *все было противно: и дом, и сад, и роща, и остров*. Она привыкла любоваться великолепными видами с нагорного берега реки Белой, в окрестностях Уфы, а потому деревушка в долине, с бревенчатым, потемневшим

от времени и ненастья домом, *с прудом, окруженным болотами*, и с вечным стуком толчеи, показались ей даже *отвратительными*» (200-201).

Позднее и сам автор, объективности ради, отчасти солидаризируется с подобной точкой зрения: «...вспоминая и теперь эту простую, бедную местность, которую увидел я в первый раз лет десять позднее, я *понимаю, что она нравилась Алексею Степанычу и что должна была не понравиться Софье Николавне*. Место голое, пустое, на припеке, на плоском берегу; кругом ровная степь с сурчинами, ни деревца, ни кустика, река тихая, омутистая, обросшая камышом и палочником... Кому же все это понравится? Ничего казистого, великолепного, живописного; но Алексей Степаныч так любил это место, что даже предпочитал его Багрову. *Я не согласен с ним, но также очень полюбил тихий домик на берегу Кинеля*» (211). Таков Аксаков: его личная позиция независима и в то же время не враждебна иным. Между двумя оценочными точками зрения — отцовской и материнской — он легко соблюдает аксиологический баланс.

М. Е. Салтыков-Щедрин, в свою очередь, в процитированном выше суждении о природе считает нужным поправлять сам себя (см. наш финальный курсив): *кажущаяся* скудной, природа способна благотворно воздействовать на детские сердца — лишь бы детей не «закупоривали», не отгораживали от нее. Как бы в ответ и в противовес детским увлечениям Аксакова рыбной ловлей и даже охотой Щедрин в «Пошехонская старине» вспоминает: «Ни о какой охоте никто и понятия не имел, даже ружья, кажется, в целом доме не было. Раза два-три в год матушка <...> отправлялась всей семьей в лес по грибы или в соседнюю деревню, где был большой пруд, и происходила ловля карасей. Караси были диковинные и по вкусу, и по величине, но ловля эта имела характер чисто хозяйственный и с природой не имела ничего общего. А кроме того, мы даже в смысле лакомства чересчур мало пользовались плодами ее, потому что почти все наловленное немедленно солилось, вялилось и сушилось впрок, и потом неизвестно куда исчезало. Затем, ни зверей, ни птиц в живом виде в нашем доме не водилось; вообще, ничего сверхштатного, что потребовало бы лишнего куска

на прокорм. И зверей и птиц мы знали только *в соленом, вареном и жареном виде*» (т. 17, с. 35-36).

Подобное потребительское отношение к природе сатирик еще ранее заклеил в своей сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (опубликована одной из первых в цикле, в 1869 г. – см. т.16/1, 437). Ведь и там чиновники-генералы, как выходцы из «городской природы», недоумевают: «– Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? – сказал один генерал.

– Да, – отвечал другой генерал, – признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

– Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?». Наконец, один из генералов догадывается: «– А что, ваше превосходительство, – сказал он радостно, – если бы нам найти мужика?

– То есть как же... мужика?

– Ну, да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

– Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

– Как нет мужика – мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!» (т. 16/1, с. 9, 11).

Вот и в «Пошехонской старине» находится свой, подобный сказочному, «громаднейший мужичина»: дичью, «чуть не задаром, оделял всю округу *единственный* в этой местности ружейный охотник, <...> *крестьянин Лука*» (т. 17, с. 11).

Что касается принципов изображения человека, то здесь, применительно к Аксакову и Салтыкову-Щедрину, обнаруживаются свои сложные нюансы. Принято считать, что одномерность воссоздания характеров не свойственна большим художникам слова. Но насколько это верно для сатирического метода? И почему же многих критиков Аксакова не устраивала именно

противоречивость, неоднородность в «Семейной хронике» образа Степана Михайловича Багрова (смущала буйность его натуры, жестокость по отношению к крестьянам и к домашним). Как представители демократической критики (Добролюбов, Чернышевский), так впоследствии и приверженцы соцреализма, комментируя «Хронику», указывали на «контраст между настроением радости, царящим в барском доме, и безысходным горем, которым поражены крестьяне, вынужденные за бесценок распродать скот, хлеб, избы, домашнюю рухлядь и на телегах тащиться бог весть куда, – этот исполненный трагизма контраст сразу же вводит читателя в атмосферу крепостнического быта» (Машинский, 39). При этом предпочитают не замечать, например, благие последствия решений Багрова-старшего в жизни тех же крестьян: «Крестьяне, одушевленные его духом, так привыкли работать настоящим образом, что скоро обстроились и обзавелись, как старожилы, и в несколько лет гумна Нового Багрова занимали втрое больше места, чем самая деревня, а табун добрых лошадей и стадо коров, овец и свиней казались принадлежащими какому-нибудь большому и богатому селению» (87). И далее, после кончины Багрова-старшего: «Много слышал я простых и вместе глубоких воспоминаний, сопровождаемых слезами и крестным знаменем об упокоении души его. Не удивительно, что *крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди, при нем служившие, часто переносившие страшные бури его неукротимой вспыльчивости*. Впоследствии некоторые из молодых слуг его доживали свой век при внуке Степана Михайловича (т.е. при самом Аксакове – Ю. С.) уже стариками; часто рассказывали они о строгом, вспыльчивом, справедливом и добром своем старом барине и никогда без слез о нем не вспоминали» (89-90).

Таких свидетельств, повторяем, критики С. Т. Аксакова предпочитают не замечать или относят на счет неизбежного пиетета внука к деду. В числе этих критиков был и М. Е. Салтыков-Щедрин. Его скепсис ярко выразился во втором прямом обращении к опыту Аксакова. Напомним: «...поскоблите немного и самого старика Багрова, и вы убедитесь, что это совсем *не такой самостоятельный человек*, каким он кажется с первого взгляда» (т. 17, с. 337).

Имеется в виду, конечно, будто бы неистребимая крепостническая «подкладка» характера Багрова-старшего.

Иными словами, противоречивая многосоставность характера Степана Михайловича Багрова не устраивает Щедрина-сатирика, как и других критиков Аксакова. Всем им нужен «крепостнический вектор», и если он не просматривается, то его можно и навязать (стоит «поскоблить немного» образ персонажа).

В этой связи уместно сравнить характеристики дедов у Аксакова и Щедрина. Аксаковское мы помним; и вот, как бы следуя заданным ориентирам, сатирик характеризует «Павла Борисовича» (имя вымышленное). Начнем с того, во-первых, что этот дед Салтыкова по матери – из купцов и козыряет «купленным» дворянством (в отличие от Багрова-старшего, который по праву гордится дворянством «шестисотлетним»). Во-вторых, в отличие от сельского хозяина Багрова, Павел Васильевич – принципиально городской, московский житель. И в-третьих, примечательно сатирическое описание его наружности (ср. с обаятельным портретом Багрова-старшего): «...лицо широкое, обрюзглое, испещренное красными пятнами; нижняя губа отвисла, борода обрита, под подбородком висит другой подбородок, большой, морщинистый, вроде мешка. Одет он неизменно в один и тот же <...> халат, который скорее можно назвать капотом. Благодаря этому капоту его издали можно скорее *принять за бабу, нежели за мужчину*» (т. 17, с. 175). Здесь Щедрин, как бы через голову Аксакова, прямо следует за Гоголем. Ведь именно так выглядел в «Мертвых душах» Плюшкин, на что уже обращали внимание исследователи⁹⁰: «Чичиков скоро заметил какую-то фигуру <...>. Долго он не мог распознать, *какого пола была фигура: баба или мужик*. Платье на ней было совершенно неопределенное, *похожее очень на женский капот*, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько си́плым для

⁹⁰ Кудряшова А. А. Универсальные мотивы в русской автобиографической прозе XIX века: особенности стиля С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник угроведения. 2012. № 2 (9). С. 52.

женщины»⁹¹.

В портрете «Павла Васильевича» у Щедрина нет места никакой противоречивости, в нем очевиден однонаправленный вектор – пусть не «крепостнический», но в любом случае негативный. Он приправлен такой характерной чертой, как скопидомство (унаследованной опять-таки от Плюшкина): «Предполагаемый дедушкин капитал составлял центр тяжести, к которому тяготело все потомство, не исключая и нас, внуков. Все относились к старику как-то загадочно, потому что никто, повторяю, не знал достоверно размеров сокровища, которым он обладал» (т. 17, с. 186).

Здесь нелишне будет вернуться к социальному фактору сопоставления Аксакова и Салтыкова-Щедрина (с этого начинался настоящий раздел). Теперь обратим внимание на разность в обстоятельствах жизни писателей. Что-то они унаследовали от своих предков, хотя в основном их обстоятельства и судьбы вполне самобытны. Мы имеем в виду масштабное породнение Аксакова с сельской средой. Даже в пору городской жизни и недолгой чиновничьей службы его тянет к природным условиям, и он приобретает, для душевного отдохновения, поместье Абрамцево. «Как колыбелью в детстве было для него его любимое село Аксаково, так теперь последней пристанью его, старика, каковым он себя считал, стало сельцо Абрамцево, что в пятидесяти верстах от Москвы. 1843 год – год покупки усадьбы – остался навсегда памятным для семьи»⁹². В то же время, в отличие от своего деда (в «Хронике» – Степан Михайлович Багров), Аксаков не был способным и успешным сельским хозяином. Тем более не были таковыми его старшие сыновья, Константин и Иван. Как следствие, большое семейство Аксаковых годами находилось в стесненном материальном положении⁹³. Доходило до того, что главе семьи приходилось регулярно удить рыбу не только «для души» (как это описано в его

⁹¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. С. 114.

⁹² Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. М.: Мол. гвардия (ЖЗЛ), 1987. С. 188.

⁹³ См. об этом: Пирожкова Т. Ф. Семейство Аксаковых до и после крестьянской реформы // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 177–198.

трилогии), но и для элементарного «прокорма» многочисленных и зачастую бесцеремонных гостей. А уже после кончины С. Т. Аксакова на поездку его больного сына Константина для лечения за границу не хватало средств и пришлось занимать деньги у друзей. Неудивительно, что имение Абрамцево вскоре было продано.

Что касается Салтыкова-Щедрина, то здесь всё было иначе. С 10 лет он «вырвался» из поместной среды (поступил на учебу в Московский дворянский институт, с последующим переводом в Царскосельский лицей) и с этого времени раз и навсегда «вписался» в среду городскую. Здесь он был успешен. Во-первых, Салтыков сделал для многих «завидную» служебную карьеру: даже в ссылке в Вятке он исполнял должность старшего чиновника по особым поручениям при губернаторе. Впоследствии, с начала 1860-х годов, он занимал должности вице-губернатора в Рязани и в Твери, управляющего казенной палатой в Пензе, Туле и вновь в Рязани. После окончательной отставки в 1868 г. он успешно работал в редакции журнала «Отечественные записки» (в том числе на посту главного редактора). Понятно, что в материальном отношении тоже всё было благополучно. Вначале высокие должностные оклады, а затем, как редактор и пайщик «Отечественных записок», Щедрин также не бедствовал. Вот его собственное свидетельство из доверительного письма в 1884 году: «С прекращением «Отечественных записок» <...> я потерял 12–13 тыс. р. дохода; да сверх того ежегодно книги мои издавались, что тоже приносило до 5 т. р.» (т. 20, с. 40). В последние годы своей жизни за издание собрания своих сочинений Щедрин планировал получить как минимум 50 тысяч рублей⁹⁴. Как результат, писатель не затруднялся при неоднократных поездках за границу и в обеспечении комфорта для себя и своей семьи. В этой связи он даже испытывал нечто вроде «комплекса кающегося дворянина»⁹⁵.

Произведенное сопоставление важно, чтобы иметь в виду следующее: в описаниях поместного быта и нравов один (Аксаков) свои личные *впечатления* –

⁹⁴ См.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. С. 430–431.

⁹⁵ См. об этом: Там же. С. 94–95.

как детские, так и зрелые – лишь дополняет *воображением*⁹⁶; тогда как другой (Щедрин) вынужден полагаться на детские *воспоминания*, дополняет их фактами «со стороны» и максимально рассчитывает на собственное *воображение* (сатирически окрашенное). Далее мы найдем этому конкретные подтверждения.

У Аксакова среди персонажей «первого ряда», наряду со Степаном Багровым, привлекает внимание Михайло Куролесов. Ему почти целиком посвящен весь второй «Отрывок» «Хроники», где он играет роль основного сюжетного «триггера» событий. Без упоминаний этого персонажа не обходится почти никто из критиков, кому хочется видеть Аксакова в широких рядах обличителей крепостнических отношений. Вот и Щедрину, как мы помним, для этого было «одного Куролесова вполне достаточно». А между тем, на наш взгляд, в этом образе недостаточно видеть лишь типичного или даже наиболее колоритного в «Хронике» крепостника-хищника. Не так уж однозначен этот Куролесов⁹⁷. Вот и сам автор начинает его характеристику с двойственности впечатления, которое он оказывает на окружающих. Он умеет подольститься, широко это практикует и в результате очаровывает многих. Устоял перед его обаянием один только Багров-старший, который обладал неординарной чуткостью к людям – слышать «зло под благовидною наружностью» и угадывать «будущее его развитие» (105).

Если уж искать в образе Куролесова признаки типологии, то она носит не столько социальный, сколько общечеловеческий характер. В какие-то моменты может показаться, что Аксаков воплощает в своем Куролесове *чистое зло*. Он не жалеет эпитетов и мрачных красок, чтобы нагнетать такое впечатление: «Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бешенства спиртными парами, развивалась на свободе во всей своей полноте и представила одно из тех страшных явлений, от которых содрогается и которыми гнушается

⁹⁶ Соотношение эмоций, впечатлений и воображения как научная проблема станет особым предметом нашего внимания в дальнейшем ходе исследования.

⁹⁷ См. о сопоставлении Багрова и Куролесова: Прокудин Б. А., Прокудина Д. А. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 223–224.

человечество. Это ужасное соединение инстинкта тигра с разумностью человека» (118). И далее: «...буйство совершенно овладели им, а всегдашняя жестокость мало-помалу превратилась в неутолимую жажду мук и крови человеческой. Избалованный страхом и покорностью всех его окружающих людей, он скоро забылся и перестал знать меру своему бешеному своеволию» (121). Затем нагнетается еще сильнее: «Как ни была ужасна и отвратительна сама по себе эта преступная, пьяного буйства исполненная жизнь, но она повела еще к худшему, к более страшному развитию природной жестокости Михайла Максимовича, превратившейся, наконец, в лютость, в кровопийство. Терзать людей сделалось его потребностью, наслаждением» (123).

Здесь уместно еще раз вспомнить рекомендацию Салтыкова-Щедрина, когда он предлагал присмотреться к Багрову-старшему («поскребите... и обнаружите...»). Она срабатывала и при изначальной характеристике Куролесова (Багров распознал в нем «зло под благовидною наружностью»). Однако рекомендация может срабатывать в обе стороны. И тогда в контексте *лютости* поступков Куролесова проявляются проблески его набожности, неожиданность которых акцентируется самим автором: «Я рассказал десятую долю того, что знаю, но, кажется, и этого довольно. Замечательно, как необъяснимое явление и противоречие в искаженной человеческой природе, что Михайла Максимович, достигнув высшей степени разврата и лютой ревности занялся построением каменной церкви в Парашине» (124).

Однако нечто подобное сказывалось в его развернутой авторской характеристике еще ранее. Вначале Аксаков признается, что его тяготит описание злодейских действий Куролесова: «Я не стану рассказывать подробно, какую жизнь вел он в своих деревнях, особенно в Парашине, а также в уездных городишках: *это была бы самая отвратительная повесть*» (120). А затем следует примечательный, уже знакомый нам поворот со сменой точек зрения: «Я скажу только то, что необходимо для получения настоящего понятия об этом страшном человеке. Первые года, занимаясь устройством жениных имений, можно сказать, с самозабвением, он мог назваться самым умным, деятельным и

попечительным хозяином. Всеми бесконечно разнообразными и тяжелыми заботами и хлопотами, соединенными с дальним переселением крестьян и водворением их на местах нового жительства, Михайла Максимович неусыпно занимался сам, постоянно имея в виду одно: благосостояние крестьян. Он умел не жалеть денег, где было нужно, смотрел, чтобы они доходили до рук вовремя, в меру, и предупреждал всякие надобности и нужды переселенцев. Сам выпроваживал их со старины (так называлось прежнее поселение. – Ю. С.), сам ехал с ними большую часть дороги и сам встречал их на новоселье, снабженном всем для их приема и помещения. Правда, он был слишком строг, жесток в наказании виноватых, но справедлив в разборе вин и не ставил крестьянину всякого лыка в строку; он позволял себе от времени до времени гульнуть, потешиться денек-другой, завернув куда-нибудь в сторонку, но хмель и буйство скоро слетали с него, как с гуся вода, и с новой бодростью являлся он к своему делу» (121).

Так появляется неожиданная, но явная параллель с образом действий Степана Михайловича при переселении на новые места, и это почти уравнивает Куролесова с Багровым-старшим в одном из главных его свойств – в разумном хозяйствовании. Еще одним подобным свойством является будто бы «справедливое» перераспределение отношений к крестьянам и к дворовой прислуге. О Куролесове сказано: «...от лютости Михайла Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Он редко наказывал крестьян, и то в случаях особенной важности или личной известности ему виноватого человека; зато старосты и приказчики терпели от него наравне с дворовыми» (123). И такую справедливость, при всем негодовании на Куролесова, санкционирует в нем сам Багров-старший: «“Этого человека один только бог может исправить. Крестьянам жить у него можно, а дворовые все негодяи, пускай терпят за свои грехи. Не хочу мешаться в эти поганые дела”. Так рассудил по своей логике Степан Михайлович» (130).

На эту же тему в истории Куролесова положен и «последний штрих»: «Не могу умолчать, что лет через сорок, сделавшись владельцем Парашина, внук

Степана Михайловича (т.е. фактически сам С. Т. Аксаков. – Ю. С.) нашел в крестьянах свежую, благодарную память об управлении Михайла Максимовича, потому что чувствовали постоянную пользу многих его учреждений; забыли его жестокость, от которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умение отличать правого от виноватого, работающего от ленивого, совершенное знание крестьянских нужд и всегда готовую помощь. Старики рассказывали, улыбаясь, что у Куролесова была поговорка: “Плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, так не пеняй”» (136-137).

Мы изначально предполагали, что Салтыков-Щедрин на многое из аксаковской «Семейной хроники» откликается в своей «Пошехонской старине». Вот и на описание Аксаковым злодейств Михайлы Куролесова сатирик не мог по-своему не отреагировать. Это как будто вдохновило его на создание еще более мрачного собственного художественного этюда. В результате в главе «Тетенька Анфиса Порфирьевна» нагнетаются, по аналогии с Достоевским, чуть ли не «карамазовские страсти». Притом художник-сатирик основывает интригу на столкновении мужского и женского вариантов зверства.

На фабульную сцену явился штабс-капитан Николай Савельцев. За него просватали младшую из «тетушек» Николая Затрапезного, Анфису Порфирьевну, по прозвищу «Фиска-змея». В семье ее не любили и рады были сбыть с рук: «...надеялись, что Фиска-змея не даст себя в обиду, и не особенно тревожились доходившими до них слухами о свирепом нраве жениха. Дедушка даже счел приличным предупредить молодого человека.

– Ты смотри в оба! – сказал он, – ты, сказывают, лих, да и она у нас нёщечко!

На что Савельцев совершенно добродушно ответил:

– Не беспокойтесь! будет шелковая! А бабушка, с своей стороны, в том же духе предупреждала Фисочку:

– Смотри, Фиска! Ты лиха, а твой Николушка еще того лише. Как бы он под пьяную руку тебя не зарубил! Но и Фисочка спокойно ответила:

– Ничего, матушка, я на себя надеюсь! упётается! по струнке ходить будет!»

(т. 17, с. 112).

И тут нашла коса на камень. Поначалу вполне развернулся изверг-муж. Будучи штабс-капитаном, он и на службе в полку зверски обращался с солдатами, и молодую жену свою держал при себе в черном теле: «...как ни злонравна была сама по себе Анфиса Порфирьевна, но тут она впервые узнала, до чего может доходить настоящая человеческая свирепость. Муж ее оказался не истязателем, а палачом в полном смысле этого слова. С утра пьяный и разъяренный, он способен был убить, засечь, зарыть ее живую в могилу. В качестве особы женского пола она ждала совсем не того. Она думала, что дело ограничится щипками, тычками и бранью, на которые она и сама сумела бы ответить. Но вышло нечто посерьезнее: в перспективе ежеминутно мелькало увечье, а чего доброго, и смерть» (т. 17, с. 112).

После смерти отца и своего выхода в отставку Николай Савельцев, домогаясь оставленных отцом денег, забил до смерти его любовницу, крепостную Улиту. И тут фортуна повернулась лицом к его жене. Дело о зверствах Николая получило широкую огласку, новоиспеченному помещику грозила солдатчина: «Перспектива солдатства, как зияющая бездна, наводила на него панический ужас. Он слишком живо помнил солдатскую жизнь и свои собственные подвиги над солдатами — и дрожал как лист при этих воспоминаниях» (т. 17, с. 119). Тогда коварная Анфиса предложила ему выход: продолжить существование под именем умершего кстати крепостного столяра Потапа Матвеева. Муж согласился, и в результате «покойный “болярин” остался в своем родовом гнезде и отныне начал влачить жалкое существование под именем дворового <...> Вместе с другими он выполнял барщинскую страду, вместе с другими ел прокисшее молоко, мякинный хлеб и пустые щи. Тем не менее программу истязаний, которую рисовало воображение тетеньки, ей удалось выполнить только отчасти» (т. 17, с. 120-121). В следующем акте трагедии при Анфисе объявился «фаворит» Фома, который «упал словно снег на голову. <...> Говорили шепотом, что он <...> сын, которого барыня прижила еще в девушках, но другие утверждали, что это барынин любовник» (т. 17, с.

121). Он был определен Анфисой управлять имением, но справлялся с этим неудачно: «Ленивый и ничего не смыслящий в хозяйстве, он управлял имением крайне плохо и вел праздную жизнь, забавляясь над “покойником”, которого заставлял плясать, петь песни и т. д. Тетенька души в нем не чаяла и втайне обдумывала, каким бы образом передать ему имение» (т. 17, с. 122). В конечном итоге, «тетеньку Анфису» ночью задушили подушками сенные девушки, измученные ее регулярными истязаниями (т.17, с. 123).

Таков этот «сюжет», и показателен факт, что весь он – плод воображения автора. Вернемся к сопоставлению с Аксаковым. У того описание истории Куролесовых базируется действительно на автобиографических фактах. Опираясь на архив семьи Аксаковых, С. И. Машинский заключает, что «часто упоминаемая в “Детских годах” Прасковья Ивановна Куролесова – есть героиня рассказа «Хроники» о Куролесове, т. е. Куроедове, – Надежда Ивановна Куроедова, освобожденная с бою Степаном Михайловичем Багровым (т. е. Аксаковым) из-под железных затворов своего злодея-мужа» (622).

У Щедрина же история Савельцевых по большому счету не имела единой автобиографической основы, потому что у ее персонажей было сразу несколько прототипов. Так, С. А. Макашин указывает в Комментариях: *«Психологическую основу портрета “помещицы-фурии”, жестокой в отношении своих крепостных людей – тетеньки Анфисы Порфирьевны, Салтыков писал со своей родной тетки, младшей замужней сестры отца, Елизаветы Васильевны Абрамовой, отличавшейся, по судебным показаниям ее дворовых, “зломстительным характером”»*. В то же время «в эпизоде превращения мужа тетеньки Анфисы Порфирьевны в крепостного человека использован нашумевший в 1830-х годах по всей Тверской губернии факт исчезновения калязинского помещика Милюкова, осужденного <...> в ссылку за жестокое обращение с крестьянами; родственники объявили Милюкова умершим, а <...> он жил у них под видом их дворового крепостного человека. Суровая расправа над тетенькой Анфисой Порфирьевной доведенных ею до отчаяния дворовых девушек – это *точно переданная судьба, постигшая дальнюю родственницу Салтыковых, помещицу*

Бурнашеву» (т. 17, с. 525).

Таким образом, можно еще раз убедиться, что Аксаков исходил из фактов, которые оказывались типичными, и достаточно было подключить свое воображение, чтобы придать им дополнительный психологический колорит. Творческая позиция Щедрина в «Пошехонской старине» была принципиально иная. Он лишь отчасти отталкивался от фактов, часто известных ему лишь понаслышке, но которые укладывались в типологическую систему. А далее он давал волю своему богатому художественному воображению. Фактически оно и определяло всё остальное. Это подтверждают и самые идеологически лояльные к Салтыкову-Щедрину комментаторы. Так, например, С. А. Макашин признаёт (по поводу «Пошехонской старины»): «...биографические *realia* (реалии. – Ю. С.) детства Салтыкова введены в произведение в *определенной идейно-художественной системе, которой и подчинены*. Система эта – *типизация*. Писатель *отбирал* (курсивы Макашина. – Ю. С.) из своих воспоминаний то, что считал *характерным* для тех образов и картин, которые рисовал» (т. 17, с. 520). Можно полагать, что, если нечто казалось автору не характерным, просто не вводилось в поле зрения.

Как будто предчувствуя возможное недоверие к своим описаниям, сам Салтыков-Щедрин особо оговаривает: «Переходя от общей характеристики помещичьей среды, которая была свидетельницей моего детства, к портретной галерее отдельных *личностей, уцелевших в моей памяти*, я считаю нелишним прибавить, что все сказанное выше написано мною *вполне искренно, без всякой предвзятой мысли* во что бы то ни стало унижить или подорвать. На склоне лет охота к преувеличениям пропадает и является непреодолимое желание *высказать правду, одну только правду*. Решившись восстановить картину прошлого, еще столь недалекого, но уже с каждым днем более и более утопающего в пучине забвения, я взялся за перо *не с тем, чтобы полемизировать*, а с тем, чтобы свидетельствовать истину» (курсив наш. – Ю. С.) (т. 17, с. 337). И далее по тексту следует упоминание именно Аксакова как автора «Семейной хроники» (цитировалось нами выше, в связи с характерами

Куролесова и Багрова). Вот с кем, оказывается, не собирался Щедрин полемизировать.

О прямой «полемике», разумеется, говорить не приходится. Но присмотримся все-таки к оговорке писателя. Ему кажется «нелишним прибавить», что им как автором руководит лишь «желание *высказать правду, одну только правду*». Однако при таком желании может показаться как раз и *лишним это акцентирование*: не достаточно ли просто высказывать свою правду, и пусть она далее говорит сама за себя. Ведь именно так и поступал Аксаков. Правда, объективности ради, нужно указать на единичный случай авторского комментария и в «Семейной хронике». Почти на пике описаний злодейств Куролесова (когда он в разбойном нападении забирает жену у мужа) Аксаков добавляет и от себя: «Трудно поверить, чтоб могли совершаться такие дела в России даже и за восемьдесят лет, но в истине рассказа нельзя сомневаться» (123). Однако ведь и здесь автор все-таки не отступает от своего (близкого к сказовому) стиля и не расцвечивает описание художественными деталями.

Как уже сказано, у Аксакова и Щедрина наблюдается разница в повествовательных принципах, отраженная даже в наименовании отдельных глав: у первого сделан большой акцент на топонимике, у второго – на портретности (коллективной и индивидуальной). Однако последнего, как мы видели, не чужд и Аксаков. У него также вниманию предлагаются индивидуализированные портреты как помещиков, так и «дворни». И здесь вновь проявляется примечательная разность, – например, по мотиву отношения помещиков к крестьянам и «дворовым людям».

У Щедрина это является почти сквозной темой в особых главах – «Крепостная масса» и «Помещичья среда» – и вообще регулярно всплывает по тексту «Пошехонской старины». Обобщающая «Крепостная масса» порождает целую портретную галерею «домочадцев», под которыми разумеются исключительно дворовые. Таковых, по числу глав, – восемь, хотя по ходу повествования упоминаются и другие. Главное, что всех их объединяет, – они

представлены у Щедрина неизменно в страдательном положении. Поэтому «портретные» эти главы могут напоминать клейма на иконе⁹⁸, а сама она посвящена коллективной теме – «жития дворовых людей» (т. 17, с. 253). Или, по иному варианту, это – «Скорбный мартиролог» как перечень пострадавших от гонений, преследований или репрессий.

Теперь припомним, что в конце 1880-х Салтыков-Щедрин как автор упомянутого «мартиролога» оглядывается очень уж далеко назад (как и иконописцы не рисовали «с натуры»). А вот его предшественник, Аксаков, описывал ту же среду как относительно недавнее прошлое. И ему не застила глаза ненависть к крепостному праву. Поэтому в его коллективных портретах «дворовой среды» нет ничего ни благостного, ни ненавистного. Они, по сравнению с щедринскими, – многообразнее и противоречивее, особенно во второй части «трилогии», «Детские годы Багрова-внука», где Аксаков описывает то, что вспоминается, то есть непосредственно «с натуры». А жизнь, как известно, всегда богаче и сложнее любых систем, тем более «типологических».

Для примера приведем с некоторыми купюрами один пространный фрагмент: «Начался шум и беготня лакеев, которых было множество и которые не только громко разговаривали и смеялись, но даже ссорились и толкались и почти дрались между собою; к ним беспрестанно прибегали девки, которых оказалось еще больше, чем лакеев. <...> Тут-то нагляделись мы с сестрой и наслушались того, о чем до сих пор понятия не имели и что, по счастью, понять не могли. Евсеич и Параша, бывшие при нас неотлучно, сами пришли в изумление и даже страх от наглого бесстыдства и своеволия окружавшей нас прислуги. <...> Остатки кушаний, приносимых из залы, ту же минуту нарасхват *съедались жадными девками и лакеями*. Буфетчик Иван Никифорович, которого величали казначеем, только и хлопотал, кланялся и просил об одном, чтоб не трогали блюд до тех пор, покуда не подадут их господам за стол. Евсеич не знал,

⁹⁸ Портал «Азбука веры»: Клейма – небольшие композиции с самостоятельным сюжетом, расположенные на иконе вокруг центрального изображения. Обычно они содержат избранные моменты жития (житийная икона). Интернет-ресурс: <http://azbyka.ru/klejma> (дата обращения: 01.09.2023).

что и делать. На все его представления и требования, что «надобно же детям кушать», не обращали никакого внимания, а *казначей, человек смирный, но нетрезвый, со вздохом отвечал: «Да что же мне делать, Ефрем Евсеич? Сами видите, какая вольница! <...>»*. Евсеич пришел в совершенное отчаянье, что дети останутся не кушамши <...> прибежала к нам Александра Ивановна. <...> Хотя Александра Ивановна <...> вообще *хорошо знала чурасовское лакейство и сама от него много терпела*, но и она не могла себе вообразить, чтоб могло случиться что-нибудь похожее на случившееся с нами. Она вызвала к себе дворецкого Николая и даже главного управителя Михайлушку <...>. Николай отвечал, что *дворня давно у него от рук отбилась* и что это давно известно Прасковье Ивановне, а Михайлушка <...> с большою важностью сказал, явно *стараясь оправдать лакеев*, <...> что он не советует тревожить Прасковью Ивановну такими пустяками. Только что они ушли, пришла мать. Александра Ивановна, очень встревоженная, начала ее обнимать и просить у нее прощенья в том, что случилось с детьми. <...> я принялся подробно рассказывать матери все виденное и слышанное мной. Тут моя мать <...> вся покраснела и чуть не заплакала. Она очень *благодарила Евсеича*, что он увел нас из столовой, <...> и строго подтвердила ему и Параше, *чтоб чурасовская прислуга никогда и близко к нам не подходила*» (курсив наш. – Ю. С.) (472–473).

Такой «коллективный портрет» с трудом поддается комментированию. Во всяком случае, понятно одно: дворня дворне – рознь. Будучи в гостях в чужом доме отвечающая за барских детей дворня семьи Багровых с трудом дает отпор обнаглевшим лакеям и дворовым «девкам» Чурасовых. Бессильна в этой ситуации, при крайне запутанной иерархии, и Александра Ивановна – «круглая сирота, с малых лет взятая на воспитание Прасковьей Ивановной; она находилась *в должности главной исполнительницы приказаний бабушки, то есть хозяйки дома*» (курсив наш. – Ю. С.) (465). Извращенный смысл приобретает известное библейское пророчество: «и последние станут первыми». Приходится убедиться, что не столько условия крепостного права, сколько характеры помещиков накладывают печать на своё окружение, воспитывая или

развращая его.

В числе прочих для нас интересен еще один, частно-семейный мотив, по которому своеобразно «рифмуются» аксаковская трилогия и щедринская «...старина». Вот как «задает тон» Аксаков: «Дело известное, что в старину <...>, а может быть, и теперь, сестры не любили или очень редко любили своих невесток, то есть жен своих братьев, отчего весьма красноречиво называются *золовками* (курсив Аксакова. – Ю. С.); еще более не любили, когда женился единственный брат, потому что жена его делалась безраздельною, полною хозяйкою в доме. В человеческом существе скрыто много эгоизму <...>. В натурах недобрых, грубых и невежественных обнаруживаются признаки эгоизма ярче и бесцеремоннее. Так было и в семействе Степана Михайловича. Женильба брата, на ком бы то ни было, непременно досадила бы всем. “Братец к нам переменится, не станет нас так любить и жаловать, как прежде, молодая жена ототрет родных, и дом родительский будет нам чужой” – это непременно сказали бы сестры Алексея Степаныча, хотя бы его невеста была – их поля ягода; но невестки Софьи Николаовны хуже нельзя было придумать для них» (148).

Подробнее на истории взаимоотношений «внутри» семейства Багровых мы остановим внимание на следующем этапе исследования. А сейчас очертим ее кратко, выделив то, что показательно для сопоставления с подобной же «пошехонской» историей у Щедрина.

Поначалу три сестрицы Алексея Багрова всячески интриговали против его невесты и затем уже молодой жены. Только грозное заступничество Багрова-старшего сдерживало их порывы. Сама невеста изначально занимала примиренческую позицию: «Хотя Софья Николаовна слишком хорошо угадывала, какого расположения можно ей было ждать от сестер своего жениха, тем не менее она *сочла за долг быть сначала с ними ласковою и даже предупредительною*; но увидя, наконец, что все ее старания напрасны и что *чем лучше она была с ними, тем хуже они становились с нею*, – она отдалилась и держала себя в границах светской холодной учтивости, которая не защитила ее, однако, от этих подлых намеков и обиняков. <...> Много переглотала Софья

Николавна слез от злобных выходок будущих своих золовок. <...> Ядовитые эти змеи, остановясь у брата в доме, с первой же минуты начали вливать свой яд в его простую душу» (177–178).

Наконец, и Алексей вынужден был вступить за невесту и дать отпор своим сестрам. Когда они в очередной раз «встретили его обычными злобными шуточками – Алексей Степаныч пришел в исступление и задал им такую выпалку, что они перепугались. *Человек добрый, тихий и терпеливый бывает страшен в гневе.* Алексей Степаныч сказал между прочим своим сестрам, что “если они осмелятся еще сказать при нем хотя одно оскорбительное слово об его невесте или насчет его самого, то он в ту же минуту переедет на другую квартиру, не велит их пускать ни к себе, ни к невесте и обо всем напишет к батюшке”. Этого было довольно. Александра Степановна твердо помнила слова отца: “Держи язык за зубами и других у меня не мутит”. Она очень хорошо знала, какая грозная туча взмыла бы от жалобы братца и каких страшных последствий могла она ожидать» (182). После этого во взаимоотношения Софьи и ее золовок произошел перелом. Они «лебезили перед ней и ласкались самым униженным образом. Она очень хорошо поняла, что это значит, и – торжествовала» (182).

Однако торжествовала она только про себя и ни в чем не распространяла свою возможную власть. Натянутые отношения сохранялись, и это показано уже глазами Багрова-внука. После смерти Степана Багрова Софья формально вступила в права «хозяйки дома», ее просили «не оставить их своим расположением и ласкою. Я видел, что моей матери все это было неприятно и противно; она слишком хорошо знала, что ее не любили, что желали ей сделать всякое зло. Она отвечала холодно, что “никогда никакой власти на себя не возьмет и что будет всех уважать и любить, как и прежде”» (418). И даже позднее «мать находилась в постоянном раздражении и говорила резко, несмотря на то что бабушка и тетушка говорили с ней почтительно и даже робко» (444).

Так это рассказано у Аксакова и, видимо, так оно было и на самом деле в семье его отца и деда. Салтыкова-Щедрина эти аксаковские «семейные истории»

не могли не впечатлить и, можно полагать, вдохновили на описание собственных тетушек: ведь у него их было даже девять!⁹⁹ Но внимание он уделяет лишь четверым из них. В особой главе, «Портретная галерея. Тетеньки сестрицы», рассказано о судьбах двух, оставшихся незамужними. Они-то как раз наиболее откликаются на «аксаковский вариант».

При сопоставлении начать следует с того, что некоторые аналогии у Аксакова и Салтыкова-Щедрина наблюдаются в матримониальном аспекте – в обоих случаях при рождении новых семей описаны «неравные браки». О «неравенстве» молодых Багровых здесь уже говорилось (и далее эта тема еще будет у нас продолжена). Что касается семьи молодых Затрапезных, то здесь брак был «неравным» в самом традиционном виде: жених – дворянин, невеста – из купеческого рода (так это было и в реальной семье Салтыковых, родителей будущего сатирика).

Отношение золовок к невестке изначально в обоих случаях почти рифмуется. Мы видели, как это описано в «Семейной хронике». У Салтыкова-Щедрина, соответственно, читаем: «Они («тетеньки» – Ю. С.) с самого начала вознамерились сделать из нее нечто вроде семейной потехи и *всячески язвили ее колкостями*, в особенности допекая по поводу недоданного приданого. Однако же отец, как человек слабохарактерный, не поддержал их. На первых порах он *даже держал сторону молодой жены и защищал ее от золовок*, и как ни коротко было время их супружеского согласия, но этого было достаточно, чтобы матушка решилась дать золовкам серьезный отпор» (т. 17, с. 89). До сих пор описание идет почти «как у Аксакова». Однако далее всё пойдет как бы «в пику Аксакову»: «Года через четыре после свадьбы <...> совершился крутой переворот. Из молодухи она как-то внезапно сделалась “барыней”, перестала звать сенных девушек подруженьками, и слово “девка” впервые слетело с ее языка, слетело самоуверенно, грозно и бесповоротно. Борьба с золовками началась, разумеется, *с тех пустяков, которыми так богат низменный домашний быт*» (т. 17, с. 89). Имеются в виду прерогативы хозяйки дома –

⁹⁹ См. Примечания в т. 17. С. 559.

заказывать повару меню, давать указания старосте и пр.

Дальше – больше: взаимоотношения женщин развиваются. После того как молодая барыня взяла власть в свои руки, ей становится в тягость и делить с золовками кров: «...я знаю, что я здесь хозяйка, а не нахлебница. У вас есть “Уголок”, в котором вы и можете хозяйничать. Я у вас не гащивала и куска вашего не едала, а вы, по моей милости, здесь круглый год сыты. Поэтому, ежели желаете и впредь жить у брата, то живите смирно. <...> Тетеньки пошептались с братцем, но без успеха. Все дворовые почувствовали, что над ними тяготеет не прежняя сутолока, а настоящая хозяйская рука, покамест молодая и неопытная, но обещающая в будущем распорядок и властность. <...> Тетеньки, однако ж, серьезно обиделись <...>. А через неделю их уже не стало в нашем доме» (т. 17, с. 89-90).

Таким образом, перемена в женских взаимоотношениях в «щедринском» варианте полностью зависит от развития характера невестки, от раскрытия потенциала ее личности. Если, как мы видели, «Софья Николаевна Багрова-Зубина» (в реальности Марья Николаевна Аксакова-Зубова – мать писателя) торжествовала над золовками только про себя и всячески сторонилась от прав и обязанностей хозяйки дома, то в «Пошехонской старине» все оказывается принципиально иначе. Новая хозяйка дорвалась до власти над окружающими, в том числе над мужем и детьми, а золовок держит в черном теле, затем выживает из дома, а в конечном счете и вообще сживает со света.

Обратимся к Комментариям: «На первый план выдвинута властная хозяйка малиновецкой усадьбы Анна Павловна Затрапезная. Эта удивительно сильно нарисованная фигура принадлежит, как и ее предшественница-близнец Арина Петровна Головлева, к художественным шедеврам Салтыкова. Взятый “живьем” из действительности, с реальной Ольги Михайловны Салтыковой, матери писателя, этот образ вместе с тем широко и мощно обобщает характерные черты и судьбу всей социальной группы, которой он принадлежит» (т. 17, с. 529).

К этому считаем нужным добавить следующее важное наблюдение и соображение. В образе Анны Павловны Затрапезной внимательный читатель

Салтыкова-Щедрина может узнать и нечто знакомое. Уже в первом (!) его художественном произведении 1847 г., повести «Противоречия», появляется подобный образ властной помещицы Марьи Ивановны Крошиной: «...в ней есть все элементы заботливой матери, хорошей хозяйки, даже доброй жены, но все это покрыто какою-то плесенью, все это так далеко зарыто, что нужно долго всматриваться, чтоб из-за этой грубой женщины увидеть мать, из-за *женщины-кулака* – бережливую хозяйку <...> такой тип женщины-кулака встречается весьма часто, и особенно в провинциях, где жизнь женщины исключительно сосредоточена в узеньких рамках фамильных ее отношений. В столице сфера эта обширнее; женщина развлекается между семейством и обществом, у нее есть уже обязанности внешние, законы приличия, которых она не может нарушить. В провинции же вокруг нее все тихо, все умерло... Надо же как-нибудь доконать, добить это несносно тянущееся время, потому что праздность душит, тяготит человека, каков бы он ни был: вот она и погрязает по уши в своей семейной грязи, и нет меры обвешиваньям, обмериваньям, сплетням и тому подобным дрызгам!» (т. 1, с. 80-81). Уже автор примечаний к повести Т. И. Усакина, заметила: «В характеристике помещичьего быта Крошиных угадываются, например, очертания будущих сатирических картин “пошехонского раздолья”. Всепоглощающая “страсть к деньгам”, мелочное утомительное стяжательство “женщины-кулака” Марьи Ивановны Крошиной предсказывают целую галерею щедринских типов, действующих “в сфере благоприобретения” на страницах “Благонамеренных речей”, “Господ Головлевых”, “Пошехонской старины”» (т. 1, с. 407).

Тем самым, мы наблюдаем редкий случай – кольцевую композицию в творчестве большого художника слова, хотя бы по одному тематическому мотиву или в типологии образов. Такое уже можно было наблюдать у Толстого (тематическая откликаемость его «Воспоминаний» на собственную «детскую» трилогию). И вот теперь у Салтыкова-Щедрина его «Пошехонская хроника» как бы художественно развивает и замыкает наблюдения из первой по времени его повести «Противоречия». И у обоих писателей-классиков это случается отчасти

благодаря их вниманию к творчеству Аксакова.

Сделаем последнее для этого раздела наблюдение. Оно касается выражения в произведениях Аксакова и Щедрина их личного жизненного опыта. У С.А. Макашина в Примечаниях читаем: «...в “Пошехонской старине” содержатся одновременно «и корни и плоды жизни сатирика» (Н.К. Михайловский) – удивительная сила воспоминаний детства и *глубина итогов жизненного пути, последняя мудрость писателя*» (курсив наш. – Ю. С.) (т. 17, с. 521). Сказано красиво, но в чем же конкретно выражается это последнее (см. наш курсив)? Раз за разом по ходу повествования Щедрин приводит свои суждения о рассказанном. И в разных вариациях они сводятся к негативной оценке одного и того же – «крепостного права, тяжелого и грубого в своих формах». При этом Щедрин и сам сознает уязвимость своей позиции как заикленности на одном и том же: «*Это может показаться странным*, но я и теперь еще сознаю, что крепостное право играло громадную роль в моей жизни и что, только пережив все его фазисы, я мог прийти к полному, сознательному и страстному отрицанию его» (т. 17, с. 131). Только вот возникает вопрос: где же тут «глубина итогов» и «последняя мудрость писателя»?

У Аксакова было иначе. По ходу своих описаний он также регулярно высказывается «от себя». Однако, не претендуя на особенную глубину суждений, он неизменно демонстрирует не какую-то «последнюю мудрость», а мудрость *житейскую* и потому вызывающую к себе заинтересованное и сочувственное внимание читателя. Вот, для примера, лишь два подобных фрагмента: «*Над искренней любовью обыкновенно все смеются, так положено испокон века*, – и весь город смеялся над смиренным, застенчивым и стыдливым, как деревенская девушка, Алексеем Степанычем» (144). И еще раз, в развитие той же темы: «На все такие предварительные условия и предъявления будущих прав жены Алексей Степаныч отвечал с подобострастием, что “все желания Софьи Николавны для него закон и что его счастье будет состоять в исполнении ее воли...”», и *этот ответ, недостойный мужчины, верный признак, что на любовь такого человека нельзя положиться, что он не может составить*

счастия женичины, – мог понравиться такой умной девушке» (курсив наш. – Ю. С.) (167).

С последними авторскими суждениями (выделены курсивом) можно и поспорить; они излишне безапелляционны. Но непредубежденный читатель, пожалуй, поймает себя на мысли: «в этом что-то есть...». Именно поэтому такие суждения вызывают на размышления, на очную ставку с разным иным опытом и потому же они – *художественны*.

Примечателен финал аксаковской «Семейной хроники»: «Прощайте, мои *светлые и темные* образы, мои *добрые и недобрые* люди, или, лучше сказать, образы, в которых есть *и светлые и темные стороны*, люди, в которых есть *и доброе и худое!*» (279). Подобные выражения уместны были бы и в итоге автобиографической трилогии Аксакова в целом. Но диссонансом они звучали бы к произведению Салтыкова-Щедрина, в чем мы имели уже возможность убедиться.

Выводы по первой главе

В масштабном ретроспективном историко-культурном контексте, автобиографические произведения Аксакова вписываются в сто- и даже тысячелетние традиции осмысления и изображения семейного и хозяйственного обихода. Писателю были известны тексты древнерусского «Домостроя» и античных «Трудов и дней» Гесиода. Свидетельства о знакомстве Аксакова с «Домостроем» Ксенофонта нам не известны. Однако в «Семейной хронике» находятся примеры если не сознательной, то *невольной*, архетипической откликаемости этого автобиографического произведения на многие положения древнерусского и античных памятников. Так дает о себе знать реализация в подсознании художника архетипических паттернов.

Значимость прозы Аксакова сказывается в том, что она органично вписалась в историко-литературный контекст эпохи, была в контакте с художественными исканиями Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Л.

Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина. При этом творческие диалоги и влияния были взаимообратные. Аксаков отчасти мог вдохновляться открытиями своих современников («Мертвые души», «Обыкновенная история», «Записки охотника», «Детство. Отрочество. Юность»). Но еще более заметны его обратные влияния: Гончаров следует Аксакову в «Обломове», Тургенев – в «Отцах и детях», Толстой – в «Войне и мире» и «Воспоминаниях», Салтыков-Щедрин – в «Господах Головлевых» и «Пошехонской старине». В последнем случае (Аксаков и Щедрин) опора на близкий материал творчества дает поводы к противопоставлению методов объективного и критического (сатирического) реализма. Кардинальной была аксиологическая разница в отношении этих писателей к крепостническому укладу и к природе. Аксаков не знал другого уклада жизни и, описывая его изнутри, был более объективен. Природу он воспевал, поскольку признавал ее благотворное воздействие на человека. В свою очередь, Щедрин в позднем творчестве играл обличительную роль по отношению к крепостническому укладу, и эта роль мешала ему быть объективным. К природе же у него было стороннее отношение, и он признавал ее позитивное воздействие лишь со многими оговорками.

По-разному Аксаков и Щедрин выстраивали в автобиографических произведениях и соотношение правды и вымысла. Первый из них исходил из фактов и подключал свое воображение, чтобы придать им дополнительный психологический колорит. Второй лишь отчасти отталкивался от фактов, часто известных ему лишь понаслышке, если они укладывались в типологическую систему. А далее он давал волю своему богатому, но многое искажающему воображению. Поэтому Аксаков был объективным бытописателем, а Щедрин – субъективным сатириком.

На перспективу развитие аксаковских традиций просматривается очень широко. Так, его очевидными художественными наследниками явились уже в XX веке И. А. Бунин, М. А. Осоргин, И. С. Шмелев, М. М. Пришвин; позднее (в позднесоветскую эпоху) – К. Г. Паустовский, В. А. Чивилихин, В. А. Солоухин.

Важно иметь в виду, что в принципе контекст восприятия творчества

С.Т. Аксакова на перспективу может и не ограничиваться нашей национальной культурой. Общий пафос его автобиографической трилогии не случайно выразился в названии эпопеи всемирно известного французского писателя-модерниста Марселя Пруста – «В поисках утраченного времени». Наверное, впервые такое сравнение (Аксаков как «русский Пруст») сделал российско-советский филолог Д. С. Святополк-Мирский: «Его не тревожат никакие активные желания, кроме, разве что, желания вновь обрести потерянное время – *«retrouver le temps perdu»*. Прустовская фраза здесь уместна, потому что чувствительность Аксакова, как ни странно, поразительно напоминает чувствительность французского романиста; разница в том, что Аксаков был настолько же здоров и нормален, насколько Пруст был извращен и патологичен; вместо душной атмосферы никогда не проветривавшейся квартиры <...>, в книгах Аксакова веет вольный степной ветер. Как и Пруст, Аксаков весь – пять чувств»¹⁰⁰.

Конечно, нужно иметь в виду, что ни о каком влиянии русского писателя на французского говорить не приходится. Пруст, скорее всего, не читал Аксакова и даже, быть может, ничего не знал о нем. Но ведь наше понятие – *контекст* – и не подразумевает обязательных прямых контактов. Писатели равного или близкого дарования могут невольно откликаться на взаимный художественный опыт в своих устремлениях, в общем направлении исканий. И указанный случай (Аксаков–Пруст) сам по себе даже не уникален. Во Льве Толстом, например, вполне можно видеть предшественника Джеймса Джойса (вновь сравнение Д. С. Святополка-Мирского).

В наше время представление об Аксакове как «русском Прусте» почти узаконено в науке¹⁰¹. Мы также хотели бы внести здесь свою лепту и произведем конкретное сопоставление. Возьмем для примера отражение Аксаковым тонкого нюанса детской психологии («Детские годы Багрова-внука»): «...мать поняла,

¹⁰⁰ Мирский Д. С. История русской литературы. С. 313.

¹⁰¹ См., напр.: Селитрина Т. Л. «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова и «В поисках утраченного времени» М. Пруста: (Опыт типологического исследования) // Аксаковские чтения (1996–1997 гг.). Уфа, 1997. С. 71–77.

какую ночь проведу я, если не лягу спать вместе с нею. Горячею благодарностью к ней наполнилось мое сердце, когда она сама сказала мне: “Сережа, ты ляжешь со мной”. Это все, что я мог желать, о чем, без сомнения, я стал бы и просить и в чем не отказали бы мне; но как тяжело, как стыдно было бы просить об этом! Я, конечно, не вдруг бы решился и прежде *не один час провел бы* в мучительном положении. О, благо тем, которые щадят, избавляют от унижительного сознания в трусости робкое сердце дитяти!» (419).

И вот у Марселя Пруста в первой главе первого же романа его эпопеи воспроизводится сходная «кризисная» ситуация, когда ребенок мучается необходимостью расстаться перед сном с матерью. То, что было выражено у Аксакова в одном абзаце, у Пруста как писателя–модерниста разворачивается на десятки страниц, когда герой-повествователь как бы действительно «не один час провел» в мучительных переживаниях, и наконец мать решила лечь с ним в одной комнате: «Так впервые мою печаль сочли не провинностью, достойной наказания, а неумышленной болезнью, которую признали законной; так ее сочли нервным состоянием, за которое я не отвечаю; мне даровали облегчение – не примешивать раскаяния к горечи моих слез; я мог плакать безгрешно. <...> мне вернули человеческое отношение <...> это возвышало меня в глазах взрослых и словно доказывало, что мое горе – это горе зрелого человека, что слезы мои правомочны»¹⁰².

Очень близкое, во многом совпадающее отражение детской психологии у Аксакова и Марселя Пруста достаточно очевидно. Но оно ведь свидетельствует не о каком-либо «влиянии» или «развитии традиций». Дело в том, что творчество этих писателей – поверх любых традиций и творческих методов – совпадает, остается и может восприниматься в едином контексте.

¹⁰² Пруст Марсель. По направлению к Свану / Пер. с фр. Н. М. Любимова. – СПб.: Амфора, 1999. С. 68.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДОМИНАНТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ

Настоящая глава непосредственно связана с предыдущей, но ее тема нуждается в особом обосновании. Ранее, при рассмотрении контекстов восприятия прозы Аксакова, мы неизбежно затрагивали разные проблемы, которые разрабатывал писатель. Но некоторые из них вызывают особый интерес и требуют специального внимания. Мы называем их здесь «доминантными» не только потому, что они важнее других или чаще выявляются у С. Т. Аксакова (хотя это имеет место быть). Таковые проблемы имеют каждая свой широкий спектр выражений, но они взаимосвязаны, то есть способны «откликаться» друг на друга.

Так, например, проблема «человек и природа» является для С.Т. Аксакова безусловно сквозной и очень значимой. Однако ее статус еще более повышается – даже генерализируется, если изменить ракурс внимания и иметь в виду природу не только внешнюю, окружающую, но и внутреннюю («человек *и его* природа»). И тогда воссоединяются в единую характеристику будто бы лишь взаимодополняющие по отношению к Аксакову эпитеты: «проникновенный поэт природы» и «тонкий психолог» (по выражениям С.И. Машинского)¹⁰³. С признанием наличия в человеке его особой «природы» Аксаков как писатель – и то, и другое одновременно.

Правда, само это понятие – «природа человека» – остается в науке дискуссионным. Хотя то, что под ним обычно подразумевается, является законным объектом изучения для философии, антропологии, психологии и даже для теологии. В этой связи показательно название книги современного психолога и популяризатора науки Стивена Пинкера «Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня». При этом дискуссионность питается различными мнениями о соотношении в человеке его врожденных и благоприобретенных свойств: «...правильное объяснение нужно

¹⁰³ Машинский С. И. Сергей Тимофеевич Аксаков / Вступительная статья. С. 44–45.

искать в сложном взаимодействии между наследственностью и окружающей средой: культура критически важна, но <...> культура не могла бы существовать без умственных способностей, которые позволяют людям создавать культуру и осваивать ее»¹⁰⁴.

В философии внимание к составляющим «природы человека» имеет уже свои традиции. Этому была посвящена, например, одна из глав трактата В.В. Розанова «О понимании»¹⁰⁵.

Итак, если проблема «человек и его природа» признана достойной изучения, то она разворачивается в широком спектре выражений и оказывается связана с сопутствующими проблемами взаимоотношений людей – в том числе помещиков и крепостных (социальная проблематика), мужчин и женщин (гендерная), взрослых и детей (воспитательная) и др.¹⁰⁶ При том что воспитательная проблематика, например, раскрывается во взаимообратных влияниях: «Наличие корреляции между родителями и детьми не означает, что родители влияют на детей; это может говорить о том, что дети влияют на родителей, что одни и те же гены влияют на родителей и детей или и то и другое вместе»¹⁰⁷.

У С.Т. Аксакова в его автобиографической прозе ко всему этому находим богатый художественный материал, в чем мы уже могли убедиться. Он действительно «тонкий психолог» и в иных фрагментах не уступает таким мастерам, как Ф. М. Достоевский или Л. Н. Толстой. Некоторые персонажи у него – не менее сложны и по природе своей многосоставны. У Достоевского, например, исследователи находят поводы различать природу мужскую, женскую

¹⁰⁴ Стивен Пинкер. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 9.

¹⁰⁵ Розанов В. В. Об отношении науки к природе человека и к его жизни // Розанов В. В. Собрание сочинений. О понимании. М.: Республика, СПб.: Росток, 2009. С. 613–629.

¹⁰⁶ В указанной книге С. Пинкера этому посвящены отдельные главы: «Гендер» (с. 415–458), «Дети» (459–493).

¹⁰⁷ Там же. С. 474.

и детскую¹⁰⁸. В настоящей главе мы еще апробируем подобный же подход к Аксакову.

Не остается в стороне и традиционное понимание природы как окружающей среды. Ведь ее очень по-разному могут воспринимать помещики и крестьяне, мужчины и женщины, взрослые и дети. И отношение к такой, традиционно понимаемой природе, конечно, напрямую связано с ее воспитательным воздействием на человека, будь то взрослые – мужчины, женщины – или дети. И здесь опять возможны поводы для осмысления взаимообратных влияний: человек ведь также оказывает свое воздействие на природу (преимущественно негативное, но не только): «...человек – заклятый и торжествующий изменитель лица природы!» (87).

В этой связи С. Т. Аксакова уместнее ассоциировать с Л. Н. Толстым. Ф. М. Достоевский уделял этой проблематике меньше внимания (хотя возможны и другие мнения)¹⁰⁹. У Толстого же многогранность природы в разных выражениях (в том числе как природы человека) находилась в центре внимания с первых его произведений. Так, уже в «детской трилогии» «в первой главе обозначены три мира – детский, взрослый и природный, – которые по ходу повествования вступают у Толстого в сложные соотношения. При этом можно заметить, что дети вступают с природой в более непосредственные и бескорыстные отношения, чем взрослые. В динамике ценностей взрослого мира почти неизбежен, по Толстому, оттенок экспансии – по отношению как к детскому миру, так и к миру окружающей природы. Искомый подтекст трилогии, таким образом, существенно расширяется и углубляется за счёт выявления в нём этой важной составляющей – мира природы».¹¹⁰ К этому хотелось бы добавить, что упомянутая «экспансия» ценностей взрослого мира –

¹⁰⁸ См.: Власкин А. П. На перекрестках человеческой природы: Мужское – Женское – Детское в художественной среде Ф. М. Достоевского // Вестник Российской литературы. 2004. № 1. М. С. 51–60.

¹⁰⁹ См.: Богач Д.А. Художественная аксиология природы Ф. М. Достоевского в романах «великого пятикнижия»: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 178 с.

¹¹⁰ Абдуллина Д. А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. С. 30.

в мир детский напрямую связана с воспитательной проблематикой. В то же время само слово «экспансия» более уместно применительно к «Пошехонской старине» М. Е. Салтыкова-Щедрина, но никак не к произведениям Л.Н. Толстого и С. Т. Аксакова. У последних дети добровольно и с готовностью воспринимают ценности как мира взрослых, так и мира окружающей природы (она ведь тоже оказывает сильное воспитательное воздействие).

Таким образом, в качестве доминантной художественно выраженной у С.Т. Аксакова проблематики можно выделить следующее: взаимоотношение человека и природы; человеческая природа в гендерном аспекте (мужчины и женщины); воспитательные воздействия на детей со стороны окружающей природы и мира взрослых (включая культурные воздействия). Это исходные установки для внимания, которые позволят расширять и по возможности углублять прежние наши наблюдения на новом этапе исследования текстов Аксакова и открывать у него нечто новое.

2.1. Конфликтные пересечения семейных ценностей в трилогии Аксакова

Источником семейных конфликтов в трилогии Аксакова становятся различные гендерные интересы. Проблеме взаимоотношений мужчин и женщин С. Т. Аксаков уделяет много внимания в первой части своей трилогии, в «Семейной хронике», и меньше – во второй и в третьей частях. Причины понятны: первая часть основана на семейных преданиях, которые исходят от взрослых. Только в зрелом возрасте как раз доступен и уместен гендерный интерес к взаимоотношениям людей¹¹¹. В «Детских годах Багрова-внука» и «Воспоминаниях» (вторая и третья части трилогии) повествование ведется от лица ребенка и подростка. Здесь гендерность сказывается преимущественно в воспоминаниях и наблюдениях над взаимоотношениями родителей, а также

¹¹¹ См.: Акбашева Д. С. Творчество С. Т. Аксакова сквозь призму гендерной методологии // Система непрерывного образования: школа – педколледж – вуз: материалы XIV региональной науч.-практ. конф. 20 мая 2014 г. С. 28–31.

очень опосредованно – на опыте общения с сестрой и случайными подругами.

Примечательно, что в самих названиях двух первых частей трилогии уже заметна прямая связь гендерных взаимоотношений персонажей с одной из очень важных и сквозных для литературы проблем – семейной. Со стародавних времен (будем надеяться – и навсегда) образование семьи как раз и было основано на взаимоотношениях мужчин и женщин. «Хроника» так и названа – «*семейной*». А затем она ведется от лица продолжателя рода – «Багрова-внука».

С. А. Макашин сделал немаловажное наблюдение: «В разных идейно-художественных аспектах разработке темы семьи и ее распада было уделено много внимания в таких современных “Господам Головлевым” произведениях, как грандиозная серия Эмиля Золя “Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи”, и в таких великих творениях русской литературы, как “Анна Каренина” Л. Н. Толстого и “Братья Карамазовы” Ф. М. Достоевского»¹¹². К этому следует добавить, что выраженность семейной проблематики в русской классике еще шире. Лишь по названиям произведений в обозначенный ряд нужно включить еще хотя бы «Отцы и дети» И. С. Тургенева.

Семейная проблематика является в мировой литературе сквозной с античных времен, и она действительно актуализируется к середине XIX века. В этой связи нельзя не упомянуть, например, Диккенса и Бальзака. В нашей же литературе по значимости разработки соответствующей проблематики Аксакова по времени опередил, пожалуй, только Лев Толстой своей «детской» трилогией.

Итак, взаимоотношения мужчин и женщин могут считаться значимыми у Аксакова, во-первых, по отношению их друг к другу (к природе друг друга); во-вторых, по отношению к семье и ее благополучию; в-третьих, по отношению к природе окружающей; в-четвертых, по отношению к детям. Примерно в таком порядке мы и обратим на них внимание, хотя возможно, разумеется, и некоторое совмещение углов зрения.

В «Семейной хронике» несомненным центральным героем является Степан Михайлович Багров (прототипом которого послужил дед С. Т. Аксакова).

¹¹² Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. С. 219.

Он и в сюжете играет главную роль (особенно в первой части / «отрывке»). Более того, его образ приобретает концептуальное значение, поскольку по отношению к нему формируется «концепт семьи»¹¹³. С понятием «семья» у Аксакова противоречиво связано близкое ему понятие «род», которое имеет важные смысловые оттенки и через них – прямое отношение к *природе* (*породе*) человека и к *родственникам*. Понятие «род» действительно очень важно само по себе¹¹⁴. И симптоматично повышение в последнее время научного интереса именно к *родам* великих деятелей нашей культуры. Так, в 2010-х годах появились два сопоставимых по масштабу и значимости соответствующих исследования¹¹⁵.

Что касается Аксакова, то справедливо замечено: «Мотивы, основанные на идее родства, не просто играют существенную роль в композиции “Семейной хроники”, своим присутствием они пронизывают все семантически значимые уровни текста. Влияние их на стилистику повествования становится ощутимо буквально с первых строк произведения»¹¹⁶. Правда, автор приведенного суждения находит уместным трижды усмотреть в характеристике героя оттенки авторской иронии, оговорившись, что объектом ее «является, скорее всего, не столько черта характера конкретного человека (то есть Степана Багрова. – Ю. С.), сколько сохраняющиеся в провинциальных помещичьих семьях остатки традиции местничества, что выглядело довольно несуразно на фоне бросающейся в глаза бедности их жизни»¹¹⁷.

¹¹³ Заварницына Н. М. «Идея отца» и образ главы семейства в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14 нояб. 2017 г. Самара: СГИК, 2018. С. 71–75.

¹¹⁴ См.: Заманская В. В. Родовая концепция и нравственная программа С. Т. Аксакова (на материале «Семейной хроники») // Индивидуальное и типологическое в литературном процессе. Межвузовский сборник научных трудов. Магнитогорск, 1994. С. 129–136.

¹¹⁵ Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.; Аксаковы: семейная энциклопедия / Под ред. С. М. Каштанова. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 536 с.

¹¹⁶ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики. С. 109.

¹¹⁷ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики. С. 110–111.

Мы никакой иронии в изначальной характеристике Багрова-старшего не наблюдаем, а напротив, видим важные акценты в его отношении к собственному *роду*. Например, судьба фамильного рода может быть обусловлена *гендерологически*. Ведь прямыми его продолжателями являются сыновья, но не дочери: «...три поколения сряду *в роду его* было по одному сыну и по несколько дочерей; некоторые из них *выходили замуж*, и в приданое им отдавали часть крестьян и часть земли» (73). И далее: «...дочерей считал он ни за что. “Что в них проку! ведь они глядят *не в дом, а из дому*. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда – Алексей...” – сказал на прощанье мой дедушка и отправился за Волгу» (76).

Заметим, что дифференцированное отношение к детям (девочкам и мальчикам) является не временной или случайной прихотью главы рода, но принципиальной установкой. Оно, забегая вперед, распространилось позднее и на внуков. Первой в его семье родилась внучка, но прожила недолго: «Степан Михайлыч принял известие о смерти внучки весьма равнодушно, даже сказал: “Вот есть об чем убиваться, об девчонке, этого добра еще будет!” Но когда вслед за первым известием было получено другое, что здоровье Софьи Николаовны находится в опасности, – старик сильно перетревожился» (265). Последнее обусловлено прагматически: Багров–старший продолжал надеяться, что невестка еще подарит ему внука (и надежда впоследствии оправдалась).

Таким образом, интересам продолжения *фамильного рода* могут противоречить женские инстинкты к образованию новых семей (казалось бы, вполне законные для человеческой природы). В этом и видим мы противоречие связи между понятиями «род» и «семья» (о котором упомянуто ранее).

Еще более колоритно и гендерологически многозначно выражалось у Багрова-старшего отношение к *роду* изначально, еще при образовании собственной семьи. В предыдущей главе уже упоминалось по другому поводу следующее: «...дедушка мой женился на Арине Васильевне Неклюдовой, небогатой девице, *также из старинного дворянского дома*. При этом случае кстати объяснить, что древность дворянского происхождения была коньком

моего дедушки, и <...>, *производя свой род*, бог знает по каким документам, от какого-то варяжского князя, он ставил свое *семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов*. Он не женился на одной *весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась*, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин» (77-78).

Присмотримся к мотивациям героя в этом случае, и оказывается, что интересы продолжения *фамильного рода* могут выступать даже против эмоциональных предпочтений, интимных наклонностей и более того – преодолевать их. Как увидим далее, подобные приоритеты Степан Багров будет пытаться навязывать и своему сыну как продолжателю рода. Так что в аксиологическом измерении ценности фамильного рода могут оказываться по значимости выше ценностей семьи или даже любви. Хотя во многих случаях, в зависимости от обстоятельств, возможна, конечно, и переоценка ценностей¹¹⁸.

В интересах дела, для последующего анализа текстов, нам полезно определиться с различием в понятиях *гендерный* и *гендерологический*. Первое из них – общеупотребительно, но чаще всего за счет упрощения взгляда на различие полов и конкуренцию между ними. В относительно недавнее время в литературоведении на смену *гендерному* пришел *гендерологический* подход и показал свою продуктивность¹¹⁹. Приведем фрагмент обоснования: «...наиболее объективна в отношении к издержкам феминистических теорий с 1970-х годов по настоящее время остается Люси Иригарэ <...>. Популяризатор ее научного творчества И. Л. Аристархова замечает: “Иригари настаивает на том, что стратегия равенства «всегда должна быть нацелена на признание различий». Радикальность ее позиции заключается в том, что имеются в виду различия не только между мужчинами и женщинами, но также и между женщинами”. При всей экзотичности многих суждений Л. Иригарэй, некоторые ее утверждения

¹¹⁸ Дмитриев А. П. С. Т. Аксаков о религиозном смысле супружеской любви и спасительных уроках Французской революции 1848 г.: (по неопубликованным письмам, благословляющим сына Григория на семейную жизнь) // Наследие семьи Аксаковых. Самара, 2020. С. 194–200.

¹¹⁹ Макаричева Н.А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф.М. Достоевского. 301 с.

носят характер эвристичности, и их не должна игнорировать подлинно научная гендерология. Например, такое: “Когда женский род требует чего-то, слишком часто это основано на требовании равных прав, и это рискует закончиться уничтожением рода... Но любое действие – ошибка, если самость равна одному, а не двум, если она сводится к одинаковости / тождественности и расщеплению одинаковости, и игнорирует другую как другую”. Параллельно с Л. Иригарэй близкие идеи развивала Ю. Кристева. Она, “отказавшись от оппозиционности мужского / женского, от утвердившейся в традиционной культуре иерархии в структуре гендерного субъекта, сформулировала теорию двойной детерминированности <...>. Понятие гендерного субъекта Кристева соотносит с концепцией диалогизма, разработанной М. М. Бахтиным”¹²⁰.

Таким образом, с позиций гендерологического подхода открывается широкий спектр нюансов, связанных со взаимоотношениями персонажей, мужских и женских. Это не только романтические отношения, соперничество за сердца или за власть друг над другом (привычные мотивы при гендерном подходе). Это и *динамический* баланс в супружеских взаимоотношениях, добровольное признание разных прав друг друга, разность в отношениях отца и матери к сыновьям и дочерям. Даже взаимоотношения братьев и сестер гендерологически обусловлены и потому могут быть объяснимы. Сюда же следует отнести и причины отношения сестер к брату как продолжателю рода и их заведомой неприязни к невестке. С этим связана и проблема власти в семье, борьбы за нее и сохранения перманентной оппозиции к ней. Притом у мужчин и женщин во всем этом – своя природная стратегия и тактика.

Не все из перечисленного, но подобное мы уже наблюдали у С. Т. Аксакова в предыдущей главе, и можно полагать, что потенциально у него содержится не меньше гендерологических сложностей, чем у Ф. М. Достоевского. Чтобы убедиться, – имеет смысл присмотреться внимательно и целенаправленно.

Прежде всего, в автобиографической трилогии перед нами развернуты

¹²⁰ Макаричева Н. А. Указ. соч. С. 7–8.

разнообразные варианты конкуренции. В укрупненном масштабе, в самом общем виде, это вначале конкуренция семей за внимание читателя, а потом уже – конкуренция между собой представителей этих семей по тому или иному поводу. Что касается семей, то на первом плане это – Багровы и Зубины, описание которых сопоставимо по подробностям. Через их породнение (свадьба Алексея и Софьи) образуется новое звено первой семьи и намечается перспектива (затем реализованная с рождением сына Сережи) последующего продолжения рода Багровых. При сравнении двух этих семей обнаруживаются важные нюансы различий.

Например, это факторы социального, имущественного и культурного неравенства. По двум первым Багровы в неявной конкуренции выигрывают у Зубиных, а по культурному развитию явно проигрывают им. Про Степана Багрова, например, сказано, что «при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо» и в заслугу себе ставил лишь то, что выучился «первым правилам арифметики и выкладке на счетах» (76). Между тем, о Николае Зубине мы узнаём, что в губернской Уфе это был «товарищ наместника коллежский советник» (140), должность по тем временам неординарная – то есть его отличал достаточно высокий уровень культуры.

Мы уже упоминали идею Л. Иригарэй о том, что важны «различия не только между мужчинами и женщинами, но также и между женщинами». Продолжая эту логику, можно считать гендерологически важными различия и между мужчинами. Более чем за полвека до первых работ Иригарэй была защищена диссертация и увидела свет основанная на ней монография Отто Вейнингера «Пол и характер». Порой эту книгу называют «скандально известной», но в ней все-таки содержится немало здравых наблюдений и суждений. Вейнингер, например, обосновывал теорию бисексуальности и, между прочим, указывал уже в первой главе: «...мужчина и женщина являются как бы двумя субстанциями, которые в самых разнообразных соотношениях распределены на все живые индивидуумы <...>. Можно даже сказать, что в мире

опыта нет ни мужчины, ни женщины, а *есть только мужественное и женственное*¹²¹. Судить о том, насколько прав или неправ О. Вейнингер, – не входит в наши задачи¹²². Но факты свидетельствуют о том, что не только в литературе описаны, но и в жизни нам встречаются мужеподобные женщины и женоподобные мужчины.

Вот и в «Семейной хронике» два главы семейства – Степан Багров и Николай Зуев – различаются, наряду с прочим, и в гендерологическом отношении. Первый из них – несомненный носитель «мужского начала», что отражено в его портрете, во властных инстинктах и в поведении. У второго, отца Софьи, напротив, наблюдаются признаки *женственного* безволия. Например, во второй своей женитьбе он явный «подкаблучник» и не способен защитить свою любимицу-дочь от своеволия мачехи: «...не видел дочери по целым месяцам и, когда встречал одетую чуть не в рубище, – *отворачивался, вздыхал, плакал потихоньку и спешил удалиться*» (141).

Дети, как свидетельствует С. Т. Аксаков, не всегда напрямую наследуют природные свойства родителей, в чем нам еще предстоит убедиться. Но в культурном отношении Софья Зубина даже превзошла своего отца. Она с юности активно занималась самообразованием, выучилась читать и говорить по-французски. Косвенно, но красноречиво о ее культурном уровне свидетельствует такое: «Ученые и путешественники, посещавшие новый и чудный Уфимский край, <...> непременно знакомились с Софьей Николаевой и оставляли письменные знаки удивления ее красоте *и* уму. Конечно, положение этой девушки в обществе и семействе было выгодно, служило ей, так сказать, картинным подножием, но зато и стояло на нем чудное создание» (144).

Внимание к семейной конкуренции обостряется с намечающимся браком между Алексеем Багровым и Софьей Зубиной. Это большой и важный сюжетный этап, занимающий целиком третью и четвертую части («отрывки») в

¹²¹ Вейнингер О. Пол и характер. М.: Латард, 1997. С. 5.

¹²² Едва ли это имеет отношение к делу, но само по себе примечательно, что Вейнингер застрелился в 23 года, сразу после публикации своей книги, а Иригари дожила до 94 лет и до сих пор является почетным университетским доктором.

«Семейной хроники». Поэтому на нем нужно остановиться и разобраться во всех нюансах подробнее.

Прежде всего, примечательно, что все потенциальные как сторонники, так и противники образования новой семьи (притом из разных «лагерей») – чем бы они на самом деле ни руководствовались, приводили доводы, касающиеся многофакторного неравенства между возможными супругами. Даже те, кто сочувствовал и содействовал союзу Алексея и Софьи «со стороны», с нейтральных позиций, указывали на факторы неравенства. Так, например, дальняя родственница Багровых, помещица Алакаева, характеризовала их обоих именно как *неровню* с разных точек зрения: «...она преумная, прегордая, превоспитанная. Мало ли в нее влюблялись, но никто посвататься не осмелился. Ты, конечно, красавчик, старинного дворянского рода, имеешь небольшое состояние, а со временем будешь и богат – это все знают; но ты человек не ошлифованный, деревенский, ничему не ученый, и больно уж смирен в публике...» (146). Алексей удивляется ее сомнениям в согласии своих родителей на этот брак: «...разве есть какой-нибудь порок в Софье Николавне?» – «Пребольшой, – отвечала умная старуха. – Она бедна, у нее ровно нет ничего, а ее дедушка был простой урядник в казачьем Уральском войске» (147).

Тем более в самом семействе Багровых должны были изначально в штыки воспринять возможный брак Алексея с Софьей, особенно со стороны его сестер. Аксаков поясняет: «В человеческом существе скрыто много эгоизму; он действует часто без нашего ведома, и никто не изъят от него; честные и добрые люди, *не признавая в себе эгоистических побуждений, искренне приписывают их иным, благовидным причинам*: обманывают себя и других без умысла. В натурах недобрых, грубых и невежественных *обнаруживаются признаки эгоизма ярче и бесцеремоннее*. Так было и в семействе Степана Михайловича. Женитьба брата, на ком бы то ни было, непременно досадила бы всем. “Братец к нам переменится, не станет нас так любить и жаловать, как прежде, молодая жена ототрет родных, и дом родительский будет нам чужой” – это непременно сказали бы сестры Алексея Степаныча, хотя бы его невеста была – их поля ягода; но

невестки Софьи Николаовны хуже нельзя было придумать для них» (148).

Резонным будет задаться вопросом: почему же для сестер Алексея такая невестка, как Софья, – «хуже нельзя было придумать»? На первый взгляд фигурируют всё те же факторы социального и имущественного неравенства: «...вот какое мнение составилось о Софье Николавне. Во-первых, Зубиха (так называли ее сестры и мать Алексея Степаныча в своих тайных заседаниях) – низкого рода; дедушка у ней был уральский казак, по прозванию Зуб, а мать <...> – из купеческого звания. Следовательно, низко было породниться с ней старинному дворянскому дому. Во-вторых, Зубиха – нищая: как умрет отец или отставят его от должности, то пойдет по миру, а потому и братцев и сестриц своих навяжет на шею мужу. В-третьих, Зубиха – *гордячка, модница* <...>; следовательно, на них, на деревенских жителей, – даром что они старинные столбовые дворяне, – и плюнуть не захочет. Наконец, в-четвертых, Зубиха – колдунья, которая корнями приворачивает к себе всех мужчин, бегающих за ней высуня язык, и в том числе приворотила бедного братца их» (148-149).

Иначе говоря, после двух первых, очевидных (и как бы резонных) доводов, вступают в силу третий и четвертый – и в них уже проглядывают эгоизм и ревность. Если Софья «гордячка» и «модница», то значит, ей есть чем гордиться перед «деревенскими жителями» (в том числе и перед женихом). То есть сестры Алексея Багрова невольно признают (в-третьих) более высокий общекультурный уровень невестки. И что еще важнее (в-четвертых) – в основе планируемой семьи угадывается *любовь*, чего лишены сестры Багровы. А это – сколь не криви женская душа – остается очень важной ценностью в девичьем аксиологическом мире. И здесь сказывается наследственность, признаки *фамильной природы*. Правда, сказываются они противоречиво.

Прежде всего, обратим внимание, что семьи Багровых и Зубиных складывались по велению принципиально разных инстинктов. Мы помним, например, что Степан Багров в свое время подавил сердечную наклонность и выбрал жену *по фактору родовитости*. А Николай Зубин был женат дважды, и оба раза – *по любви*. Когда он волею обстоятельств (или небес) овдовел, «у него

осталось трое детей: дочь Сонечка, двенадцати лет, и два малолетних сына. Отец любил свою Сонечку страстно, да и как было не любить такую красавицу и умницу <...>. Года через полтора после смерти первой жены, *горячо им любимой*», он «влюбился <...> и вскоре женился» (140).

И вот в новом поколении обеих семей их представители во многом изменяют семейным природным свойствам. Во-первых, они уже не похожи на своих отцов: натерпевшаяся от мачехи Софья начинает доминировать над безвольным Николаем Зубиным; почитание отца избалованным Алексеем держится не на уважении, а на страхе. А в самом сыне проявляется то, что чуждо Багрову-старшему – изнеженность, мягкосердечие. В перспективе желанной свадьбы меняются даже полюса намерений: в Алексее Багрове регулярно подчеркивается его «безумная любовь», а Софья, напротив, неоднократно признается (в том числе в глаза мужу) в отсутствии подобных ответных чувств. Вот как начиналось у него влечение к Софье: «Он не мог вполне понимать и ценить ее, но одной наружности, одного живого и веселого ума ее достаточно было, чтобы свести с ума человека, – и молодой человек сошел с ума» (144). А вот в чем она признается в письме к Алакаевой (фактически свахе): «Я *не влюблена* в Алексея Степаныча, я только уважаю его прекрасные свойства, его постоянную любовь и считаю, что он может составить счастье любимой женщины. Итак, позвольте мне подумать» (163).

Сложность душевных инстинктов Софьи столь высока и замысловата, что Аксаков берет слово и от себя разъясняет ее мотивы, как бы раскладывая их «по полочкам». Это разъяснение настолько важно, что приведем здесь пространный фрагмент: «Нужда, бедность, жизнь из милости в чужих людях, полная зависимость от чужих людей – тяжелы всякому; но для девушки, стоявшей в обществе так высоко, жившей в таком довольстве, гордой по природе, избалованной общим искательством и ласкательством, для девушки, которая испытала всю *страшную тяжесть зависимости и потом всю прелесть власти*, – такой переход должен был казаться невыносимым. И вот молодой, честный, скромный, пригожий собою мужчина, старинного дворянского рода,

единственный сын, у отца которого было сто восемьдесят душ, который должен был получить богатое наследство от тетки, который любит, боготворит ее – предлагает ей руку и сердце: *с первого взгляда тут нечего и колебаться. Но нравственное неравенство между ними было слишком велико.* <...> Невеста – чудо красоты и ума, жених, правда, белый, розовый, нежный (что именно не нравилось Софье Николавне), но простенький, недалёкий, по мнению всех, деревенский дворянчик; невеста бойка, жива – жених робок и вял; невеста по-тогдашнему образованная, чуть не ученая девица, начитанная, понимавшая все высшие интересы – жених совершенный невежда, ничего не читавший, кроме двух-трех глупейших романов <...>, жених, интересы которого не простирались далее ловли перепелов на дудки и соколиной охоты; невеста остроумна, ловка, блистательна в светском обществе – жених не умеет сказать двух слов, неловок, застенчив, смешон, жалок, умеет только краснеть, кланяться и жаться в угол или к дверям, подалее от светских говорунов, которых просто боялся, хотя поистине многих из них был гораздо умнее; невеста с твердым, надменным, неуступчивым характером – жених слабый, смирный, безответный, которого всякий мог загонять. Ему ли поддержать, защитить жену в обществе и семействе?.. Такие противоположные мысли, взгляды и картины *роились, мешались, теснились в воображении* молодой девушки» (165-166).

Может показаться, что в приведенном фрагменте автор опровергает расхожее представление о том, будто бы женщины, по сравнению с мужчинами, в мотивах своих поступков более склонны к эмоциональности и соответственно менее – к рациональности¹²³. Однако, во-первых, нельзя забывать, что *рационален* здесь сам автор как мужчина. Во-вторых, Аксаков не забывает в финале своих суждений пояснить, что всё это «роится, мешается, теснится» – лишь в «воображении молодой девушки». Он и впоследствии не скрывает своего мужского, *стороннего* отношения к расчетам и планам Софьи. Например: «Мысль воспитать по-своему, образовать добродушного молодого человека,

¹²³ Имеем в виду позицию О. Вейнингера, выраженную в упомянутой книге «Пол и характер». Такая позиция стала во многом расхожей.

скромного, чистосердечного, неиспорченного светом – забралась в умную, но все-таки женскую голову Софьи Николавны» (167).

В связи с приведенным фрагментом обратим также внимание на очень важные художественные аллюзии. Матримониальные сложности, описанные Аксаковым, предвосхищают *гончаровский*, *толстовский* варианты и вариант *Достоевского* (именно в таком хронологическом порядке). На первый мы уже указывали в предыдущей главе: это многоаспектное *неравенство* Ольги Ильинской и Ильи Обломова, препятствующее их любовному и семейному союзу в романе Гончарова. Толстой описывает нечто подобное в «Войне и мире», но с переменной ролей в неравенстве, которое помешало союзу Андрея Болконского и Наталии Ростовой (в трансформированном виде это преобразится в успешном союзе Николая Ростова и Марьи Болконской). Наконец, у Достоевского в повести «Кроткая» будет показано закономерное разрушение семейного союза героев под влиянием неравенства другого рода, но в не менее сложном варианте¹²⁴.

Мы еще не всё прояснили в том, что касается препятствий к союзу Алексея Багрова и Софьи Зубиной в «Хронике» Аксакова. Обратим внимание, например, как реагируют на планы детей их отцы. Первоначально оба были против этого союза, и примечательны их доводы.

После признания сына «светлый ум Степана Михайловича понял ясно, в чем состояло дело. По несчастью, оно ему не понравилось и не могло понравиться. Он *мало понимал романическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, унижением, дрянностью в мужчине* <...>. Подумав немного, вот что он сказал: “Ты именно в таких годах, когда красивая девица может приглянуться мужчине. В этом беды еще никакой нет; но я вижу, что *ты чересчур врезался, а это уж не годится*. Я Софью Николавну ни в чем не виню; я считаю, что она девица предостойная, – только *тебе не пара и нам не с руки*. Во-первых, она дворянка вчерашняя, а ты потомок самого древнего дворянского дома. Во-вторых, она

¹²⁴ См.: Макаричева Н. А. Указ соч. С. 224–238.

горожанка, ученая, бойкая, привыкла после мачехи повелевать в доме и привыкла жить богато, даром что сама бедна; а мы люди деревенские, простые, и наше житье ты сам знаешь; да и себя ты должен понимать: ты парень смирный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнее себя – беда: будет командирша над мужем; а притом, ты так ее любишь, что на первых порах непременно избалуешь. Ну, так вот тебе мое отцовское приказание: выкинь эту любовь из головы. Я же, признаться тебе, думаю, что Софья Николавна за тебя и не пойдет. Надо рубить дерево по себе. Мы поищем тебе какую-нибудь смирененькую, тихонькую, деревенскую, родовую дворяночку, да и с состоянием. Выйдешь в отставку, да и заживешь припеваючи. Ведь мы, брат, не широки в перьях; только что сыты, а доходов больно мало; об куролесовском же наследстве, которое всем глаза разодрало, я и не думаю. <...> Ну, так смотри же, Алеша! чтоб все с тебя слетело, как с гуся вода, и чтоб помину не было о Софье Николавне...» (153-154).

В свою очередь, Николай Федорыч Зубин так пробует отговаривать свою дочь: он «...представил ей все невыгоды иметь мужа ниже себя по уму, по образованию и характеру; он сказал, что мужнино семейство не полюбит ее, даже возненавидит, как грубое и злое невежество всегда ненавидит образованность; он предостерегал, чтобы она не полагалась на обещания жениха, которые обыкновенно редко исполняются и которых Алексей Степаныч не в силах будет исполнить, хотя бы и желал. На такие справедливые замечания и советы, почерпнутые прямо из жизни, Софья Николавна умела возражать с удивительной ловкостью и в то же время умела так убедительно и живо представить хорошую сторону замужества с человеком хотя небойким и необразованным, но добрым, честным, любящим и неглупым, что Николай Федорыч был увлечен ее пленительными надеждами и дал полное согласие» (171-172).

Как видим, на фоне первоначального общего возражения против брака детей наблюдаются важные нюансы различий. С одной стороны, оба отца указывают на знакомый нам фактор неравенства, и в обоих случаях неравенство

понимается в пользу девушки. Софья и образованнее, и бойчее, и умнее Алексея. Это признаёт даже Степан Багров и считает, что она «будет командирша над мужем». С патриархальных позиций это неприемлемо для семейных отношений (так повелось со времен Гесиода, закреплено в русском Домострое и архетипически сказывается в инстинктах Багрова-старшего). Помехой является и влюбленность Алексея (он «чересчур врезался, а это уж не годится»). Такое противоречит, как мы помним, и личному опыту Степана Михалыча.

С другой стороны, у Зубина-старшего опыт был во многом противоположный: семейные союзы он, как уже нами указывалось, дважды заключал *по любви*. Это могло бы расположить его в пользу Алексея. Однако последствия второго брака Николая Федоровича были далеко не благими. Он свёл *любимых* жену и дочь в положение *мачехи* и *падчерицы*. Их разлад оказался непреодолимым и привел к драматичным последствиям. Повторим уже цитировавшееся в более широком виде: «Что же страстно любивший отец?.. Он не видел дочери по целым месяцам и, когда встречал одетую чуть не в рубище, — отворачивался, вздыхал, плакал потихоньку и спешил удалиться. Таковы бывают по большей части *немолодые вдовцы, влюбленные в молодых своих жен*» (141).

В итоге новообразованная семья Зубиных начинала разваливаться. Этот процесс завершился, по воле судьбы, смертью мачехи (она умерла вскоре после родов): «Боже мой, как *смерть перевернула все вверх дном!* Николая Федорыча разбил нервический паралич, после которого он жил еще несколько лет, но *уже не вставал с постели*. <...> Объяснение и примирение виновного отца с обиженной дочерью были умилительны и даже *возмутительны для дочери и окружающих*. Раскаянье долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день и ночь, и долго повторял он только одни слова: “Нет, Сонечка, *ты не можешь меня простить!*”» (143).

Таким образом, к моменту объяснений с детьми по поводу их решения вступить в брак отцы были в очень разных положениях. Страстно желавший продолжения рода Степан Багров был в «сильной позиции»: от все-таки отговаривает, как уже сказано, баловня-сына (а его действительно с детства

баловали в семье) с полным правом и здравыми доводами, на которые нечего возразить. Николай Зубин, в свою очередь, приводит подобные же доводы против брака, но позиция его очень уязвима. Во-первых, в нем живет неизбывная вина перед дочерью, и он давно потерял моральное право решать ее судьбу. Во-вторых, сам же он (впрочем, как и Багров-старший) признает в Софье сильную и самостоятельную натуру: «Николай Федорыч прослезился и сказал: “Друг мой, умница моя Сонечка! делай, что тебе угодно: я на все согласен”» (168). То есть: как она решит, так и будет. На развалинах прежней и в перспективе новой семьи ей уготована уж никак не подчиненная роль.

Перелом в решениях отцов (в сторону согласия на брак их детей) произошел по разным и также примечательным мотивам.

Коротко говоря, Алексей преодолевает запрет отца – отчаянием и готовностью на самоубийство. Но это все-таки нуждается в пояснениях. Аксаков вскрывает неявную закономерность, по которой всеподавляющая власть главы семейства может приводить к губительным результатам, обратным тому, что от подневольных людей требуется. Примечательна здесь параллель с «Грозой» А. Н. Островского (и Аксаков при этом – вновь *предшественник*, но в постановке теперь уже проблемы семейной власти). Алексей Багров по своей натуре предвещает Тихона Кабанова: «*Лишенный от природы твердой воли, воспитанный в слепом повиновении к семейству, а к отцу – в страхе, он не знал, что ему делать*» (152). Он не в силах противиться воле отца: «Батюшке не угодно, я человек погибший, я *не жилец на этом свете*» (154-155). Но его решимость на самоубийство, обозначенная далеко не в бунтарском, а в отчаянно-смирненном письме, оказалась вынужденным, однако *сильным ходом* уже потому, что ставила под угрозу генеральную стратегию отца, нацеленную на продолжение рода: «Ведь не позволим, так нам не видать Алексея как ушей своих: или умрет с тоски, или на войну уйдет, или пойдет в монахи – и *род Багровых прекратится*» (156).

Сделаем небольшое отступление, чтобы прояснить еще один важный дополнительный нюанс. Мотив несостоявшегося самоубийства связывает у

Аксакова два эти, казалось бы, столь разные по натуре характера. Из предыстории Софьи Зубиной мы узнаём, что в юности она также была доведена мачехой до крайности: «...падчерица была близка к самоубийству: она спаслась от него чудом» (141). Чудо же состояло в том, что напоследок она молилась «перед образом Смоленской божией матери, которым благословила ее умирающая мать». После краткого забытья она увидела, что «перед образом теплится свеча, которая была потушена ею накануне; <...> признав в этом явлении *чудо всемогущества божьего*, она ободрилась, *почувствовала неизвестные ей до тех пор спокойствие и силу и твердо решила страдать, терпеть и жить*. С этого дня *беспомощная сирота облеклась непроницаемою броней терпенья* к вящему раздражению своей мачехи» (141-142).

Такой поворот в самоощущении и отношении к жизни можно объяснять по-разному, в том числе даже в духе Ницше: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». Как бы то ни было, молитва перед той самой иконой (Смоленской божией матери) фигурирует в «Семейной хронике» еще не раз: это стало для Софьи обычной жизненной практикой: «Так поступала она <...> во всех трудных обстоятельствах своей жизни» (176)¹²⁵. Обратим внимание, что в то же время ни в ком из Багровых (ни в мужских, ни в женских представителях этого рода) Аксаков не показывает признаков религиозности в их натуре. Она присутствует лишь на бытовом уровне и лишь в обязательной для той эпохи форме исполнения обрядов.

То есть полное согласие духовных инстинктов и наклонностей в *этом отношении* не является, в передаче Аксакова, неизменным условием психологического благополучия семейных союзов и конклавов. Одни могут быть склонны к богообщению, доходящем до религиозной экзальтации (как у Софьи); у других это компенсировано, например, интенсивным общением с окружающей природой (как у Степана Михалыча, Алексея и их сына Сережи, Багрова-внука).

¹²⁵ См.: Кудряшова А. А. Мотив богообщения как структурно-семантический элемент в автобиографической прозе С. Т. Аксакова // Вестник угрюведения. 2011. № 1 (4). С. 24-29.

Так намечается важная проблема духовной толерантности супругов и членов семьи по отношению друг к другу. А суть проблемы в том, что одни вполне толерантны к другим, тогда как эти самые «другие» выражают неприятие или даже насмешки в адрес близких людей по поводу их духовных потребностей.

Вернемся к рассматриваемой матримониальной коллизии. Алексей Багров, как нами отмечено, преодолел предубеждение властного отца собственным отчаянием (то есть фактически – своей слабостью). Софья демонстрирует во многом обратный вариант (такое сегодня принято называть *мягкой силой*): она гасит сомнения слабовольного отца – собственной вдохновенной решимостью влиять на будущего мужа и постепенно изживать культурное неравенство между ним и собою. Она видит плюсы даже в том, в чем отец – минусы и воспринимает неравенство как *вызов* для себя: «“Батюшка! – воскликнула с увлечением восторженная девушка, – я надеюсь, с божиею помощью, что чрез год вы не узнаете Алексея Степаныча. Чтение хороших книг, общество умных людей, беспрестанные разговоры со мною вознаградят недостаток воспитания; застенчивость пройдет, и умение держать себя в свете придет само собою”. – “Дай бог, – отвечал старик. – Пошли за священником, я хочу помолиться о твоём счастье вместе с тобою”» (171-172). То есть и здесь демонстрируется, видимо, природное для Зубиных свойство – полагаться на божью поддержку. Отец и дочь не просто толерантны, они духовно солидарны в этом.

Дефицит подобной солидарности (в чем бы то ни было) будут впоследствии испытывать молодые супруги, Алексей и Софья. Но прежде присмотримся, на каких основаниях складывался их семейный союз еще до свадьбы. А затем увидим, на чем и как этот союз укреплялся и развивался.

Прежде всего, можно заметить: Алексей Багров, еще будучи женихом, уже начинает во многом вторить своему тестю, Николаю Зубину. Во взаимоотношениях с невестой он заранее занимает позицию «влюбленного подкаблучника». Она *ставит условия* – он с готовностью и даже радостью соглашается. Условия в том, что «она, во-первых, не расстанется с отцом, пока

он жив, а во-вторых, что она *не будет жить в деревне*, а желает жить в губернском городе, именно в Уфе, где имеет много знакомых, <...> *в обществе которых должна жить с мужем*. В заключение она прибавила, что очень бы желала, *чтоб ее муж служил <...>*. На все такие предварительные условия и предъявления будущих прав жены Алексей Степаныч отвечал с подобострастием, что “все желания Софьи Николавны для него закон и что его счастье будет состоять в исполнении ее воли...”, и этот ответ, недостойный мужчины, верный признак, что на любовь такого человека нельзя положиться, что он не может составить счастья женщины, – *мог понравиться* такой умной девушке. Поневоле должно признать, что в основании ее характера уже лежали семена властолюбия и что в настоящее время, освобожденные из-под тяжелого гнета жестокой мачехи, они дали сильные ростки, что без ведома самой Софьи Николавны – *любовь к власти была тайною причиною ее решимости*» (166-167).

Этот фрагмент многозначителен, и здесь нам есть что комментировать. Для начала пройдемся по пунктам невесты. Во-первых (а заодно, во-вторых, и в-третьих), она лишает жениха и будущего мужа едва ли не самого для него главного – общения с сельской природой и навязывает ему городскую среду обитания и общения. Он должен будет даже «служить» (то есть стать чиновником), что явно *противно его человеческой природе*. Зато это совпадает с природой ее отца, Николая Зубина.

Позднее Софья сама, при сравнении отца и свекра, первого будет видеть таким: «...ее отец был старик умный, нежный, страстный и бескорыстный, но в то же время слабый, подчиненный тогдашним формам приличия, *носивший на себе печать уклончивого, искательного чиновника*, который, начав с канцелярского писца, дослужился до звания товарища наместника» (206). И вот примерно *в такого* человека невеста хотела бы *переделать* своего будущего мужа (раз уж ему не суждено оставаться вполне *Багровым*).

А ведь ему действительно – *не суждено*. Об этом свидетельствует и «подобострастное» согласие Алексея на все условия Софьи. Невозможно и представить подобное применительно к властному Степану Багрову.

Далее в приведенном фрагменте, уже почти безотносительно к условиям Софьи, начинает сказываться авторская позиция и все более явная *постановка проблема власти* (которая – сама постановка – ведь и может быть только авторской). Ее можно видеть у Аксакова в том, что «недостойный мужчины» ответ (полное согласие на любые условия) предположительно «мог понравиться такой умной девушке». Очевидно, и понравился. Но почему? Прежде чем ответить, сделаем отступление.

Сам мотив власти был замечен в «Хронике» и ранее (власть Степана Михалыча в его семье, власть мачехи Александры в семье Зубиных, и т.д.). Но с момента рассматриваемых предсвадебных «договоренностей» этот мотив преобразуется в постановку полноценной *многоаспектной проблемы*. Многоаспектность сказывается в том, что можно иметь в виду власть мужчины над женщиной (и наоборот). А можно усматривать власть любви в поступках человека (будь то мужчина или женщина). И напротив, возможно властное подавление любовных инстинктов за счет иных, враждебных любви влияний (например, интересов конкретной семьи или фамильного рода в целом). Проблемность же выражается в логике, отраженной в поговорке «Нашла коса на камень...». Или, иначе говоря: чья возьмет, какая власть сильнее? Кроме того, исход конфликтного столкновения двух и более выражений «власти» не всегда остается единовременным и окончательным. Возможна ведь изменчивая история конфликта, с переменой результатов. Что касается взаимоотношений мужчин и женщин, это и есть *гендерология*.

Теперь дадим наш предположительный ответ на поставленный выше вопрос – почему обещания жениха могли понравиться невесте. С. Т. Аксаков свой ответ на это уже дал: проросли «семена властолюбия». Это верно, но недостаточно. Проясним возможную логику. Софья знает цену женской власти в семье, потому что извела ее на себе и на примере отца-«подкаблучника». Пока что понаслышке, по рассказам о Степане Багрове, она знает и о мужской семейной власти (а вскоре узнает и воочию). И фактически совсем она не знает (правда, тоже наслышана, или, вернее, *поначитана*) – о *власти любви*. Поэтому-

то, как сказано в вышеприведенном фрагменте из ее душевной жизни, на «любовь» слабовольного Алексея она положиться не может. И значит, обеспечивать будущее семейное согласие (а может, и саму любовь) она должна будет сама, *своею властью*. А «семена властолюбия», по указанию автора, уже «дали сильные ростки». И потому она готова взять всё в свои женские руки.

То, что Софья плохо знает любовь с ее свойствами, подтверждается и дальнейшими ее душевными движениями и надеждами. Уже в том же контексте читаем: «Ей представилась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, у которого не было недостатка ни в уме, ни в чувствах, погруженных в непробудный сон, который будет *еще более любить ее, если это возможно, в благодарность за свое образование*» (167).

Во-первых, любить за образование – это что-то новое. Здесь возникает еще одна, очередная аллюзия, на этот раз на Н. Г. Чернышевского. Это в его «Что делать?» Вера Павловна, как мы помним, *ненадолго* влюбляется в Лопухова. Но ни у Аксакова как предшественника Чернышевского и многих других, ни у этих «других» – например, у Гончарова, Тургенева, Толстого – их героям влюбляться *из благодарности за что-либо* – не суждено (и наверное, слава богу).

Во-вторых, любовь принципиально *не дозируется*. Любить всё менее или *еще более* человек, пожалуй, не способен. Это как «свежесть», по Булгакову: она или есть, или ее нет – и не бывает «второй» или «первой». А вот Софья продолжает иметь в виду *дозированную* любовь и даже будет распространять это понимание на себя, равняться в этом с не на шутку влюбленным Алексеем. Уже почти накануне свадьбы она, натерпевшись от приглашенных золовок, прочла жениху гневную нотацию. И, помимо прочего, заметила: «Вы знаете, что я не влюблена в вас, но я *начинала любить вас и, конечно, полюбила бы сильнее и постояннее, чем вы*» (181).

Вот с таким пониманием любви Софья берется поучать жениха: «Нет, Алексей Степаныч, *благородные люди не так любят и не так поступают*. Зная, что меня терпеть не могут ваши родные, <...> вы допустили их говорить вам в глаза оскорбительные мне слова. <...> Я заключаю из всего этого, что *любовь*

ваша пустое нежничанье, что на вас нельзя положиться и что нам лучше расстаться теперь, нежели быть несчастными на всю жизнь» (там же). То есть неосознанно для себя она допускает логическую ошибку – ставит его любовь (природу которой не понимает) в зависимость от семейной власти (которую понимает очень хорошо). Сама пока что не обрета такой власти, Софья ждет и требует от Алексея как раз того, в отсутствие чего давно убедилась и приняла его таким, каков он есть, – безвольным: «...имеете ли вы довольно твердости, чтобы быть моим защитником против ваших родных и всех, кто вздумал бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить ваших сестер не обижать меня» (там же).

Далее последовал примечательный поворот, даже скачок в душевной жизни Алексея, и здесь неожиданно сказала непредвиденная никем *власть любви*. Оказалось, что она способна – пусть на время – влиять даже на природу влюбленного человека, *менять* его. Так произошло и с Алексеем Багровым под угрозой отмены свадьбы и потери любимой: «Как громом пораженный, Алексей Степаныч не вдруг пришел в себя. Наконец, мысль потерять обожаемую Софью Николавну представилась ему с поразительною ясностью, ужаснула его и вызвала *то мужество, ту энергию, к которой бывают способны на короткое время люди самого слабого, самого кроткого нрава. <...> Человек добрый, тихий и терпеливый бывает страшен в гневе*» (181-182).

Притом любовь, как оказалось, если сильна, то добивается своего, потому что еще и изобретательна. Вот и Алексей, если уж не имеет *своей власти* над сестрами, то интуитивно *апеллирует к чужой*, безусловной для всех его домочадцев. Он «сказал между прочим своим сестрам, что “если они осмелятся еще сказать при нем хотя одно оскорбительное слово об его невесте или насчет его самого, то он <...> обо всем напишет к батюшке”». Этого было довольно. Александра Степановна твердо помнила слова отца: “Держи язык за зубами и других у меня не мути”. Она очень хорошо знала, какая грозная туча взмыла бы от жалобы братца и каких страшных последствий могла она ожидать» (182). И это возымело желанное действие. Сестры поехали «к Софье Николавне,

лебезили перед ней и ласкались самым униженным образом. Она очень хорошо поняла, что это значит, и – торжествовала» (182).

То есть любовь Алексея побудила его на сильный ход, который мало того что изменил ситуацию, но на время преобразил даже его самого: «Его любовь, <...> несколько запуганная и как будто пристыженная насмешками сестер, – вспыхнула с такою яростью, что *в настоящую минуту он был способен на всякое самоотвержение, на всякий отчаянный поступок, пожалуй – на геройство*» (182).

По мере того, как свидания и разговоры жениха и невесты становились чаще и продолжительнее, они узнавали друг друга все лучше, и начался задуманный Софьей Зубиной процесс воспитания Алексея Багрова. Сам Аксаков называет его «*курсом нравственной педагогики*» (183-184). А можно назвать его и своеобразной «педагогической поэмой» – в духе Гоголя или Антона Макаренко. Шел этот процесс далеко не гладко, потому что Софья изначально переоценила свои возможности. Ей открылось, «*как много будет ей работы в будущем; тут только она вполне разглядела своего жениха!* <...> нашла она такую ограниченность понятий, такую мелочность интересов, такое отсутствие самолюбия и самостоятельности, что неробкая душа ее и твердость в исполнении дела, на которое она уже решилась, – не один раз сильно колебались» (176). Но девушка не отступалась. Тем более, что всегда доступна была духовная помощь молитвы перед иконой Смоленской Божьей Матери, к которой невеста продолжала регулярно прибегать.

Этот первый, предсвадебный этап воспитательного процесса длился пять месяцев. И даже в самый день свадьбы ей представлялась «вся трудность взятого на себя подвига <...>. *Целая жизнь, долгая жизнь с мужем-неровней, которого она при всей любви не может вполне уважать, беспрестанное столкновение совсем различных понятий, противоположных свойств, наконец, частое непонимание друг друга... и сомнение в успехе, сомнение в собственных силах, в спокойной твердости, столько чуждой ее нраву, впервые представилось ей в своей поразительной истине и ужаснуло бедную девушку!..* Но что же делать?

<...> Неужели потешить всех своих недоброжелателей, особенно значительных дам? Сделаться баснею, шуткою города и целого края, может быть подвергнуться клеветам? Наконец, убить <...> страстно любящего ее жениха? И все это из одного опасения, что у ней неостанет твердости к выполнению давно обдуманного плана, который *начинал уже блистательно осуществляться?* “Нет, не бывать тому! *Бог поможет мне, Смоленская божия мать будет моей заступницей и подаст мне силы обуздать мой вспыльчивый нрав...*” Так думала и так решила Софья Николавна. Слезы и молитва возвратили ей твердость» (185-186).

В приведенном аксаковском описании душевного состояния девушки чередуются «моменты истины», социальные предубеждения и откровенные ошибки. К последним мы относим, например, предположение о том, что ее воспитательный план «блистательно осуществляется».

Воспитательный процесс продолжается на следующем этапе – в *супружеской и семейной* жизни. И во-первых, этот процесс в описании Аксакова усложняется за счет взаимообратных влияний. То есть если раньше была лишь *воспитательница*, то теперь она сама то и дело примеряет на себя роль *воспитуемой*. А во-вторых, курсивом мы уже подчеркнули, что жизнь супружеская и семейная – не одно и то же. Метафорически выражаясь, это как двух– и многополосное движение... Имеем в виду, что супружеская жизнь выражается лишь во взаимоотношениях мужа и жены. А между тем, после свадьбы прежняя семья мужа пополняется новым звеном, и с этих пор молодая жена испытывает на себе неизбежное воспитывающее воздействие со стороны родственников мужа и даже всей новой для нее семейной среды. При таком понимании *супружеское*, не утрачивая самостоятельности, вливается в более широкое *семейное*.

Да ведь и мужа-то жена воспринимает уже совсем не так, как недавнего жениха. Так что обозначенная нами ранее «педагогическая поэма» обретает после свадьбы многопоточный сюжет. И особенно важная, густо-содержательная «струя» в этой многопоточности отведена самим Аксаковым взаимоотношениям

свёкра и невестки (то есть, в реальности, своего дедушки и матери).

Эти взаимоотношения зародились еще до свадьбы, но в эпистолярной форме. И уже тогда Багров-старший и Софья Зуева предварительно взаимно оценили друг друга. Инициатива, как и положено, исходила с ее стороны: «Софья Николавна <...> написала такое письмо к будущему свекру и свекрови, что Степан Михайлыч хотя был не сочинитель и не писака, но *весьма оценил письмо будущей своей невестки*. Выслушав его с большим вниманием, он <...> сам прочел письмо два раза и сказал: “Ну, умница и, *должно быть, горячая душа!*”» (174). Он ответил попросту и ласково: «“Милая моя, дорогая и разумная, будущая невестушка. Если ты нас, стариков, так заочно полюбила и уважаешь, то и мы тебя полюбили; а при свиданье, бог даст, и еще больше полюбим, и будешь ты нам, как родная дочь, и будем мы радоваться счастью нашего сына Алексея”. <...> Софья Николавна также по достоинству оценила простую речь старика; она уже прежде, по одним рассказам, полюбила его заочно» (174).

Самое важное и по-разному многозначительное стало раскрываться, разумеется, после очного знакомства Степана Багрова и Софьи (*уже Багровой*). Нужно заметить, что в трактовке Аксакова здесь не все было абсолютно гладко, и разворачивалась своя «история взаимоотношений». Поначалу Багрову-старшему следовало *умерить пыл* невестки. Ведь он даже по первому ее письму обозначил ее важное свойство – она *горячая душа*. И впоследствии Степан Михалыч не раз употребляет этот эпитет при характеристиках Софьи. Горячность же ее выражается, помимо прочего, в готовности ко взаимной любви – как и к взаимной неприязни (последнее касается взаимоотношений с золовками и отчасти со свекровью). Например, «грубоватая наружность свекра с первого взгляда испугала ее, но скоро она прочла в его разумных глазах и добродушной улыбке, услышала в голосе, что у этого старика много чувства, что он сердечно расположен к ней, что он *готов полюбить, что он полюбит ее*. Зная и прежде, что у нее вся надежда на свекра, она тогда же приняла твердое намерение *неприменно снискать его любовь; но теперь она сама его полюбила*, и расчет ума

соединился с сердечным влечением» (200-201).

Умеряет пыл невестки Степан Михалыч последовательно и тактично. Она – человек иной природы (женской) и породы (Зуевской). Ей не так просто войти в семью Багровых. Её приходится *воспитывать*, что и берет на себя Багров-старший. Этот процесс отражен во многих эпизодах. Вот, например, один из них: «...сын и дочери поцеловали у отца руку, что хотела было сделать и Софья Николавна, но старик не дал руки, обнял и расцеловал свою невестку. Это недавнее руки случилось уже в другой раз, и, следуя пылкой своей природе, Софья Николавна с живостью и нежностью сказала: “Отчего же, батюшка, вы не даете мне руки? *Я также ваша дочь и также с любовью и почтением желаю поцеловать вашу руку*”. Пристально и *как-то глубоко* посмотрел старик на свою невестку и ласково отвечал: “*Любить-то я тебя люблю*, но только родным детям надо целовать руку у отца. *Ведь я не поп*”» (193-194).

Смысл этого первого урока достаточно глубок. Любовь может быть разной, одни поверхностные *эмоции в ней – не главное*. У Багровых любовь детей к отцу обоснована многими факторами: он дал им жизнь, воспитал их, несет за них ответственность. В ее основе лежит и признание его заслуженной и безусловной власти в семье. По большому счету, Софья полноценно *любит еще не умеет* – во всех значениях. Об отношении ее к мужу здесь уже сказано (и далее будем рассуждать еще). Собственному отцу ей как бы и не за что было «целовать руки». Так что «школа любви» ей еще только предстоит.

Упоминание Степаном Багровым «попа» не случайно. Он как будто угадывает в Софье религиозную сторону ее натуры. И следует еще урок: безусловной может быть только любовь к богу. И потому целование руки у служителя церкви (как представителя бога на земле) – обязательно, но формально. По религиозным понятиям того времени, «все мы – дети божьи». Но в согласии с земными понятиями Степан Багров резонно напоминает Софье: ты мне не дочь. И потому формальности целования руки неуместны.

Процесс воспитания продолжается. После уроков выражения любви наступает черед урокам по поводу власти. Тесть угадывает в невестке не только

религиозную, но и властную натуру. И приходится поучать, чтобы помочь ассимилироваться к *багровской природе* отношений: «Послушаешь – ладно, не слушаешь – как хочешь: *ты мне не родная дочь*. Мне *не по нутру*, что ты называешь мужа Алексей; у него есть отчество. *Ты ему не мать, не отец*. Ведь ты и слугу стала бы звать Алексей. Жена должна обходиться с мужем с уважением; тогда и другие станут его уважать. Не понравилось мне тоже, что ты вчера за подарками его посылала и что *он стоял с подносом, как лакей*. Вот и сейчас ты сказала, что *велела ему соснуть*. *Повелевать жене не приходится, а то будет худо*» (204).

Уроки должны были стать плодотворными, потому что сама Софья откровенно ждала и даже жаждала их. Вот как она отвечает свекру: «Я не только с радостью исполню вашу волю, я и сама понимаю теперь, что это точно нехорошо. Я еще молода, батюшка. *Меня некому было поучить*: отец мой шестой год лежит в постели. Я переняла такое обращение с мужем у других. Вперед этого никогда не будет не только при вас, но и без вас. Батюшка, – продолжала она, и крупные слезы закапали из ее глаз, – *я полюбила вас, как родного отца; поступайте со мной всегда, как с родной дочерью*; остановите, побраните меня, если я провинюсь в чем-нибудь, и простите, но не оставляйте на сердце неудовольствия. По молодости, по горячности моей *я могу провиниться на каждом шагу*; вспомните, что *я в чужой семье*, что я никого не знаю и что никто не знает меня; не оставьте меня...» (205).

Такая горячая готовность невестки самой пройти «курс нравственной педагогики» (а не только подвергать этому мужа) не могла не расположить к ней свекра: «У Степана Михайлыча была чуткая природа <...>; он безошибочно угадывал зло и безошибочно привлекался к добру. С первого взгляда понравилась ему невестка, а теперь он понял, оценил и вполне ее *полюбил навсегда*». И все-таки далее следует предупреждающая авторская реплика: «*Многим опытам была впоследствии подвергнута эта любовь*, всякий бы другой поколебался, *но он устоял* до последнего своего вздоха» (205). Чем же бывала впоследствии испытуема взаимная «любовь» Софьи и Степана

Михайлыча? Уж, конечно, не их личностными отношениями. Если присмотреться, то у Багрова-старшего, как и всегда, интересы семейного рода остаются превыше всего. И в этих интересах – благополучие новой семейной ячейки. А вот оно-то остается у него под сомнением. И главная причина – уже знакомое неравенство в природе Багровых и Зуевых. Для Степана Михайлыча оно становится все очевиднее. Он «с большим спокойствием разглядел свою невестку и даже своего сына. Он был так умен, <...> – что *почувствовал все неравенство природы этих двух существ* и крепко призадумался. Нельзя сказать, чтоб он не радостно смотрел на их теперешнюю взаимную любовь, <...> на это ничем не отвлекаемое, страстное внимание Софьи Николаовны к своему мужу, – нет, он веселился, глядя на них, но *с примесью какого-то опасенья, с какою-то неполнотою веры в прочность и продолжительность* этого прекрасного явления» (235).

В свою очередь, и отношение Софьи к обоим Багровым (старшему и младшему) проходит подобное же испытание «неравенством природы»: она то охлаживает себя, то вновь увлекается прежними надеждами: «...с меньшим увлеченьем *взглянула на свекра и поняла, из какой среды вышел ее муж; поняла отчасти, что он не мог быть другим человеком и что долго, часто, а может быть и всегда, станут они подчас не понимать друг друга*. Последняя мысль слишком легко пролетела у нее в голове, и прежние обольстительные мечты перевоспитанья, перерожденья Алексея Степаныча овладели ее пылким умом» (235).

В эти сложности взаимоотношений, конечно, вносит свою лепту и Багров-младший: «Он не мог понимать вполне своей жены, не мог чувствовать высказанной глубокой и тонкой оценки высоких качеств Степана Михайлыча и *по-прежнему оставался только совершенно убежденным, что отец его такой человек, которого все должны почитать и даже бояться*» (208). То есть ему вообще чужда какая-либо оценка качеств своего отца, ему достаточно инстинктивного, *природного* почитания, вплоть до страха. Это напоминает религиозное отношение.

Вернемся к Степану Багрову и отметим в его образе чрезвычайно важную, на наш взгляд, особенность. Как персонажу, ему свойственно быть недовольным *неадекватностью собственных высказываний*. Многие он «тонко понимал, несмотря на то что выражался грубо, по-топорному» (235). Впрочем, «по-топорному» – это слишком сильно сказано. У Аксакова перо не поворачивается оформлять речь персонажей слишком уж грубо, на такое будут способны позднее писатели-разночинцы (например, Г. И. Успенский). Но идея здесь заложена очень глубокая, которую подхватит и разовьет в своих романах Ф. М. Достоевский.

У него в романе «Идиот» неоднократно озвучивает эту идею князь Мышкин. А затем, в «Подростке», о том же беседуют Аркадий Долгорукий и Андрей Версилов: «– Не всё можно рассказать словами, иное лучше никогда не рассказывать. Я же вот довольно сказал, да ведь вы же не поняли.

– А! и ты иногда страдаешь, что *мысль не пошла в слова! Это благородное страдание, мой друг, и даётся лишь избранным*; дурак всегда доволен тем, что сказал, и к тому же всегда выскажет больше, чем нужно; про запас они любят»¹²⁶.

Этот фрагмент комментируют авторы содержательной монографии («Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского»): «Как в “Идиоте” Мышкин – Терентьеву, так и теперь Версилов вторит Аркадию, а предмет высказываний – один и тот же. Это впечатление от принципиальной неполноты словесных высказываний по сравнению с внутренним душевным содержанием каких-то иных, жизненных впечатлений, которое “просится на бумагу”»¹²⁷. Заметим, что эта идея восходит к Гегелю, который в своей «Феноменологии духа» «исследует “божественную природу языка”, в силу которой он не позволяет нам высказать того, что мы подразумеваем сказать»¹²⁸.

¹²⁶ Достоевский Ф. М. ПСС в 30 тт. Л.: Наука, 1976. Т. 13. С. 102.

¹²⁷ Макаричев Ф. В., Власкин А. П., Макаричева Н. А. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского. С. 141.

¹²⁸ Гачев Г. Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. Ч. 1. М.: Искусство, 1972. С. 62.

Вот и Степану Багрову у Аксакова свойственно «благородное страдание» от того, что «мысль не пошла в слова». Ему есть чему поучить невестку и сына: «Он много, подолгу беседовал с ними, и с обоими вместе, и с каждым порознь. Хотелось бы ему что-то им высказать, на что-то указать, дать какие-то полезные советы; но *когда он начинал говорить, то неясно понимаемые им чувства и мысли не облекались в приличное слово*, и ограничивался он обыкновенными пошлыми выражениями, тем не менее исполненными вечных нравоучительных истин, завещанных нам опытной мудростью давно живущего человечества и подтверждаемых собственным нашим опытом. Ему было досадно, и *он откровенно говорил о том своей умной невестке, которая, однако, не могла понять, что вертелось на уме и таилось в душе у старика*» (236).

Таким образом, С. Т. Аксаков являлся предтечей Ф. М. Достоевского в художественной разработке этой очень важной философской проблемы.

Вместе с тем, Аксаков не акцентирует *невывразимость* того, «что вертелось на уме и таилось в душе» Степана Багрова (как это сделал бы Достоевский). Он предпочитает «по-старинке» сделать уроки персонажа-мудреца максимально ясными, доступные как прямым адресатам, так и нам, как сторонним читателям «Семейной хроники»: «Он говорил своему сыну: “Жена у тебя больно умна и горяча, может, иногда скажет тебе и лишнее; не балуй ее, сейчас останови и вразуми, что это не годится; пожюри, но сейчас же прости, не дуйся, не таи на душе досады, если чем недоволен; выскажи ей все на прямые денежки; но верь ей во всем; она тебя ни на кого не променяет”. Он говорил также наедине Софье Николавне: “Дорогая невестушка, всем тебя бог не обидел, одно скажу тебе: не давай воли своему горячему сердцу; муж у тебя добрый и честный человек; нрав у него тихий, и ты от него никогда терпеть не будешь никакой обиды; не обижай же его сама. Чти его и поступай с уваженьем. Не станешь почитать мужа, – пути не будет. Что он скажет или сделает не так, не по-твоему, – промолчи, не всяко лыко в строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбил, вижу я тебя всю! Ради бога, не переливай через край; все хорошо в меру, даже ласки и угожденья”... Сын принимал отцовские наставления с

привычным благоговеньем, невестка – с пылким и благодарным чувством дочери» (236).

Интерпретация и комментарии к таким поучениям почти излишни. Можно лишь принять их к сведению и далее обратить внимание на то, как они откликаются в последующей судьбе семьи Багровых-младших.

Особого внимания заслуживает воздействие природы окружающей на основных персонажей «Хроники». Это можно интерпретировать и в более общем виде – как закономерности в сочетании природы окружающей с природой человеческой, внутренней. На наш взгляд, у С. Т. Аксакова по всем трем частям его трилогии явно прослеживается согласованность окружающей сельской природы с родовыми свойствами Багровых. Это сказывается уже изначально, даже в портрете Степана Багрова. Ранее, в связи с портретностью у Аксакова и Щедрина, мы уже имели случай указать на такое соответствие.

Приведем сокращенный фрагмент из той же цитаты: «В разгульной юности, в молодецких потехах, кучу военных товарищей, на него нацеплявшихся, стряхивал он, как *брызги воды стряхивает с себя коренастый дуб после дождя, когда его покачет ветер*. Правильные черты лица, прекрасные большие темно-голубые глаза, *легко загорававшиеся гневом, но тихие и кроткие в часы душевного спокойствия*, густые брови, приятный рот – все это вместе придавало самое открытое и честное выражение его лицу» (76). Конечно, не только в портрете, но и в образе жизни, в складе характера, в манере поведения Степана Багрова сказывается близость к окружающей природе и к природным явлениям. Да и всем Багровым это свойственно. Вот, например, типичная психологическая обстановка в их родовом гнезде (после очередной ссоры): «В спальне молодых *утихала гроза*, а на другом конце дома, в небольшой горнице Степана Михайлыча, *только что начиналась*» (222).

Во время «экскурсии» на мельницу, устроенную для Софьи, на плотине «*молодой муж и две зюльки удили рыбу*» (209). Эта утеха Алексея Степаныча еще немало попортит крови молодой жене.

Вообще по отношению к природе и ее явлениям Алексей и Софья

подчеркнуто противопоставлены автором друг другу. Например, она (природа) регулярно оказывает на Багрова-младшего явно оздоравливающее воздействие в кризисные или хотя бы напряженные моменты его жизни. Например, еще до свадьбы, после отказа родителей дать благословение на союз с Софьей Зуевой, Алексей впал в депрессию и тяжело заболел. Жизнь его была под угрозой. Спасло его пребывание в родовом гнезде и благотворное воздействие природы: «Он проснулся к жизни совершенным ребенком, и жизнь медленно вступала в права свои; он выздоравливал два месяца <...>. Он радовался всякому явлению в природе и в домашнем быту, как новому, незнакомому явлению; наконец, совершенно оправился, даже поздоровел, пополнил и получил, уже более года потерянный, румянец во всю щеку; *удил рыбу, ходил на охоту за перепелами*, ел и пил аппетитно и был весел» (155). Это, как мы уже имели случай заметить, сродни тому укрепляющему воздействию, какое оказывает обычно на Софью молитва перед образом Смоленской божией матери.

Кардинально разное отношение к природе явилось для обоих молодых супругов серьезным препятствием для взаимопонимания и испытанием их взаимоотношений в целом. Это оказалось еще одной гранью их *неравенства* – *природного* во всех смыслах. Алексей по своей человеческой природе – близок к природе окружающей. Она для него зачастую заслоняет социальную среду – мир мелочных человеческих интриг. В конечном счете это нередко оказывается для Алексея оберегающим, даже спасительным. Пока он остается в сельской среде, его *отдушина* всегда рядом, вокруг него.

Софья, напротив, как *горожанка*, – по природе своей бывает слишком зависима от социальности. И все возможные тяготы остается преодолевать или компенсировать молитвами, то есть апелляциями к миру *иному*, не природному, а небесному. Приведем один пространный, но показательный фрагмент на эту тему:

«Алексей Степаныч, <...> еще не привыкший к счастью быть мужем обожаемой женщины, был как-то *неприятно изумлен*, что Софья Николавна *не восхитилась ни рощей, ни островом, даже мало обратила на них внимания и,*

усевшись в тени на берегу быстро текущей реки, поспешила заговорить с мужем об его семействе, о том, как их встретили, как полюбила она свекра, <...> что всех добрее кажется Аксиныя Степановна, но что и она чего-то опасается... “Я все вижу и понимаю, – прибавила она, – вижу я, откуда сыр-бор горит. Я не пропустила ни одного слова, ни одного взгляда, вижу, чего я должна ожидать. Бог судья твоим сестрицам, Елизавете и Александре Степановне...” Но рассеянно слушал Алексей Степаныч: *освежительная тень, зелень наклонившихся ветвей над рекою, тихий ропот бегущей воды, рыба, мелькавшая в ней* <...> Боже мой, да разве тут можно что-нибудь замечать, кого-нибудь обвинять, чем-нибудь быть недовольным? Да тут нельзя слышать и понять, что услышишь, – и Алексей Степаныч решительно *не слышал и не понял, что говорила его молодая жена*; ему было так хорошо, так сладко, что одно только забвение всего окружающего и молчание могло служить полным выражением его упоительного блаженства. Софья Николавна продолжала говорить, говорила много, с жаром, с чувством и, наконец, заметила, что муж ее не слушает, чуть ли не дремлет. Она быстро встала, и тут последовало одно из тех явлений, тех *столкновений взаимного непонимания друг друга*, которое хотя и проглядывало уже не один раз, но так ярко еще никогда не обозначалось. Все было высказано вновь, и в потоке горячих речей вырвались слезы и упреки в невнимании и равнодушии» (195-196).

Отношение Софьи Багровой к природе отчасти подтверждает логику Салтыкова-Щедрина, которую мы уже комментировали по другому поводу на предыдущем этапе исследования. Приведем фрагмент из той пространной цитаты: «...чтоб и богатая природа осияла душу ребенка своим светом, необходимо, чтоб с самых ранних лет создалось то *стихийное общение*, которое, *захватив человека в колыбели, наполняет все его существо, и проходит потом через всю его жизнь*. Если этого общения не существует, если между ребенком и природой нет никакой непосредственной и живой связи, <...> то и самые яркие и разнообразные картины *не разбудят его равнодушия*» (т. 17, с. 35).

Соответственно, Софья была с детства лишена того «стихийного общения

с природой», о котором пишет сатирик. Но, уже вопреки его логике, она к природе не так уж *равнодушна*. Интересна у Аксакова сюжетная ситуация, когда Софье и Алексею фактически одновременно, но порознь и через разные окна открывается одно и то же состояние ночной окружающей природы. Софья послала мужа к его родственницам (матери и сестрам), транслируя им через него свои обиды, а сама ждет его в спальне: «...села у одного из растворенных окон, обращенных к реке, густо обросшей вербой и тальником. Ночь была великолепна; заря как будто не гасла, медленно готовясь перейти из вечерней в утреннюю. Свежесть от воды и запах молодых древесных листьев, вместе с раскатами и свистами соловьев, неслись в растворенные окна. *Но о другом думала Софья Николавна.* <...> Не выезжая никогда из города, она не имела никакого понятия о жизни деревенских небогатых помещиков, рассеянных по разным захолустьям обширного края. Она, конечно, не представляла себе ничего приятного, но действительность была гораздо хуже. *Все ей не нравилось, все было противно:* и дом, и сад, и роща, и остров» (200).

В свою очередь, Алексей «не вдруг воротился в спальню, а несколько времени походил один по зале, уже пустой, темной, посмотрел в отворенные семь окон на спящую во мраке грачовую рощу, на темневшую вдали урему, поприще его детских забав и охот, *вслушался в шум мельницы, в соловьиные свисты, в крики ночных птиц...* Легче стало у него на сердце, и пошел он в спальню» (202).

Раз за разом Аксаков настойчиво показывает: чем живее и полноценнее откликается на окружающую природу Алексей, – тем недовольнее реагирует на это его молодая жена. Например, когда однажды они ехали с визитом к родственникам, об Алексее сказано: «Полная звуков, голосов и жизни степь, богатая тогда всеми породами полевой дичи, так сильно его развлекала, или, правду сказать, *так поглощала все его внимание, что он без участия слушал, а отчасти и вовсе не слышал умных и живых разговоров Софьи Николавны.* Она скоро заметила невнимание мужа и призадумалась; потом из веселой сделалась недовольною и, наконец, принялась разговаривать с своей Парашей, которая

сидела с ними в карете» (210).

Автор комментирует этот душевный разлад следующим образом: «Несмотря на необыкновенный ум, она не могла понять, *как мог человек, страстно ее любящий, любить в то же время свое сырое Багрово*, его кочковатые рощи, навозную плотину и загнившие воды; как мог он заглядываться на скучную степь с глупыми куликами и, наконец, *как он мог несколько часов не видеть своей жены, занимаясь противной удочкой и лещами*, от которых воняло отвратительной сыростью. Не могла понять, и потому, когда Алексей Степаныч спешил *делиться с нею сладкими впечатлениями природы и охоты, она почти обижалась*» (212-213).

Очевидно, что о *равнодушии к природе* (о котором писал Щедрин) уже не может быть и речи. Теперь у Софьи с окружающей природой возникают и все более обостряются *свои счёты* по мотиву соперничества за внимание и даже за «любовь» Алексея Степаныча... Автор поясняет: «...сознание в неравенстве с собою, сознание в некоторой ограниченности чувств и понятий своего мужа нисколько не мешало ей пламенно и страстно к нему привязываться – и уже начинала мелькать у нее неясная мысль, что он не так ее любит, как может любить, потому что не безгранично предан он любви своей, потому что не ею одною он занят, потому что любит и пруд, и остров, и степь, населенную куликами, и воду с противной ей рыбою. *Чувство ревности*, еще без имени, без предмета, уже таилось в ее горячем сердце, и темно, смутно предчувствовала она что-то недоброе в будущем» (235). Как говорится у Пушкина в «Евгении Онегине» – «*Ужели слово найдено?*».

Пожалуй, можно интерпретировать описываемый Аксаковым «конфликт интересов» и таким образом. Действительно, Софья именно *ревнует* Алексея к окружающей природе. По семейно-гендерной логике, у коллективных *Багровых* (то есть как бы у их человеческой *природы*) Софья еще способна *отвоевать* мужа своим женским воздействием. Но в соперничестве с природой натуральной – у нее мало шансов. Его связь с этой природой залегает, быть может, даже глубже его мужского естества. Так что уместно еще раз указать на возможную

оправданность идей О. Вейнингера о соотношении мужского и женского начал в многогранной человеческой природе. Впрочем, это еще подлежит у нас «аудиту» на сочетаемость с другой доминантной проблемой в постановке С. Т. Аксакова – *воспитательной*. И если до сих пор мы рассматривали примеры соответствующих воздействий взрослых персонажей друг на друга, то на следующем (и последнем) этапе исследования нас интересует художественно выраженная у Аксакова *педагогика* – то есть восприятие детьми воздействий со стороны взрослых персонажей, культурной среды и окружающей природы.

2.2. Внутрисемейные отношения и воспитательные воздействия на ребенка в автобиографических произведениях Аксакова

Для воспитательной проблематики характерна неопределенность значения центрального понятия («воспитание»). Один из виднейших русских мыслителей рубежа XIX – XX веков, В. В. Розанов, выделял предельно широкий род воспитательных явлений и назвал его «естественным»: «Все входит в картину такого воспитания: битвы и героизм, семья в ее светлые минуты, гул моря и синева небес, смерть близких и звук церковного пения. Это – необъятная школа, в которой воспитывающимся было человечество...»¹²⁹. Но сам же В.В. Розанов называет это «необъятной школой». Необходимые коррективы при подобном охвате могут вносить идеи М.М. Бахтина об историческом *развитии воспитательного пафоса* в литературе, о разных типах «романов воспитания». Он указывал на фактор «существенного становления человека», которое прослеживается «почти во всех больших реалистических романах, <...> следовательно, повсюду, где достигнуто значительное освоение реального исторического времени»¹³⁰.

Применительно к Достоевскому, Толстому, Гончарову – и Аксакову, в

¹²⁹ Розанов В. В. Сумерки просвещения // Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории. М.: Педагогика, 1990. С. 85.

¹³⁰ Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Человек в мире слова. М.: Изд. РОУ, 1995. С. 127.

обзоре сюжетных ситуаций «воспитание» как таковое трудноразлично. «Чтобы различить – нужно <...> доверять воспитательному характеру любых впечатлений (вслед за Розановым) и не терять из виду аспектов становления героя (вслед за Бахтиным)»¹³¹.

Воспитательная проблематика актуальна для трилогии С. Т. Аксакова в целом. Однако в первой части – «Семейная хроника» – взрослые, как правило, *воспитывают* друг друга (или пытаются это делать, с переменным успехом). В последующих частях трилогии – «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания» – многое меняется, потому что авторский взгляд и слово переходят будто бы к ребенку, затем к подростку, Сергею Багрову, и, наконец, к юноше-Аксакову. В авторском предисловии к «Детским годам...» писатель поясняет, что он намерен передавать будто бы рассказы Багрова-младшего, которые «представляют довольно полную историю дитяти, жизнь человека в детстве, детский мир, созидающийся постепенно *под влиянием ежедневных новых впечатлений*» (285). То есть, конечно, это сам Аксаков как истинный автор вспоминает, под какими влияниями он когда-то вырос, что было для него благотворным, а что приводило к заблуждениям или даже тормозило развитие душевного опыта (но, тем не менее, не могло его остановить)¹³².

В воспитательных воздействиях на Сережу Багрова генеральную роль играли, разумеется, его родители. Что-то они вложили в него генетически (определенные родовые свои свойства). Очень сильное влияние оказывали на мальчика взаимоотношения родителей друг с другом, и не меньшее – как они относились к другим людям из близкого круга общения. Родители же во многом способствовали интенсивным воспитательным влияниям со стороны природы (это шло в основном от отца и «тормозилось» матерью) и книжной культуры (чему способствовала главным образом мать).

Во всех этих (и в некоторых других) разносторонних влияниях можно

¹³¹ Литвинова Д. А. Проблема воспитания в художественной разработке Ф. М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. С. 83.

¹³² См.: Фенькина Л. Н. Аспекты воспитания в трилогии С. Т. Аксакова «Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания» // Интеграция наук. 2019. № 1 (24). С. 413–416.

угадывать немало «подводных камней», в которых необходимо разбираться. И здесь нам поможет особый подход к пониманию многосложности душевной жизни как таковой. Он изложен в монографии, которая уже цитировалась нами на предыдущем этапе исследования. Но по другому поводу¹³³. В указанной монографии находим вводную установку: «Откроем страницу любого произведения, где воспроизводится внутренний мир того или иного героя. Чего там больше? Всё пестрит переживаниями, впечатлениями, бурлящим воображением. И только изредка иным героям удастся, по слову Разумихина, «довратиться и до правды», – то есть собственно до понимания, а то и до «идей». И это не венец их исканий. Потому что чаще всего своими же мыслями и идеями герой продолжает впечатляться и их эмоционально переживает, – так идет возвратное движение. Иными словами, всё, как правило, начинается в произведениях Достоевского (как и в жизни) с эмоций и к ним же, но на новом уровне, возвращается. Это общая закономерность внутреннего мира человека: эмоциональный опыт у нас богаче интеллектуального даже количественно – мы чувствуем чаще и *гуще*, нежели размышляем. Да и не всё мы можем понять из того, чем впечатляемся и что чувствуем, – то есть и по глубине эмоции богаче мыслей. Так и у героев Достоевского»¹³⁴.

Нам кажется, можно добавить: ... и у героев Аксакова. Ведь не случайно в настоящем исследовании у нас уже возникали аллюзии с художественным опытом Достоевского. Конечно, некоторые персонажи у Аксакова показаны в психологическом отношении почти *эскизно* (как, например, «тетушки» из семейства Багровых). Но другие – Степан Багров, Сережа Багров, его родители – по сложности душевного мира почти ни в чем не уступают героям Достоевского. Тем более это касается персонажей ранней прозы писателя-психолога – таких как Макар Девушкин и Варенька Доброселова¹³⁵. Первый роман Достоевского «Бедные люди» появился в печати в 1846 г., наделал много шума, и его никак не

¹³³ См.: Макаричев Ф. В., Власкин А. П., Макаричева Н. А. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф.М. Достоевского. 219 с.

¹³⁴ Макаричев Ф. В., Власкин А. П., Макаричева Н. А. Указ. соч. С. 4.

¹³⁵ Там же. С. 9–24.

мог обойти вниманием Аксаков. Известно и об обратном внимании Достоевского после каторги к сочинениям Аксакова¹³⁶.

Заметим, что Достоевский ни разу не ставил себе художественную задачу, сопоставимую с аксаковской, – воспроизвести во всей полноте и в нюансах процесс взросления человеческой души с ранних детских лет до отрочества. О раннем воспитании Коли Ставрогина («Бесы»), Аркадия Долгорукого («Подросток»), Алеши Карамазова («Братья Карамазовы») у автора сказано не только эскизно, но и с намеренными умолчаниями. Совсем другое мы видим у Аксакова. Душевную жизнь ребенка (фактически себя самого) писатель воспроизводит не только без умолчаний, но и любой повод к ним становится предметом особого авторского комментария.

Итак, если Аксаков изображает душевный мир взрослеющего ребенка достоверно (а сомневаться в этом нет оснований), то здесь можно выявлять общие закономерности душевной жизни, на которые указывают авторы монографии. А именно, интерес для нас представляют разные измерения душевной жизни Багрова-внука – его эмоциональность, впечатлительность, склонность давать волю воображению, стремление всё происходящее вокруг уяснить и оценить. А главное – важна душевная динамика всего этого и источники воспитательных воздействий. Иными словами: откуда душевное многообразие берется и к чему в последующем ведет?

Для примера проведем краткий аналитический обзор одного сюжетного эпизода. Вот молодая семья Багровых едет в гости в Парашино, имение тетушки Прасковьи Куролесовой (вдовы известного нам персонажа-злодея). Они ее потенциальные наследники, поэтому их радушно встречают на дороге, посреди поля, работающие на барщине крепостные крестьяне: «Радость была непритворная, выражалась на всех лицах и слышна была во всех голосах. Я был изумлен, я чувствовал какое-то непонятное волнение и очень полюбил этих добрых людей, которые всех нас так любят» (314). То есть чужие эмоции –

¹³⁶ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб: Академический проект, 1999. Т. 1. С. 389.

радость от встречи – *впечатляют* мальчика и вызывают ответную радость. Но незрелая душа требует пищи не только эмоциональной – она хочет *понимания*. И потому «...я, *весь в движении и волнении*, принялся расспрашивать: отчего эти люди знают, как нас зовут? Отчего они нам рады, за что они нас любят? Что такое барщина? Кто такой Мироныч? и проч. и проч. Отец как-то затруднялся удовлетворить всем моим вопросам, мать помогала ему <...>. В этот раз, как и во многих других случаях, не поняв некоторых ответов на мои вопросы, *я не оставлял их для себя темными и нерешенными, а всегда объяснял по-своему: так обыкновенно поступают дети*. Такие объяснения надолго остаются в их умах, и мне часто случалось потом, называя предмет настоящим его именем, заключающим в себе полный смысл, совершенно его не понимать. *Жизнь, конечно, объяснит все, и знание ошибки бывает часто очень забавно; но зато бывает иногда очень огорчительно*» (315). Таким образом, *понимание* – необходимое звено для любознательного ребенка. Но если оно неполноценно – родители не смогли объяснить, а сам ошибся, – то жизнь как лучший учитель рано или поздно расставит всё по своим местам. Конечным же результатом могут стать вновь эмоции: несовпадение изначального личного и последующего жизненного понимания бывает *забавным* – или *огорчительным*.

Как видим, динамика душевной жизни в одном сюжетном эпизоде связала между собой эмоции, впечатления, попытки понимания. Здесь пока что не наблюдается полета воображения. Но за этим у Сережи Багрова, как мы еще убедимся, тоже дело не станет (его воображение будут питать в основном книги). А пока присмотримся к природным *эмоциональным* возможностям героя. В этом отношении он со всею очевидностью оказался генетически зависимым от матери.

Еще в «Семейной хронике» Аксаков показательно противопоставлял молодых супругов: «Алексей Степаныч чем более узнавал жену свою, тем с большим изумлением смотрел на нее. Он был человек, всего менее способный ценить восторг и сочувствовать восторгу, от чего бы он ни происходил. Восторженность любви в Софье Николавне его пугала; он боялся ее, как привык

бояться припадков бешеного гнева в своем отце... Восторженность на людей тихих, кротких и спокойных всегда производит неприятное впечатление; они не могут признать естественным такого состояния духа; они считают восторженных людей больными на то время, людьми, на которых *находит* иногда... Они не верят в прочность их душевного спокойствия, потому что оно сейчас может нарушиться, и чувствуют страх к таким людям... Страх – самое опасное чувство для любви, даже к отцу и к матери...» (274-275).

В «Детских годах...» под пером Аксакова уже молодой матери, как бы по иронии судьбы, приходится беспокоиться об излишней эмоциональности сына. Вот характерный пример: «Желание скорее переехать в Сергеевку сделалось у меня болезненным устремлением всех помышлений и чувств к одному предмету; я уже не мог ничем заниматься, скучал и привередничал. *Можно было предвидеть и должно было принять действительные меры, чтоб укротить во мне эту страстность*, эту способность увлекаться до самозабвения и впадать в крайности. *Впоследствии я слышал сожаление моей матери, что она мало обращала внимания на эту сторону моего характера, великую помеху в жизни и причину многих ошибок*» (377).

Тем более Алексею Багрову, как человеку иной природы, не дано было регулировать взаимоотношения столь страстных супруги и сына. Когда она как всегда тяжело перенесла очередную беременность, родила еще одного сына и была на грани жизни и смерти, муж совершает ошибку, поучая Сережу: «Отец заранее наказал мне, чтобы я *не только не плакал, но и не слишком радовался, не слишком ласкался к матери*. Это меня очень смутило: одевать свое горячее чувство в более сдержанные, умеренные выражения я тогда еще не умел: я должен был показаться странным, не тем, чем я был всегда, и мать сказала мне: “Ты, Сережа, совсем не рад, что у тебя мать осталась жива...” Я заплакал и убежал. Отец объяснил матери причину моего смущения. Мне дали проплакаться немножко и опять позвали в спальню. Мать нежно приласкала меня и сестрицу (меня особенно) и сказала: “Не бойтесь, *мне не будет вредна ваша любовь*”. Я обнял мать, плакал на ее груди и шептал: “Я сам бы умер, если

б вы умерли”» (437-438).

Как видим, здесь в душе мальчика сплелось воедино многое: эмоции (жалость к матери и радость ее выздоровлению); гнетущее впечатление от необходимости сдерживать чувства; болезненное воображение («сам бы умер, если б вы умерли»). Мать поняла всё правильно («*мне не будет вредна ваша любовь*»), а для отца это явилось важным уроком на будущее. Теперь и он понял, что любовь – *нельзя регулировать*.

Будем иметь в виду, что воспитательные воздействия на мальчика-повествователя, от чего или кого бы они ни исходили, идут в воспроизведении Аксакова во многом перманентно. Как известно, Толстому хотелось написать «Историю вчерашнего дня», то есть, по его словам, «рассказать задушевную сторону жизни одного дня. Бог один знает, сколько разнообразных, занимательных впечатлений и мыслей, которые возбуждают эти впечатления, хотя темных, неясных, но не менее того понятных душе нашей, проходит в один день. Ежели бы можно было рассказать их так, чтобы сам бы легко читал себя и другие могли читать меня, <...> вышла бы очень поучительная и занимательная книга, и такая, что не достало бы чернил на свете написать ее»¹³⁷. По аналогии с этим представляется невозможным и развернуть во всей полноте процесс воспитания Сережи Багрова, даже опираясь только на текст Аксакова. Пришлось бы цитировать два произведения – «Детские годы...» и «Воспоминания» – почти целиком (в них мало фрагментов, совсем не имеющих отношения к процессу воспитания повествователя). Пришлось бы еще пояснять, комментировать цитируемое.

Так что здесь наше внимание неизбежно ограничено наиболее яркими примерами воспитательных воздействий и их результатов. Важно иметь в виду разные источники этих воздействий, их смену, причины такой смены и т. д. Как уже сказано, одно из важнейших и интенсивных воспитательных воздействий оказывают на мальчика его родители, и не только напрямую, но и через взаимоотношение друг с другом. Эпизоды несогласия, даже споров отца и

¹³⁷ Толстой Л. Н.. Т. 1. С. 338.

матери смущают душевный мир Сережи Багрова, стимулируют его развитие. Вот для иллюстрации небольшой фрагмент: «Я многого не понимал, <...> и у меня остались в памяти только отцовы слова: “Не вмешивайся не в свое дело, ты все дело испортишь” <...>. Мать поспорила, но уступила. Боже мой! *Какое смешение понятий произошло в моей ребячьей голове!* За что страдает больной старичок, что такой злой Мироныч, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отец не позволил матери сейчас прогнать Мироныча? Стало, отец может это сделать? Зачем же он не делает? Ведь он добрый, ведь он никогда не сердится? Вот *вопросы, которые кипели в детской голове моей*, и я разрешил себе их тем, что Михайлушка и бабушка недобрые люди и что мой отец их боится» (321).

Даже из этого примера видно, что значение имеет, как правило, более общий, широкий контекст среды и общение с разными людьми (а не только общение родителей с детьми и друг с другом). То есть само *общение* можно признать одним из важнейших факторов воспитания. В широкой области общения выделяется более узкая – родственники, и еще уже – общение с родителями и с младшей сестрой.

Остановим пока внимание на последнем, на общении с сестрой. Его зачатки переданы Аксаковым, как всегда, психологически очень тонко: сам еще *дитя*, Сережа поначалу воспринимает сестренку как «удвоение» себя, идентифицирует ее с собою: «Сестрицу я любил сначала больше всех игрушек, больше матери, и любовь эта выражалась беспрестанным желаньем ее видеть и чувством жалости: мне все казалось, что ей холодно, что она голодна и что ей хочется кушать; я беспрестанно хотел одеть ее своим платьицем и кормить своим кушаньем; разумеется, мне этого не позволяли, и я плакал» (288). Это напоминает отношение маленьких девочек к своим куклам.

Затем, по ходу взросления, возникает потребность шире и глубже делиться с сестренкой своими эмоциями и впечатлениями: «*Я пересказал сестрице с жаром о том, что видел. Я постоянно сообщал ей обо всем, что происходило со мной без нее. Теперь я стал замечать, что сестрица моя не все понимает, и*

потому, перенимая речи у няньки, старался говорить *понятным языком для маленького дитяти*» (321). То есть потребность в общении, но рассогласованность в нем – разбудили в Сереже «педагога», и это – его личностное развитие.

Далее – более. Сестрице за ним в развитии не угнаться (по возрасту их разделяло два года¹³⁸), но он не оставляет усилий. Теперь он пытается развивать ее чтением, а когда это не приносит успеха – с «педагогической целесообразностью» использует ее *девчачьи* наклонности (привязанность к куклам), чтобы развивать впечатлительность и воображение: «Всякий день я *принимался учить читать маленькую сестрицу*, и совершенно без пользы, потому что во все время пребывания нашего в Багрове она не выучила даже азбуки. Всякий день заставлял ее слушать «Детское чтение», читая сряду все статьи без исключения, хотя многих сам не понимал. Бедная слушательница моя часто зевала, напряженно устремив на меня свои прекрасные глазки, и засыпала иногда под мое чтение; *тогда я принимался с ней играть*, строя городки и церкви из чурочек или дома, в которых хозяевами были ее куклы; *самая любимая ее игра была игра «в гости»*: мы садились по разным углам, я брал к себе одну или две из ее кукол, с которыми приезжал в гости к сестрице, то есть переходил из одного угла в другой. У сестрицы всегда было несколько кукол, которые все назывались ее дочками или племянницами; тут было много разговоров и угощений, полное *передразнивание больших людей*. Я очень помню, что *пускался в разные выдумки и рассказывал разные небывалые со мной приключения* <...>. Так, например, я рассказывал, что у меня в доме был пожар, что я выпрыгнул с двумя детьми из окошка (то есть с двумя куклами, которых держал в руках); или что на меня напали разбойники и я всех их победил; наконец, что в багровском саду есть пещера, в которой живет Змей Горыныч о семи головах, и что я намерен их отрубить. Мне очень было приятно, что мои рассказы *производили впечатление на мою сестрицу и что мне иногда удавалось даже напугать ее*» (344-345).

¹³⁸ В реальной жизни – три с лишним года. См.: Летопись жизни С. Аксакова. С. 12.

Заметим, как тонко Аксаков указывает здесь на возможный вред чрезмерного акцента на воображение неподготовленного ребенка. Но Сереже Багрову это простительно: «педагог» он незрелый (просто *никакой*) и потому не способен понять, что *развитие*, тем более *разгул собственного воображения* может травмировать отстающую от него сестренку. Так и случилось: она «худо спала, просыпалась, плакала и все видела во сне то разбойников, то Змея Горыныча и прибавляла, что это братец ее напугал» (345). Сам он в общении с сестренкой все-таки развивает свое воображение; она для него – самый благодарный слушатель и *соучастница* его фантазий. В общении с ней Сережа полностью открыт и раскован. Он – *субъект* влияния.

В общении со взрослыми закономерна совсем иная тенденция. Здесь герой, как ребенок, оказывается *объектом* воздействий и влияний. И если иметь в виду самый *ближний круг* взрослых, – то это, во-первых, родители, во-вторых, ближайшие родственники, а в-третьих, это непосредственные слуги (нянька у Наташи и дядька Евсеич у Сережи). Затем уже, по степени влияния, следуют другие родственники и знакомые родителей.

Воспитательное воздействие на Сережу его общения с самыми близкими людьми идет как бы *на волне родственной любви*. Она очень специфична, потому что *безусловна, непосредственна и нетребовательна*. Приведем выразительный эпизод, где на такое любитесь Степан Багров: «Я живо помню, как он любовался на нашу дружбу с сестрицей, которая, сидя у него на коленях и слушая мою болтовню или чтение, вдруг *без всякой причины* спрыгивала на пол, подбегала ко мне, обнимала и целовала, и потом возвращалась назад и опять вползала к дедушке на колени; на вопрос же его: “Что ты, козулька, вскочила?” – она отвечала: “Захотелось братца поцеловать”» (354).

Слово «любовь» в тексте книги «Детские годы Багрова внука» по частотности употребления можно поставить на одно из первых мест. Однако спектр значений здесь будет очень широк. Для близких родственных отношений, о которых сейчас идет речь, характерна любовь, которая, с одной стороны, не нуждается в конкретизации (за что любят), а с другой, напротив, допускает

инстинктивные градации (любят больше или меньше). Вот яркий пример: «...я поверил, <...> что у моего отца мало чувств, что он не умеет так любить, как мы с маменькой любим» (506).

На подобных же «перепадах любви» (кто кого больше любит) просматриваются у Аксакова конкурентные взаимоотношения обоих детей с родителями: «Проводя почти все свое время неразлучно с матерью, <...> я менее играл с сестрицей, реже виделся с ней. Я уже сказал, что мать не была к ней так ласкова и нежна, как ко мне, а потому естественно, что и сестрица не была и не могла быть с ней нежна и ласкова, даже несколько робела и смущалась в ее присутствии. Мать <...> говорила: “Эта девочка совсем не имеет ко мне привязанности. Так и смотрит, как бы уйти от меня к своей няне”. Мне самому так казалось тогда, и я грустно молчал, не умея оправдать сестрицу, и сам думал, что она мало любит маменьку. *В самом же деле, как после оказалось, она всегда любила свою мать гораздо горячее и глубже, чем я*» (570). Заключительное суждение выглядит неожиданным, но у Аксакова так и не находится обосновывающих, поясняющих такой вывод аргументов.

Не то чтобы сама любовь при этом девальвируется, но границы понятия размываются, и во многих случаях более правильно говорить о «приязни» (но это, конечно, выглядело бы неуместно в повествовании от лица ребенка). Вот один из подобных фрагментов: «*По ребячеству моему я подумал, что все нас полюбили*. Впрочем, я и теперь думаю, что в эту последнюю неделю нашего пребывания в Багрове дедушка точно полюбил меня, и полюбил именно с той поры, когда сам увидел, что я горячо привязан к отцу. Он даже высказал мне, что считал меня баловнем матери, матушкиным сынком, который *отца совсем не любит, а родных его и подавно*» (353).

Как бы то ни было, изобилие в повествовании большей или меньшей любви, приязни или неприязни во взаимоотношениях персонажей расширяет эмоциональный кругозор и развивает эмоциональный опыт Сережи Багрова как героя-повествователя. Этому способствует не только его прямое общение с родными, но и наблюдения над их общением с другими людьми. Немало при

этом находится поводов и для сопоставления своей и чужой *«погоды в доме»*. Например: «Двоюродные сестрицы оставались у нас в комнате, и мы с ними очень разговорились, и очень дружелюбно. Впрочем, говорили почти все они, и я тут узнал много такого, о чем прежде не имел понятия и что даже считал невозможным. Я узнал, например, что они *очень мало любят, а только боятся своих родителей, что они беспрестанно лгут и обманывают их*; я принялся было осуждать своих сестриц, доказывать, как это дурно, и учить их, как надобно поступать добрым детям. Я говорил все то, что знал из книг, еще более из собственной моей жизни, но сестрицы меня или не понимали, или смеялись надо мной, или утверждали, что у них *тятенька и маменька совсем не такие, как у меня*» (421). А это уже был прямой выход к озадаченности вопросами семейной психологии. Через наивное ребяческие впечатления героя-повествователя выражена серьезная заинтересованность самого автора, Аксакова. Ему при этом было на что опираться в собственном житейско-воспитательном опыте¹³⁹.

В приведенной цитате замечен важный мотив *лжи*. Она привносит искажающие ноты в человеческие взаимоотношения и регулярно встречается в текстах С. Т. Аксакова. Разумеется, вынужденная или даже навязываемая ложь оказывает сильное воспитательное воздействие на ребенка. Дети Багровых, воспитанные в духе предельной искренности и честности, воспринимают болезненно попытки взрослых сделать их солидарными с собой во лжи, даже безобидной на первый взгляд. Это случается со стороны прислуги. Вот как это бывает: «...мать сердилась на нашу няньку и очень ее бранила. Нянька Агафья плакала, и мне было очень ее жаль, а в то же время она все *говорила неправду*; клялась и божилась, что от нас и денно и нощно не отходила, и ссылалась на меня и на Евсеича. Я попробовал даже сказать ей: “Зачем ты, нянюшка,

¹³⁹ См.: Шамсутдинова З. Ф. Воспитание детей на основе семейных традиций семьи писателя Аксакова С. Т. // Воспитание. Ульяновск, 2021. С. 26–35; Савельева Т. И. Воспитание детей на основе семейных традиций семьи писателя Аксакова С. Т. // Воспитание. Ульяновск, 2021. С. 44–49. Показательно полное совпадение названий двух публикаций в одном и том же сборнике материалов конференции...

говоришь неправду?» Она отвечала, что грех мне на нее нападать, и заплакала навзрыд. Я стал в тупик; мне приходило даже в голову: уж в самом деле не солгал ли я на няньку Агафью; но Евсеич, который в глаза уличал ее, что она все бегала по избам, успокоил мою робкую ребячью совесть» (354).

Но ложь даже в самой безобидной форме навязывают детям, конечно, и родственники. Например, «приехавшая тетушка была Аксинья Степановна, <...> привезла нам гостинца, изюма и черносливу, но *отдала тихонько от всех и велела так есть, чтобы никто не видал; <...>* мы очень обрадовались ее ласковым речам и очень ее полюбили. *Одно смутило меня:* приказанье есть потихоньку подаренные ею лакомства. Мать и отец *приучали меня ничего тихонько не делать*, и я решился спрятать изюм и чернослив до приезда матери» (346).

Не сразу, постепенно, после ряда опытов Сережа начинает различать разновидности и оттенки лжи. Не то чтобы «ложь во спасение», но все-таки какие-то умолчания «во благо», ради спокойствия близких, он интуитивно допускает и использует сам. К примеру: «...я не сказал ни слова о том, что Матреша говорила мне на ухо. Я сделал это без всяких предварительных соображений, *точно кто шепнул мне, чтоб я не говорил*; но после я задумался и долго думал о своем поступке, сначала с грустью и раскаяньем, а потом *успокоился* и даже уверял себя, что маменька огорчилась бы словами Матрешы и что *мне так и должно было поступить*» (528).

Много позднее, уже во время пребывания Сережи Багрова в казанской гимназии, сама мать будет принуждать его ко лжи: «Мать писала ко мне, чтоб на другой день поутру я не вставал с постели, а сказал бы Василью Петровичу, что у меня ломят ноги, особенно коленки, и попросился бы в больницу. Записочку приказано было сжечь, что я сейчас исполнил. *Ложь была совершенно мне незнакома. Мать особенно строго за нее взыскивала, и я очень изумился такому приказанию.* Хотя какая-то темная догадка мелькала у меня в уме, что эта ложь будет способствовать моему освобождению из гимназии, но я долго не мог

заснуть, смущаясь, что завтра должен сказать неправду (2; 48)¹⁴⁰.

Определенные разновидности лжи проникают на глазах ребенка почти во все сферы взрослой жизни, в том числе в социальные отношения между помещиками и крепостными. Например, староста, вызывающий негодование своим жестоким поведением, оказывается полезным и своему хозяину, и самим крестьянам. Они просят, «чтоб Мироныча не трогать и что всякий другой на его месте будет гораздо хуже. Такое объяснение, на которое понадобилось еще много новых объяснений, *очень меня озадачило*. Житейская мудрость не может быть понимаема дитятей; *добровольные уступки несовместны с чистотой его души*, и я никак не мог примириться с мыслью, что Мироныч может драться, не переставая быть добрым человеком» (327). Смириться с этим ребенку трудно, но приходится привыкать – это мир взрослых, и так идет болезненный процесс взросления Сережи Багрова.

Указанная проблема на самом деле гораздо шире только социальной сферы взаимоотношений персонажей Аксакова. Она смыкается с *проблемой справедливости / несправедливости*. Мир взрослых пронизан этим, и детей даже родители вольно или невольно воспитывают в духе терпимости к несправедливости. Например, упомянутые «двоюродные сестрицы» были приучены не только ко лживым взаимоотношениям в их семье. Когда они совместно гостят у деда с бабушкой, Сережа замечает: «Я очень видел, что с ними поступают совсем не так, как с нами; их и любили, и ласкали, и веселили, и угощали разными лакомствами; им даже чай наливали слаще, чем нам: я узнал это нечаянно, взявши ошибкой чашку двоюродной сестры. Девочки эти, разумеется, ни в чем не были виноваты: они чуждались нас, но, как их научили и как им приказывали, так они и обходились с нами» (346).

Психологически сложный случай проявления взаимообратной лжи описан на материале уфимской жизни. Постоянные взрослые гости семьи «получили охоту» дразнить Сережу (362). Они нашли в его психике «слабое место»,

¹⁴⁰ Здесь и далее «Воспоминания» цитируются по изданию: Аксаков С. Т. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Гослитиздат, 1955–1956. Т. 2. – с указанием в скобках тома и стр.

покусились на две важнейшие для него ценности – сестренку и желанную Сергеевку (имение было куплено на его имя). Два дяди и их приятель Волков (ненавистный мальчику) «написали свадебный договор, или рядную, в которой было сказано, что мой отец и мать, с моего согласия, потому что Сергеевка считалась моей собственностью, отдают ее в приданое за моей сестрицей в вечное владение П. Н. Волкову. Бумага была подписана моим отцом и матерью, то есть подписались под их руки, вместо же меня, за неумением грамоте, расписался дядя мой, Сергей Николаич. *Бедный мальчик был совершенно сбит с толку!* Не веря согласию моего отца и матери, слишком хорошо зная свое несогласие, в то же время я вполне поверил, что эта бумага, которую дядя называл купчей крепостью, лишает меня сестры и Сергеевки; кроме мучительной скорби о таких великих потерях я был раздражен и *уязвлен до глубины сердца таким наглым обманом*. Бешенство мое превзошло всякие границы и помрачило мой рассудок». Напрасно «мать вразумляла меня, что все это одни шутки, что за них не должно сердиться и что надобно отвечать на них шутками же; но беда состояла в том, что *дитя не может ясно различать границ между шуткою и правдою*» (363). В пылу отчаяния Сережа бросил в Волкова деревянный молоток: «Вот до чего можно довести доброго и тихого мальчика такими неразумными шутками!» (366-367).

В итоге мальчика наказали – поставили на целый день в угол и оставили под присмотром дядьки Евсеича. «Тут-то *заработало мое воображение!* Я представлял себя каким-то героем, мучеником, *о которых я читал и слышал, страдающим за истину, за правду*. Я уже видел свое торжество: вот растворяются двери, входят отец и мать, дяди, гости; начинают хвалить меня за мою твердость, признают себя виноватыми, говорят, что хотели испытать меня, одевают в новое платье и ведут обедать... Дверь не отворялась, никто не входил, только Евсеич начинал всхрипывать, сидя в другой комнате; *фантазии мои разлетались как дым*, а я начинал чувствовать усталость, голод и головную боль. Но *воображение мое снова начинало работать*, и я представлял себя выгнанным за мое упрямство из дому, бродящим ночью по улицам: никто не

пускает меня к себе в дом; на меня нападают злые, бешеные собаки, которых я очень боялся, и начинают меня кусать: вдруг является Волков, спасает меня от смерти и приводит к отцу и матери; я прощаю Волкову и чувствую какое-то удовольствие. Множество тому подобных картин роилось в моей голове, но везде я был первым лицом, торжествующим или погибающим героем. Слова “герой”, конечно, я тогда не знал, но заманчивый его смысл ясно выражался в моих детских фантазиях» (368).

Примечательно, что здесь дразнящей, «наглой» лжи взрослых инстинктивно противопоставляется красивая ложь детского воображения, в котором сам Сережа выступает в роли страдающего заступника *«за истину, за правду»*. Быть может, не случайно всё это напоминает яркий художественно-психологический эпизод из «Отрочества» Толстого. Там Николенька Иртеньев бросается с кулаками на своего гувернера-француза, Сен-Жерома, несет унижительное наказание за это, но отстаивает собственное «я» как решающую для себя ценность¹⁴¹. Аксаков мог вдохновиться этим толстовским сюжетным эпизодом и вспомнить подобное из собственного ребяческого опыта.

Кроме того, в данном случае впечатления от толстовского произведения могли накладываться не только на давние детские воспоминания. Были у Аксакова и гораздо более близкие ассоциации. До нас дошел не предназначенный им для печати «Отрывок из семейной хроники» (1847 г.). То есть задолго до завершения автобиографической трилогии писатель планировал охватить в своей «Хронике» не три, а даже четыре поколения семьи. В частности, в этом «Отрывке...» описано, как сам он любил безжалостно дразнить своего второго малолетнего сына, Гришу Аксакова: *«Вместо того, чтоб взять за правило: не дразнить ребенка, способного приходить в такое исступление, – это сделалось любимой забавой. Вина непростительная!* Непрерывный ряд таких увеселительных сцен продолжался почти до

¹⁴¹ См. комментарий к этому эпизоду: Абдуллина Д. А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. С. 131–135.

шестилетнего возраста бедного Гриши. Изобретательность в содержании их была неистощима!» (2; 414).

Но вернемся к «Детским годам...». Целесообразно отметить еще ряд важных нюансов. У Аксакова, во-первых, наглой лжи взрослых противостоят красивые фантазии обиженного ребенка. По большому счету, то и другое – *ложь*, но одно другим не компенсируется, потому что эти варианты лжи – слишком разные в своей нравственной основе и потому имеют разное воспитательное значение. Во-вторых, в приведенном фрагменте уже сказано, что фантазии ребенка подпитаны *чтением* («представлял себя каким-то героем, мучеником, *о которых я читал*»). Но литературные источники – это также, по большому счету, *ложь*, зачастую красивая. В тексте Аксакова находим многозначительный пример, когда она (книжная ложь) прямо сталкивается с жизненной правдой. Например, Сережа Багров душевно привязался к своему дядьке Евсеичу и «даже читывал ему иногда “Детское чтение”. Однажды я прочел ему “Повесть о несчастной семье, жившей под снегом”. Выслушав ее, он сказал: “Не знаю, соколик мой <...>, *все ли правда тут написано*; а вот здесь, в деревне, прошлой зимою, *доподлинно случилось*, что мужик Арефий Никитин поехал за дровами в лес, в общий колок, всего версты четыре, да и запоздал; <...> он выбился из сил, завяз в долочке – так его снегом там и занесло...”» (347). Аксакову случалось замечать, что он что-то слышал «от настоящих русских людей, то есть от крестьян» (2; 412). Вот и в приведенном случае «настоящий русский человек», крепостной слуга противопоставляет трогательной книжной выдумке что-то «*доподлинное*».

Книжная «ложь» – совсем не то, что жизненная правда, но в то же время она очень развивает впечатлительность и воображение ребенка. Поэтому чтение играет важную воспитывающую роль, к чему мы еще будем особо присматриваться.

А сейчас продолжим разговор о справедливости / несправедливости. Во-первых, подобное искажение человеческих взаимоотношений не обязательно связано у Аксакова с крепостнической проблематикой. А во-вторых, особо

примечательны случаи, когда несправедливо поступают *в пользу героя*, и чем больше это возмущает его душу, тем сильнее воспитательный эффект. О таком рассказано в связи с первыми уроками письма. Они проходили в Уфе на дому у Багровых, для чего был нанят некий Матвей Васильич, из мещан, который служил также и в местном народном училище. Для компании уроки проходил с Сережей его уфимский товарищ, Андрюша (тоже из мещан). И вот мальчик стал замечать, что учитель «имел обыкновение» оценки за его упражнения завышать, а Андрюше – занижать: *«Заметив это, я стал рассуждать: отчего так поступает наш добрый учитель? “Верно, он меня больше любит, – подумал я”*. В этой мысли вскоре убедило меня то, что Матвей Васильич был со мною ласковее, чем с моим товарищем, чего я прежде не замечал. Все мои наблюдения и рассуждения я не замедлил сообщить матери и отцу. *Они как-то переглянулись и улыбнулись, и мне ничего не сказали*. Но в подписях Матвея Васильича вскоре произошла перемена <...>, и я понял, что отец мой, верно, что-нибудь говорил нашему учителю, но обращался Матвей Васильич *всегда лучше со мной, чем с Андрюшей»* (371).

Ситуация усугубилась и восприятие несправедливости обострилось, когда Сережу для пробы направили вместе с Андрюшей в народное училище (как на экскурсию). Там нерадивых учащихся по распоряжению Матвея Васильича трое сторожей после урока секли розгами: «При самом начале этого страшного и отвратительного для меня зрелища я зажмурился и заткнул пальцами уши. Первым моим движением было убежать, но я дрожал всем телом и не смел пошевелиться. Когда утихли крики и зверские восклицания учителя, долетавшие до моего слуха, несмотря на заткнутые пальцами уши, я открыл глаза и увидел живую и шумную около меня суматоху; забирая свои вещи, все мальчики выбегали из класса и вместе с ними наказанные, так же веселые и резвые, как и другие. Матвей Васильич подошел ко мне с обыкновенным ласковым видом, взял меня за руку и прежним тихим голосом просил “засвидетельствовать его низжайшее почтение батюшке и матушке”. <...> Приехав домой, я ужасно встревожил свою мать сначала безмолвным волнением и слезами, а потом

исступленным гневом на злодейские поступки Матвея Васильича. <...> Наконец, рассказав все до малейшей подробности мною виденное и слышанное, излив мое негодование в самых сильных выражениях, какие только знал из книг и разговоров, и осудив Матвея Васильича на все известные мне казни, я поутих и получил способность слушать и понимать разумные речи моей матери. Долго она говорила со мной и для моего успокоения *должна была коснуться многого, еще мне не известного и не вполне мною тогда понятого. Трудно было примириться детскому уму и чувству с мыслию, что виденное мною зрелище не было исключительным злодейством, разбоем на большой дороге, за которое следовало бы казнить Матвея Васильича, как преступника, что такие поступки не только дозволяются, но требуются от него как исполнение его должности; что самые родители высеченных мальчиков благодарят учителя за строгость <...>, что Матвей Васильич мог браниться зверским голосом, сечь своих учеников и оставаться в то же время честным, добрым и тихим человеком. Слишком рано получил я это раздирающее впечатление и этот страшный урок! Он возмутил ясную тишину моей души»* (373-374).

Мы уже цитировали раннее детское воспоминание М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Помню, что *меня секут...*». Аксаков, как видим, запомнил на всю жизнь, как *секли кого-то другого*. При первом варианте воспитывающее воздействие, видимо, имеет негативный характер: ребенка наказывают с унижением, ломают его волю. Второй вариант предполагает, напротив, положительное воздействие: в ребенке пробуждается и развивается способность нравственно сострадать другому человеку, бунтовать против несправедливости.

Насколько важен для Аксакова этот мотив столкновения младшего Багрова с несправедливостью, видно из того, что уже в следующей, последней, части трилогии («Воспоминания») мотив этот развивается. Сережа Багров находится уже в казанской гимназии. Ученики стали свидетелями телесного наказания, которому был подвергнут один из служителей. Их возмущение, «в основании которого лежало *прекрасное чувство сострадания*, а потом *справедливое негодование* за грубое и дерзкое оскорбление, имело весьма печальные

последствия единственно потому, что было не понято директором и дурно ведено. Сначала письменная и покорная просьба воспитанников высшего класса состояла в том, чтобы жестокий и грубый квартиермистр был отставлен; но директор отказал в ней, обвинил одних учеников и даже подверг некоторых какому-то наказанию. Разумеется, такая *несправедливость раздражила юношей*» (2; 116). Это охватило все классы гимназии и вылилось в своего рода протестное «движение», с захватом помещений. Губернские власти вынуждены были применить к гимназистам силу и даже привлекли солдат из гарнизона. В итоге зачинщики, в числе которых были ровесники и друзья Сережи Багрова, были из гимназии исключены. Аксаков подытоживает описание событий так: «Приунывшее и приутихшее юное народонаселение гимназии мало-помалу успокоилось, стало забывать печальное событие, опять зашумело, запело, запрыгало, захохотало, – и жизнь понеслась вперед, как будто ничего не бывало» (2; 118). Такие события, несомненно, не прошли бесследно для героя-повествователя и явились важной вехой в его воспитании. Это еще никак не подобие «декабристского восстания» (которое произойдет в России много позже), но все-таки нечто вроде *политического взросления* юношества, правда, для самого Аксакова оно происходило в границах исключительно консервативных инстинктов и представлений.

Мы уже отмечали, что *общение* как таковое следует признать одним из важнейших факторов воспитания в трилогии Аксакова. До сих пор имелся в виду узкий и широкий круг родственников и знакомых. Теперь необходимо учесть возрастной фактор общения. Отчасти мы уже обращали внимание на общение Сережи с сестренкой Наташей (это было скорее воспитывающее воздействие на нее, а не на него). С. Т. Аксаков и сам прямо ставит проблему возрастного общения: «Во все время моего детства и в первые годы отрочества заметно было во мне *странное свойство*: я не дружился с своими сверстниками и тяготился их присутствием <...>. Это свойство называли во мне нелюдимством, дикостью и робостью; говорили, что я боюсь чужих. Мне всегда были очень досадны такие обвинения, и, конечно, они умножали мою природную застенчивость. Это

свойство *не могло происходить из моей природы, весьма общительной и слишком откровенной, как оказалось в юношеских годах*; это происходило, вероятно, от долговременной болезни, с которою неразлучно отчуждение и уединенье <...>. Еще более оно происходило от постоянного, часто исключительного сообщества матери и постоянного чтения книг. Голова моя была старше моих лет, и общество однолетних со мною детей не удовлетворяло меня, а для старших я был сам молод» (392).

Полноценное постоянное и развивающее общение со сверстниками придет к Сереже в гимназии и в университете. Его, конечно, следует считать *нормальным*¹⁴². А до того периода в живом общении главную роль играла для героя его мать. С одной стороны, принимая во внимание душевное родство одинаково чувствительных и страстных сына и матери, это можно признать тоже нормальным: обеспечивалась преемственность эмоционального опыта. С другой же стороны, разница интеллектуального и жизненного опыта была слишком велика, что не могло не оказывать искажающего воспитательного воздействия. Сережа «тянется» за матерью, но не всегда успевает за ней в своем понимании: «Часто и подолгу разговаривая со мною наедине, она, кажется, увидела, что я могу понимать ее более, чем она предполагала. Она стала говорить со мною о том, о чем прежде не говаривала. Я это заметил потому, что иногда *предмет разговора превышал мой возраст и мои понятия*. Нередко детские мои вопросы изобличали мое непониманье, и мать вдруг переменяла разговор, сказав: “Об этом мы поговорим после”. Мне особенно было неприятно, когда мать, рассуждая со мной, как с большим, вдруг переменяла склад своей речи и начинала говорить, применяясь к моему детскому возрасту. *Самолюбие мое всегда оскорблялось такою внезапной переменой*, а главное – мыслью матери, что меня так легко обмануть. Впоследствии я стал хитрить, притворяясь, что все понимаю хорошо, и не предлагая вопросов» (439). Подлаживаться под взрослый опыт – вполне понятный самолюбивый инстинкт ребенка, но едва ли это способствовало нормальному развитию.

¹⁴² Таковым оно было показано и у Толстого во всех частях его трилогии.

В любом случае, близкое по интенсивности параллельное общение с матерью и с младшей сестренкой составляло слишком большую возрастную «вилку», чтобы считать это сбалансированным воспитывающим общением. С матерью Сережа – в роли догоняющего, а с сестренкой наоборот, ему не хватает ее развития. И сам герой, судя по ряду его признаний, не может не сознавать это. Например: «Я уже привык к чистосердечному излиянию всех моих мыслей и чувств в ее горячее материнское сердце, привык *поверять свои впечатления ее разумным судом*, привык слышать ее живые речи и находить в них необъяснимое удовольствие <...>. Сестрицу я любил час от часу горячее; ее дружба очень утешала меня, но я был *старше, более развит и мог только сообщать ей свои мысли, а не советоваться с ней*» (484). И далее: «я беспрестанно разговаривал и о том, и о другом со своей матерью и с удовольствием замечал, что я стал *старше и умнее*, потому что мать и другие говорили, рассуждали со мной уже о том, о чем прежде и говорить не хотели. Жизнь наша потекла правильно и однообразно» (487).

Впоследствии возрастная разбалансированность общения героя в детстве пагубно скажется на его самочувствии в первый период его пребывания в гимназии: «...мальчики одних лет со мною и даже моложе <...> по большей части *были нестерпимые шалуны и озорники*; с остальными я имел так мало сходного, общего в наших понятиях, интересах и нравах, что не мог с ними сблизиться и посреди многочисленного общества оставался уединенным. Все были здоровы, довольны и *нестерпимо веселы*, так что я не встречал ни одного сколько-нибудь печального или задумчивого мальчика, который мог бы принять участие в моей постоянной грусти. Я смело бросился бы к нему на шею и поделился бы моим внутренним состоянием. “Что это за чудо, – думал я, – верно, у этих детей нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер, ни дому, ни саду в деревне”, и начинал сожалеть о них. Но скоро удостоверился, что почти у всех были отцы, и матери, и семейства, а у иных и дома и сады в деревне, но только *недоставало того чувства горячей привязанности к семейству и дому, которым было преисполнено мое сердце*» (2; 25). То есть ему не хватало

душевной основы для общения со сверстниками. Позднее такая основа появится и полноценное общение образуется.

Во-первых, в условиях совместного проживания и обучения это было почти неизбежно. В финале «Воспоминаний» (и всей трилогии) С. Т. Аксаков не случайно «пропоёт панегирик» этому этапу своего взросления: «Я <...> за все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. *Я убежден, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остается пробел в жизни, что ему недостает некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна...*» (2; 162-163).

Во-вторых, наполненность и полноценность душевной жизни будет обеспечена и другими, вполне конкретными факторами. Среди них важная роль принадлежала *опыту дружбы*. У Сережи Аксакова (в «Воспоминаниях» автор уже выступает под своей фамилией. – Ю. С.) появился близкий по возрасту друг: «С открытия университета дружба моя с Александром Панаевым, также произведенным в студенты, росла не по дням, а по часам, и скоро мы сделались такими друзьями, какими могут быть люди в годах первой молодости <...>. Кроме любви к литературе и к театру, которая соединяла меня с Александром Панаевым, скоро открылась новая общая склонность: натуральная история и собирание бабочек» (2; 129).

Кроме того, у юноши появился и старший друг-наставник, Григорий Иванович Карташевский (позднее он женился на сестре Аксакова. – Ю. С.). Здесь была все-таки большая разница в возрасте, но характер общения был принципиально иной, чем с матерью. За матерью хотелось «угнаться» и как-то «маскировалась» своя отсталость, своё непонимание. В наставнике же ребенком или юношей заранее признавалось интеллектуальное первенство, и это само по себе являлось новым этапом развития. В основе взаимоотношений с матерью лежала любовь и потому хотелось быть с нею близким, на нее похожим. Общение со старшим другом питалось уважением и хотелось дорасти до него, быть достойным его дружбы. Вот лишь один фрагмент для примера: «По

молодости я не мог тогда понимать вполне, что его сухое обращение прикрывало глубокое участие и душевное расположение ко мне. Он ни разу не приласкал меня, не польстил моему самолюбию какою-нибудь похвалою, не ободрил моего прилежания, и со всем тем я любил его так горячо, как не любил никого из посторонних» (2; 104). К общению Сережи с наставником мы еще вернемся.

А теперь в этой же связи отметим у Аксакова постановку *проблемы дружбы*¹⁴³. Она имела важнейшее историко-культурное значение. Были отдельные этапы в истории русского общества, когда в инстинктах молодежи возникала тяга к дружескому общению и совместному культурному развитию. Это прежде всего – первые десятилетия XIX века (когда сам С. Т. Аксаков начинал) и середина века (когда он заканчивал свой жизненный и творческий путь). В первом случае закономерен расцвет различных «дружеских обществ», литературных и политических («Арзамас», «Зеленая лампа» и т.д.); во втором – дружеские кружки Станкевича, Белинского, Петрашевского и др. Неслучайно поэтому проблема дружбы была одной из важнейших у Толстого в «Войне и мире» (Андрей Болконский и Пьер Безухов, другие «дружеские пары» героев); у Гончарова в «Обломове» (Андрей Штольц и Илья Обломов); у Тургенева в «Отцах и детях» (Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов); у Достоевского в «Преступлении и наказании» (Раскольников и Разумихин). Вот и Аксаков не случайно вспоминает и рассказывает о возникновении дружеского «Общества любителей отечественной словесности» в Казани. Дружеские взаимоотношения, безусловно, оказывают важное воспитательное воздействие на развивающегося человека.

А теперь подробнее рассмотрим то, о чем уже не раз лишь упоминали, а именно – книжное воспитательное воздействие на героя. В трилогии оно очевидно и для науки является привычным предметом изучения¹⁴⁴. Прежде всего

¹⁴³ См.: Арапова О. А. Концепт «дружба» в языковом сознании С. Т. Аксакова: (на материале его произведений) // Аксаковские чтения–2001. Уфа, 2001. Ч. 1. С. 9–14.

¹⁴⁴ См., напр.: Сальникова В. В. Воспитательный потенциал семейного чтения (на материале автобиографической повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука») // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. Тюмень, 2019. С. 42–43;

обратим внимание на то, что *литературно-книжные* влияния связаны у Аксакова с *театральными*. Оно и понятно, ведь то и другое (литература и театр), во-первых, принадлежат единой области искусства. А во-вторых, по характеру и направленности воздействия эти источники во многом совпадают – они стимулируют и развивают впечатлительность и воображение как творца, так и воспринимающего человека. От первого ко второму идет передача эмоционального и культурного опыта, развитие душевного мира. Заметим также, что зачастую очень важную посредническую роль в этом процессе выполняет еще один субъект – *чтец* или *артист*. Все три роли – творца, посредника и читателя – Аксакову, как и его автобиографическому герою, суждено было примерить на себе.

В «Детских годах...», уже в начале раздела «Последовательные воспоминания», герой-повествователь представляет себя «беспрестанно, хотя медленно, уже читающим детскую книжку с картинками, под названием «Зеркало добродетели». Как и когда я выучился читать, кто меня учил и по какой методе – решительно не знаю» (295). Можно лишь предположить, что научила маленького Сережу читать его мать, которая, как свидетельствует «Семейная хроника», в юности активно занималась самообразованием.

Важный ранний переход в культурном развитии героя произошел тогда, когда их образованный уфимский сосед подарил ему связку книг, среди которых было «Детское чтение для сердца и разума», ставшее для мальчика на долгое время живительным источником развития его впечатлительности и воображения. «Мать рассказывала мне потом, что я был точно как помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать. Должны были отнять книжку, несмотря на горькие мои слезы. Угроза, что книги отнимут совсем, заставила меня удержаться от слез, встать и даже обедать. После обеда я опять схватил книжку и читал до вечера. Разумеется, мать положила конец такому исступленному чтению: книги заперла в свой комод и

выдавала мне по одной части, и то в известные, назначенные ею, часы. Книжек всего было двенадцать, и те не по порядку, а разрозненные. <...> Я читал свои книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. *В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир...*» (298-299).

Следующий этап в культурном развитии Сережи Багрова наступает тогда, когда он осваивает роли *посредника* и вслед за этим – *творца*. То есть вначале он приохотился (по примеру одного из своих дядей по матери) к декламации стихов: «Матери и отцу моему, видно, нравилось такое чтение, потому что они заставляли меня декламировать при гостях» (400). Вскоре «самым любимым делом» для мальчика стало читать матери «вслух “Россиаду”» и получать от нее разные объяснения на не понимаемые мною слова и целые выражения. Я обыкновенно читал с таким горячим сочувствием, воображение мое так живо воспроизводило лица любимых моих героев: Мстиславского, князя Курбского и Палецкого, что я как будто видел и знал их давно; я *дорисовывал их образы, дополнял их жизнь* и с увлечением описывал их наружность; я подробно рассказывал, что они делали перед сражением и после сражения, как советовался с ними царь, как благодарил их за храбрые подвиги, и прочая и прочая. Мать смеялась, а отец удивлялся, и один раз сказал: “Откуда это все у тебя берется? Ты не сделайся лгунишкой”. А мать отвечала: “Не беспокойся, *это пройдет*”» (400).

Но это у Сережи не «прошло». Именно впечатлительность и работа творческого воображения много позднее привели к развитию писательского дарования Аксакова. А в тексте «Детских лет...» эмоциональное сопереживание Багрова-младшего книжным героям стимулировало работу воображения, обогащая душевную жизнь мальчика. Вместе с тем не случайно в процитированном фрагменте вновь возникает замеченный нами ранее *мотив лжи*. Разница в том, что теперь ложь носит явно творческо-эстетический характер. Мотив этот возникает в тексте вновь и вновь, вызывая рефлексию героя (попытку *понять*, отдать себе отчет в этой *творческой лжи*). Например:

«Мало того, что я сам читал по обыкновению с увлечением и с восторгом, – я потом рассказывал сестрице и тетушке читанное мной с таким горячим одушевлением и, сказать, самозабвением, что, сам того не примечая, дополнял рассказы Шехеразады многими подробностями своего изобретения; я говорил обо всем, мною читанном, точно как будто сам тут был и сам все видел. Возбудив внимание и любопытство моих слушательниц и удовлетворяя их желанью, я стал перечитывать им вслух арабские сказки – и *добавления моей собственной фантазии были замечены* и обнаружены тетушкой и подтверждены сестрицей. Тетушка часто останавливала меня, говоря: “А как же тут нет того, что ты нам рассказывал? Стало быть, ты все это от себя выдумал? Смотри, пожалуй, какой ты хвастун! *Тебе верить нельзя*”. Такой приговор очень меня озадачил и заставил задуматься. Я был тогда очень правдивый мальчик и *терпеть не мог лжи*; а здесь я сам видел, что точно *пригласил много на Шехеразаду*. Я сам был удивлен, не находя в книге того, что, казалось мне, я читал в ней и что совершенно утвердилось в моей голове. Я стал осторожнее и наблюдал за собой, покуда не разгорячился; в горячности же я забывал все, и мое пылкое воображение вступало в *безграничные свои права*» (459-460).

Здесь уместно сделать отступление. Нужно учесть, что в 1855 году, то есть в самый разгар работы С. Т. Аксакова над «Детскими годами Багрова-внука», состоялась защита наделавшей много шума диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Текст разошелся в списках, и Аксаков не мог не обратить внимания на эту диссертацию. За год до этого критик в двух подряд номерах «Отечественных записок» за 1854 г. (№№ 4 и 5) дал свои позитивные, почти восторженные отзывы на произведения Аксакова, в том числе на опубликованный отрывок из «Семейной хроники». И в числе прочего он отмечал: «Никаких вычур в рассказе, никакого желания, со стороны автора, *завлечь читателя хитро придуманным действием*, – пишет критик. – Но что за удивительное впечатление производит этот маленький рассказ! Старинный помещик екатерининского времени стоит перед нами как живой; <...> но *рассказ преимущественно хорош тем, что в нем много*

*правды»*¹⁴⁵. Таким образом, литературная позиция Аксакова находила сочувствие у Чернышевского и отвечала принципам его эстетики, потому что в ней «правда жизни» доминировала над «правдой искусства».

Тем не менее, в детских воспоминаниях воспроизводится сложность соотношения книжной «лжи» и жизненной «правды», которая никак не укладывается в достаточно прямолинейную эстетику Чернышевского. Что-то в этом роде, должно быть, имел в виду Аксаков, когда в одном из поздних писем замечал: «Многое посеяно, *может быть и бессознательно*, именно в мое время, даже пустило корни, и многое, что теперь цветет и *пышно красуется современностью*, думая, что оно родилось вчера, – долго лежало в земле, всасывая в себя питательные ее соки...»¹⁴⁶.

Как уже замечено нами, в процессе передачи культурного опыта от творца (автора) к читателю важную роль может играть посредник, – например, чтец-декламатор, исполнитель или театральный артист. Содержательную емкость такой роли воспроизвел А. С. Пушкин в своем «Импровизаторе». В искусстве всегда важен творческий первотолчок – *что и как задумано*. Но не менее важно – *как исполнено...* Условная *ложь воображения*, запечатленная в авторском тексте, может хотя бы отчасти преобразовываться в *правду исполнения*. Слишком прямое восприятие художественного текста (например, при чтении «про себя») имеет свои плюсы и минусы. Но ведь первые могут усиливаться, а вторые компенсироваться через талантливое посредничество, которое привносит в *исполнение своё творческое начало*. На этом основано искусство театральных артистов. А в более широком обиходе это выражено в артистизме натуры, который свойственен одним людям и чужд другим.

С. Т. Аксаков в своей трилогии как раз и показывает, что Сереже Багрову артистизм генетически передан от матери. Еще в «Семейной хронике» о ней сказано: «Софья Николавна была удивительная женщина! Ее живая, восприимчивая, легко волнуемая природа могла мгновенно увлекаться порывами

¹⁴⁵ Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859 гг.). С. 184.

¹⁴⁶ Аксаков С. Т. Т. 3. С. 622.

ума или сердца и мгновенно *превращаться из одного существа в другое*, совершенно непохожее на первое. Впоследствии называли это свойство притворством – и грубо ошибались. Это была какая-то *артистическая способность вдруг переселяться в другую сферу, в другое положение*, поддаваться безусловно своей мысли и желанью, вполне искреннему и потому всех увлекающему» (226).

Сын унаследовал эту ее способность «входить в роль». Впервые это сказалось в его наклонности к подражанию, даже к передразниванию: «По моей живости и непреодолимому, безотчетному желанью *передать другим свои впечатления* с точностью и ясностью очевидности, <...> – я стал передразнивать сумасшедшего Ивана Борисыча в его бормотанье, гримасах и поклонах. Видно, я исполнял свою задачу очень удачно, потому что напугал мою сестрицу, <...> как скоро я начинал представлять сумасшедшего. Тетушка же моя, напротив, очень смеялась и говорила: “Ах, какой проказник, Сережа! Точь-в-точь Иван Борисыч”. Это было мне приятно, и я повторял мои проделки перед <...> другими, заставляя их смеяться и хвалить мое умение передразнивать» (458-459).

А началось всё опять-таки с чтения, когда при дефиците книг Сереже попал в руки театральный водевиль «Драматическая пустельга»: «И точно, это была пустельга... но как она мне понравилась! <...> С этого времени глубоко запала в мой ум *склонность к театральным сочинениям и росла с каждым годом*» (348-349). С этим инстинктом в скором времени и сочеталась наклонность Сережи *пересказывать* близким людям, сестренке и тетушке, сказки Шехерезады, расцвечивая их собственным воображением (цитировалось выше. – Ю. С.).

Позднее, уже в Казани, герой открыл для себя театр в его полноценном выражении. Примечательно, что, как и в случае с декламацией стихов, к театру Сережу вначале приохотил его дядя А. Н. Зубов: «Он свозил меня два раза в театр, разумеется, с позволения моего воспитателя (Карташевского. – Ю. С.). <...> Я питал особенное пристрастие к театральным сочинениям и по рассказам составил себе кое-какое понятие об их сценическом исполнении. Но

действительность далеко превзошла мои предположения. Я грезил виденными мною спектаклями и день и ночь, и так рассеялся, что совершенно не мог заниматься учением. Разумеется, Григорий Иванович сейчас это увидел и, допросив меня, узнал настоящую причину. Нахмурился и вновь огорчился мой рассудительный наставник, и вновь должен был я выслушать длинное поучение. Но на этот раз я сейчас почувствовал справедливость упреков Григорья Ивановича и понял вредные следствия моей склонности к безмерному влечению. С большим усилием я победил в себе *вспыхнувшую страсть к театру, зерно которой давно во мне хранилось и высказывалось в моей охоте к декламации и к драматическим пьесам, русским и французским*» (2; 119).

Вместе с тем, Карташевский был достаточно проницателен, чтобы высоко оценить воспитательный потенциал театральных увлечений юноши. Наставник принялся их даже поощрять и развивать, но дозированно, не допуская перегибов. Так, например, он рассказывал «о многих славных актерах, живых и мертвых, иностранных и русских. Между прочим упомянул и о московских актерах, Шущерине и Плавильщикове» (там же). А в качестве поощрения за успехи в учебных занятиях Карташевский сам возил Сережу в театр на спектакли.

Увлечение театральным искусством шло у героя поэтапно, но очень динамично. Вначале он запоминал тексты пьес и тайком разыгрывал их дома наедине, перед самим собою. Затем увлечение стало коллективным, и был образован университетский любительский театр. В Сереже Аксакове обнаружились недюжинные способности к исполнению ролей, он пользовался успехом. И тут его подстерегала опасность, для театральной среды достаточно типичная. Среда эта является питательной для развития болезненного самолюбия, и это не минуло героя: «Голова моя была сильно вскружена от похвал и высокого о себе мнения, и я считал, что *театр без меня невозможен*» (2; 136). Так обнаружилось временное негативное воспитательное воздействие увлечения театром. Не «огонь и вода», а «медные трубы» оказались наиболее сложным испытанием для юного Аксакова. Этим нужно было переболеть, прежде чем увлечение театральным искусством получило правильное

направление для своего дальнейшего развития. Главный опыт был получен на том раннем этапе и остался в Аксакове навсегда: «Много есть неизъяснимо обаятельного в возбуждении общего восторга! Двигать толпою зрителей, овладеть их чувствами и заставить их слиться в одно чувство с выражаемым тобою, жить в это время одной жизнью с тобою – такое духовное наслаждение, которым долго остается полна душа, которое никогда не забывается!» (2; 160). Всё это сказалось в том, что, начиная с 1820-х годов, Аксакову было суждено выйти на новый этап увлечения театром. И творческий путь его, как известно, начался в 1827 г. именно с театральных статей и рецензий¹⁴⁷.

Но если иметь в виду творческий путь Аксакова–писателя, то он, как мы знаем, открывался его «Записками» – об ужении рыбы и об охоте. И нужно разобраться, каким же было, как шло и чем сопровождалось воспитательное воздействие на мальчика и юношу окружающей природы. В этом отношении достаточно очевидно, что широкую и живую связь с природой сын унаследовал от отца. На обоих природа оказывает живительное воздействие.

Ю. И. Минералов справедливо указал: «Если натуральная школа <...> стала культивировать <...> жизненно достоверное, часто даже документально точное описание человека наедине с *обществом*, то Аксаков <...> выступил непревзойденным мастером жизненно достоверного описания человека наедине с *природой* – описания, имеющего автобиографическую подкладку и рисующего параллелизм мира природы, его процессов, стихий и катаклизмов, со “стихиями” и “катаклизмами”, свойственными скрытому миру человеческой души»¹⁴⁸.

Ранее мы уже обращали внимание на описание Аксаковым кризисного момента в жизни Алексея Степановича Багрова. Он тогда, после отказа родителей дать согласие на его женитьбу, впал в такую депрессию, что едва не

¹⁴⁷ См. об этом: Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 40–63 (ЖЗЛ); Таракин П. М. Театральная и литературная критика С. Т. Аксакова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 48 с.; Литовка Е. Б. Сергей Тимофеевич Аксаков как театральный критик // Вторые Аксаковские чтения. Ульяновск, 2006. С. 32–38.

¹⁴⁸ Минералов Ю. И. История русской литературы XIX века (40–60-е годы). С. 158.

умер. И вернула его к жизни именно природа: «Он радовался всякому явлению в природе <...> как новому, незнакомому явлению; наконец, совершенно оправился, даже поздоровел» (155). Почти аналогичным было оздоравливающее воздействие природы на сына Сережу. Оно отражено в одном из первых, почти младенческих его впечатлений. Он тогда тяжело болел, врачи давали ему мало шансов, и ему запомнилось: «Один раз, рано утром, я проснулся или очнулся, и не узнаю, где я. Все было незнакомо мне: <...> голые стены из претолстых новых сосновых бревен, сильный смолистый запах; яркое, кажется летнее, солнце только что всходит и сквозь окно с правой стороны, <...> ярко отражается на противоположной стене... Подле меня тревожно спит, без подушек и нераздетая, моя мать. <...> Меня накануне привезли в подгородную деревню Зубовку, верстах в десяти от Уфы. Видно, дорога и произведенный движением спокойный сон подкрепили меня; мне стало хорошо и весело <...>. Я не умел побереечь сна бедной моей матери, тронул ее рукой и сказал: “Ах, какое солнышко! как хорошо пахнет!” Мать вскочила, в испуге сначала, и потом обрадовалась, вслушавшись в мой крепкий голос и взглянув на мое посвежевшее лицо. Как она меня ласкала, какими называла именами, как радостно плакала... этого не расскажешь!» (289). С этого момента болезнь отступила, мальчик выздоровел.

Но если Алексей Багров в «Семейной хронике» предстает человеком уже сложившимся, то его сыну (Сергею Багрову в «Детских годах...», а затем в «Воспоминаниях» – Сергею Аксакову) предстоит пройти путь породнения с природой поэтапно, в показательной динамике. Автор и сам прямо эту динамику обнажает. Например, в таком виде: «Сергеевка занимает одно из самых светлых мест в самых ранних воспоминаниях моего детства. Я чувствовал тогда природу уже сильнее, чем во время поездки в Багрово, но далеко еще не так сильно, как почувствовал ее через несколько лет» (378). То есть налицо признаки того процесса «становления человека», о котором писал М. М. Бахтин.

С. Т. Аксаков неоднократно – как во второй, так и в третьей частях трилогии – передает свои дорожные впечатления от смены пейзажей и других природных явлений. Это накладывается и на смену возрастов героя: пейзажи

почти не меняются, тогда как взрослеет сам человек и значит, меняется его восприятие: «Ровно через три года представлялся мне случай снова испытать впечатление дальней летней дороги. *Три года для восьмилетнего возраста значат очень много*, и можно было бы ожидать, что я *гораздо живее, сознательнее, разумнее почувствую красоты разнообразной, живописной природы тех местностей, по которым нам должно было проезжать. Но вышло не совсем так*. Три года тому назад, уезжая из Уфы в Багрово, из города в деревню, я точно вырывался из тюрьмы на волю. *На каждом шагу ожидали меня новые, невиданные мною, предметы и явления в природе*; самое Багрово, по рассказам отца, представлялось мне каким-то очаровательным местом, похожим на те волшебные “Счастливые острова”, которые открывал Васко де Гама в своем мореплавании, о которых читал я в “Детском чтении”. В настоящую же минуту я оставлял Багрово, которое уже *успел страстно полюбить*, оставлял все мои охоты – и ехал в неприятное мне Чурасово» (531).

Во-первых, для незрелого мальчика приоритетную важность имели природные *открытия*; он же, но уже повзрослевший (пусть всего на три года) открывает для себя переживания *утраты* природных ценностей.

Во-вторых, самостоятельное значение имеют дорожные впечатления: смена пейзажей сопровождается динамикой воспоминаний¹⁴⁹. Естественно, особо значимым это оказывается при увеличении масштаба возраста, от детского до взрослого: «Во все течение моей жизни я продолжал испытывать, приближаясь к Аксакову, подобные ощущения; но *несколько лет тому назад, после двенадцатилетнего отсутствия*, также довольно рано подъезжал я к тому же Аксакову: сильно билось мое сердце от ожидания, я надеялся прежних радостных волнений! Я вызвал милое прошедшее, и рой воспоминаний окружил меня... но не весело, а болезненно, мучительно подействовали они на мою душу, и мне стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который,

¹⁴⁹ См.: Подгурская Э. Б. Путешествие как духовный путь: (по кн. С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука») // Аксаковские чтения–2001. Уфа, 2001. Ч. 1. С. 81–84; Медведева Т.В. Философия дороги в мемуарной трилогии С. Т. Аксакова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2018. С. 116–120.

вызвав духов, не умеет с ними сладить и не знает, куда от них деваться, – не знал я, как мне прогнать мои воспоминания, как успокоить нерадостное волнение. Старые меха не выдерживают молодого вина, и старое сердце не выносит молодых чувств... но тогда, боже мой, что было тогда!» (2; 56).

Наконец, в-третьих, возвращение к дорожным природным впечатлениям позволяет восстановить *душевные приоритеты*: «Мы ехали по той же самой дороге, по которой два года тому назад везла меня мать, вырвав из казенных воспитанников гимназии, и останавливались даже на тех же кормежках и ночевках. Скоро *дыханье природы проникло в мое существо и выгнало из головы моей гимназию, товарищей, учителей, книги и уроки*. После временного как будто забвения или охлаждения *еще горячее и уже сознательнее полюбил я красоты божьего мира...*» (2; 84). Они не могут считаться *правильными* для всех (например, у матери Сережи приоритеты совсем иные). Но в приведенном фрагменте автор-повествователь тактично, то есть косвенно, указывает на свою природную связь скорее с отцом, нежели с матерью.

Обратим внимание на социальную содержательность мира природы в автобиографической трилогии Аксакова. Благодаря инициативам отца (и вопреки пожеланиям матери) Сережа Багров с раннего детства неоднократно бывал свидетелем того, как крестьяне осваивают дары природы, участвуют в круговороте ее самовоспроизводства и органично в него вливаются. Сцены косьбы, молотьбы и прочих крестьянских работ восхищают мальчика и даже эстетически впечатляют его. Он по-детски завидует сельским труженикам и однажды пробует, подобно крестьянскому мальчишке, управлять лошадью на пашне. Но ничего у него не получается, и это лишь добавляет ему уважения к тем, у кого такое выходит легко и органично.

Сережа по привычке пытается поделиться впечатлениями с сестренкой, и вот из этого вышло: «Когда я стал пенять сестре, что она невнимательно слушает и не восхищается моими описаниями, Параша вдруг вмешалась и сказала: “Нечего и слушать. Вот нашли какую невидаль! Очень нужно сестрице вашей знать, как крестьяне молотят да клади кладут...” – и захохотала. Я так

рассердился, что назвал Парашу дурой. <...> Когда воротился отец, мы с ним досыта наговорились о крестьянских работах. *Отец уважал труды крестьян, с любовью говорил о них*, и мне было очень приятно его слушать, а также высказывать мои собственные чувства и детские мысли» (454). В этом примере видна искаженная психология дворовых людей, которым чужд инстинкт уважения к тяжелому труду, во многом потому, что они – *не хозяева* даже сами себе, а тем более – на земле и вообще в природном мире. Между тем, Алексей Багров как подлинный хозяин – и формально, и психологически – знает цену крестьянскому труду, испытывает сам уважение к нему и *воспитывает* в том же духе своего сына Сережу – как будущего полноправного и разумного *хозяина*.

Психологически усложняется такое воспитание совсем иной, *городской*, позицией матери: «*Веселая картина сенокоса не выходила из моей головы во всю дорогу; но, воротясь домой, я уже не бросился к матери, чтоб рассказать ей о новых моих впечатлениях. Опыты научили меня, что мать не любит рассказов о полевых крестьянских работах, о которых она знала только понаслышке; а если и видела, то как-нибудь мельком или издали. Я поспешил рассказать все милой моей сестрице, потом Параше, а потом и тетушке с бабушкой. Тетушка и бабушка много раз видали косьбу и всю уборку сена и, разумеется, знали это дело гораздо короче и лучше меня. Они не могли надивиться только, чему я так рад*» (520). И было чему дивиться, потому что женщинам – как дворянкам, так и крестьянкам – было чуждо эстетическое восприятие природы в целом и сельского труда в частности. А именно эту, эстетическую, составляющую впечатлений Сережи, конечно, подразумевает Аксаков, ведь он помнит и *знает это по себе*.

На предыдущем этапе исследования мы уделяли внимание конкуренции между инстинктами Алексея и Софьи Багровых. Было замечено, что жена ревнует мужа к природным воздействиям, и что в соперничестве с натуральной природой у нее мало шансов. В переводе влияний на сына подобное же соперничество явно продолжено (или пролонгировано), и шансы матери растут – хотя и не решающим образом.

С одной стороны, эмоциональная близость ребенка с матерью заметно сильнее, чем она была у жениха с невестой, а затем у молодых супругов. Нет и искажающего мотива неравенства (социального и культурного). Время от времени в тексте возобновляются признания героя-повествователя, вроде следующего: «...каким высшим существом являлась мне моя мать! Я начинал смотреть на нее с благоговением, гордился ею и любил с каждым днем более» (572). С другой же стороны, в борьбе за увлечения сына матери приходится то и дело применять почти «запрещенные приемы». Один из них заключается в том, что она апеллирует к возрасту, играет на детском самолюбии и стыдит мальчика: «Оставшись наедине с матерью, я спросил ее: “Отчего отец не ходит удить, хотя очень любит ужение? Отчего он ни разу не брал ружья в руки, а стрелять он также был охотник, о чем сам рассказывал мне?” Матери моей были неприятны мои вопросы. Она отвечала, что никто не запрещает ему ни стрелять, ни удить, но в то же время *презрительно отозвалась об этих охотах, особенно об ужении, называя его забавою людей праздных и пустых, не имеющих лучшего дела, забавою, приличною только детскому возрасту, и мне немножко стало стыдно, что я так люблю удить*» (509).

Однако, как уже было сказано, мальчик генетически унаследовал от отца близость к природе и живую связь с нею, и соответствующие инстинкты успешно соперничали в душе ребенка с влияниями матери. При этом интересно, что он готов даже пойти на поводу у аргументов матери и сослаться на свою детскую «незрелость»: «Впрочем, недолго стыдился я моей страстной охоты к ужению. На третий день мне так уже захотелось удить, что я, *прикрываясь своим детским возрастом*, от которого, однако, в иных случаях отказывался, выпросился у матери на пруд поудить с отцом» (там же).

Сережа подрастает, и его восприятие природы расширяется уже за счет охоты. Развитие этого нового увлечения идет у него по парадигме, знакомой нам по увлечению театральным искусством. На первом этапе он любил наблюдать за охотой взрослых, за всей ее процедурой и поведением всех участников – людей, собак, охотничьих ястребов (как наблюдают за игрой артистов на сцене). Как и в

случае с рыбалкой, мать Сережи изначально пытается его расхолаживать своим субъективным отношением к охоте: «В этой-то любви обнаруживался будущий охотник. Но, увы, как я ни старался выгодно описывать мою охоту матери и сестрице, – обе говорили, что *это жалко и противно*» (449). Однако увлечение растет, и на следующем этапе мальчик закономерным образом становится полноправным участником охоты: вначале это ловля птиц силками и сетями, а затем Сережа «дорвался и до ружья».

Этот процесс приобщения к жизни природы и душевного освоения ее сопровождается у героя-повествователя примечательными комментариями. Он, например, научился воспринимать ее ритмы и согласовывать с ними ритмы человеческой, собственной душевной жизни. Например, весной в природе всё на подъеме; она предельно волнует человека и надолго наполняет его своими живительными силами: «Вообще я не умею сказать: было ли мне тогда весело? Знаю только, что воспоминание об этом времени во всю мою жизнь *разливалось тихую радость в душе моей*». Затем волны природных воздействий спадают, и это позволяет герою «опомниться», то есть вернуться в сферу своих, человеческих отношений и привязанностей: «Наконец, я стал спокойнее, присмотрелся, попривык к окружающим меня явлениям, или, вернее сказать, чудесам *природы, которая, достигнув полного своего великолетия, сама как будто успокоилась*. Я стал заниматься иногда играми и книгами, стал больше сидеть и говорить с матерью и с радостью увидел, что она была тем довольна. “Ну, теперь ты, кажется, очнулся, – сказала она мне, лаская и целуя меня в голову, – а *ведь ты был точно помешанный*. Ты ни в чем не принимал участия, *ты забыл, что у тебя есть мать*”» (505).

Как видим, мать героя старается по максимуму воспользоваться паузой в одержимости ребенка природной жизнью и использует еще один «запрещенный прием»: она пытается уязвить мальчика ослаблением привязанности к самой себе. Как мы помним, намного раньше, еще до рождения детей, сходную тактику она использовала по отношению к молодому супругу. Но волны природных воздействий (оживление – затухание – новое оживление) погасить невозможно –

они подчинены естественному ритму. А человеческие взаимоотношения демонстрируют свою, субъективную логику: «Разумеется, через несколько дней совсем утихло мое волнение, успокоилась совесть, исчезло убеждение, что я дурной мальчик и дурной сын. Сердце мое *опять раскрылось впечатлениям природы*; но я долго предавался им *с некоторым опасением*; горячность же к матери *росла уже постоянно*» (506).

С будто бы ненормальным воздействием на Сережу природы борется не только его мать. Его увлечения охотой пытается регулировать старший друг и наставник Карташевский, пока он во время летних вакаций гостит у Аксаковых в деревне и заодно «подтягивает» Сережу по учебным предметам. Приведем большой выразительный фрагмент: «...я стал путаться в словах, не понимая от рассеянности того, что я читал, ибо перед моими глазами летали утки и кулики, а в ушах звенели их голоса, – воспитатель мой наморщил брови, взял у меня книгу из рук и, ходя из угла в угол по комнате, целый час читал мне наставления, убеждая меня, чтобы я победил в себе *вредное свойство увлекаться до безумия, до забвения всего меня окружающего...* Увы, я ничего не слышал, ничего не понимал, и все его золотые слова, справедливые мысли, убедительные доказательства улетали на воздух. Видя безуспешность убеждений, Григорий Иваныч испытал другое средство: на целую неделю оставил он меня на свободе с утра до вечера бегать с ружьем до упаду, до совершенного истощения; он надеялся, что я опомнюсь сам, что пресыщение новой охотой и усталость возвратят мне рассудок; но напрасно: я не выпускал ружья из рук, мало ел, дурно спал, загорел, как арап, и приметно похудел. Тогда наставник мой, опасаясь за мое здоровье, принял решительные меры, которые *давно советовала ему моя мать*, но в распоряжения его не мешалась: ружье повесили на стенку, и мне запретили ходить на охоту. Смешно и совестно вспомнить, что было со мною в первые сутки! Я плакал, ревел, как маленькое дитя, валялся по полу, рвал на себе волосы и едва не изорвал своих книг и тетрадей, и, конечно, только огорчение матери и кроткие увещания отца спасли меня от глупых, безумных поступков; на другой день я как будто очнулся, а на третий мог уже заниматься и читать вслух

моих любимых стихотворцев со вниманием и удовольствием; на четвертый день я совершенно успокоился, и тогда только прояснилось лицо моего наставника. Во все эти дни он почти не говорил со мною и смотрел на меня то сурово, то с обидным сожалением. Наконец, он обратился ко мне с участием и разумными, снисходительными словами, и на этот раз – с полным успехом. Мне было совестно, досадно на самого себя почти до слез, и, *переходя от одной крайности к другой, я хотел отказаться совсем от ружья*. Григорий Иваныч опять был недоволен; он не одобрил моего намерения и *потребовал, чтобы я каждый день ходил на охоту* или от утра до обеда, или от обеда до вечера; *но чтобы каждый день три-четыре часа я занимался с участием и прилежанием*, особенно историей и географией, в которых я был несколько слабее других отличных учеников. Время потекло правильно и приятно» (2; 113-114).

Как видим, одни лишь запреты неконструктивны и регулировать увлечения природными соблазнами в принципе возможно – это *разумная педагогика*. Ранее по сходной воспитательной парадигме Карташевский регулировал и чрезмерные увлечения юного Аксакова театром: что приходится запрещать – тем следует и поощрять. Всё должно знать свою меру.

В дополнение ко всем предыдущим наблюдениям решимся добавить еще одно. Речь пойдет о религии и природе. В научных трудах об Аксакове в последнее время проявился тренд – акцентирование внимания на религиозных мотивах и придание им преувеличенного, на наш взгляд, значения.¹⁵⁰ Ранее мы уже замечали, что в первой части трилогии, «Семейной хронике», автором обозначена духовная рассогласованность увлечений Алексея Багрова и Софьи Зубиной: его вдохновляла и питала природа, а ее – молитва. Иначе говоря, они молились слишком разному. В «Детских годах Багрова-внука» этот мотив еще замечен, но в основном ушел в подтекст. В «Воспоминаниях» он вновь вполне ощутим, однако в своеобразном выражении.

Начнем с того, что исступленная молитва матери упоминается здесь, в

¹⁵⁰ См.: Анненкова Е. И. Мирозерцание Аксаковых: вера – нравственность – идеология // Начало. 1996. № 3/4. С. 105–121.

последней части трилогии, лишь дважды. В первом случае мать готовится отдать любимого сына в казанскую гимназию и тем самым лишиться привычного непрерывного душевного контакта с ним: «Она худела и желтела с каждым днем, никогда не плакала и только *более обыкновенного молилась богу, запершись в своей комнате*» (2; 14). Во втором случае она рвется в Казань к больному сыну, и ей мешает непогода: «До самой зари *молилась мать моя, стоя в углу на коленях перед образом* той избы, где провела ночь. *Теплая материнская молитва была услышана*: ветер разогнал облака, и к утру мороз высушил дорогу и тонким ледочком затянул лужи» (2; 36). Можно понимать и так, что мать молилась богу, – и именно природа вняла ее молитвам. Одно с другим, конечно, согласовано.

У юного Аксакова во время обучения в гимназии наблюдаются явные недоразумения в отношениях с религией. Связанный с ней учебный предмет был единственным, в котором юноша не преуспел: «...слушал я, как сказывали мои товарищи свои уроки из катехизиса и священной истории, как священник задавал новый урок и *что-то много толковал и объяснял; но я не только в этот раз, но и во все время пребывания моего в гимназии не понимал его толкований*» (2; 21). С неприязнью герой-повествователь упоминает, что в гимназии практиковалась «*ходьба фрунтом на молитву*» (2; 24).

Разумеется, отношение юноши к религии напрямую зависело от влияния на него с детства семейной атмосферы. Об этом в «Воспоминаниях» сказано: «Нельзя сказать, чтоб великий пост проходил у нас в посте и молитве. Мать моя постов не держала по нездоровью; я, конечно, не постничал; отец мой хотя не ел скоромного в усупенский и великий пост, но <...> его постный стол был гораздо лакомее скоромного. Церкви у нас еще не было, и ближайшая находилась в девяти верстах <...>. Священник был *как-то не расположен к нам*, и мы езжали туда только по самым большим праздникам. Вообще должно сказать, что у нас дом был не то что не богомольный, но мало привычный к слушанью церковной службы» (2; 72). Упомянутое здесь отношение к семье со стороны священника (нерасположенность) почти буквально совпадает с тем, как относится учитель-

священник к юному Аксакову: «Священник постоянно сохранял ко мне какое-то *неблагорасположение*, несмотря на то что я знал свои уроки всегда очень твердо. Замечательно, что впоследствии, когда Упадышевский спрашивал его, отчего Аксаков, самый прилежный ученик везде, не находится у него в числе лучших учеников и что, верно, он нехорошо знает свои уроки, священник отвечал: “Нет, уроки он знает твердо; но *он не охотник до катехизиса и священной истории*”» (2; 81).

Вместе с тем, герой большой *охотник до природы*. И вот при смене ракурса внимания можно в его отношении к природе выявить особые, как бы молитвенные состояния. Естественно, что подобные состояния откликаются на состояние природы и актуализируются они в душевном мире весной: «Приближение весны в деревне производило на меня необыкновенное *раздражающее впечатление. Я чувствовал никогда не испытанное мною, особого рода волнение*. Много содействовали тому разговоры с отцом и Евсеичем <...>. Простые, но горячие слова западали мне глубоко в душу, потрясали какие-то неведомые струны и пробуждали какие-то неизвестные *томительные и сладкие чувства*» (491). Имея в виду упоминавшуюся уже многосоставность душевной жизни (эмоции – впечатления – воображение – понимание), можно заметить, что «весенние» эмоциональные состояния питаются прежде всего впечатлениями. Воображению за ними не угнаться, а пониманию они вообще не подлежат. То есть всё – как в религии.

А религиозно-молитвенным состояниям в полной мере соответствует, например, такое описание: «Я уже не бегал по двору, <...> а ходил и чаще *стоял на одном месте, будто невеселый и беспокойный*, ходил, глядел и молчал против своего обыкновения. <...> Евсеич не мог надивиться, что я не гуляю как следует, не играю, не прошусь на мельницу, а все *хожу и стою на одних и тех же местах*. “Ну, чего, соколик, ты не видал тут?” – говорил он. *Мать также не понимала моего состояния* и с досадою на меня смотрела; *отец сочувствовал мне больше*» (504). Можно интерпретировать это так: мальчик с отцом – единоверцы, а мать – человек другой конфессии. В родство Аксакова-младшего

с природой привносится чуждый религии символ веры, и в душе образуется своего рода *катехизис природы*.

Вместе с тем, нельзя обольщаться по поводу этического содержания того, что мы назвали здесь «катехизисом природы». По большому счету, оно отсутствует. Природная жизнь – явление очень многообразное и сложное; ей как бы хватает самой себя, и она не нуждается в таком регуляторе как человеческая этика. Иначе говоря, в природе нет места добру и злу: ею можно как восхищаться, так и ужасаться. Соответственно, и оказываемое природой воспитательное воздействие может быть с этической точки зрения как позитивным, так и негативным. Так что мать Сережи Аксакова по-своему права в своей этической реакции, когда сын рассказывает о деталях охоты с ястребом (охотник «начнет бережно отнимать у него перепелку; <...> потом полакомит ястреба оторванной головкой и снова пойдет за новой добычей»), – ей было *«жально и противно»* (449).

Здесь мы вышли к важной теме, которая в науке не разрабатывалась, и мы также на нее лишь укажем: разнообразные панегирики охоте в текстах Аксакова – это ведь воспевание узаконенного убийства. В природе жизнь и смерть зачастую идут «рука об руку». И коль скоро человек вписывается в природную жизнь, то она приучает его принимать это как должное. Более того, природные воздействия могут *приохочивать* человека к убийству природных тварей...

Помимо доступности и даже азарта к убийству представителей животного мира (будь то рыбалка или охота), чуткому к природе человеку открывается и другая темная ее сторона, стимулирующая страх собственной смерти¹⁵¹. Например, смертью грозит разгул природных стихий. Аксаков вспоминает и описывает переправу через реку в непогоду: «Мутные и огромные волны хлестали через нас и окачивали с головой; <...> тут-то я *почувствовал такой страх близкой смерти, которого я не забыл до сих пор*; каждую минуту я готов

¹⁵¹ См.: Савина Л. Н. Эмоция страха смерти и ее отражение в автобиографической повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре. Волгоград, 2001. С. 83–89.

был лишиться чувств и едва не захлебнулся» (97). И далее следует примечательное признание: «...напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не мог и не могу смотреть равнодушно на большую реку даже в тихое время, а во время бури *чувствую невольный ужас, которого не в силах преодолеть*» (2; 98).

В заключение заметим, что у С. Т. Аксакова художественная трактовка влияний природы (в том числе воспитательных), пожалуй, почти однозначна: природа всемогуща и преодолевает любые иные влияния. Вот, например, цитата из заключительного абзаца «Воспоминаний» (и значит, всей трилогии в целом): «По самому последнему зимнему пути поехали мы в Аксаково, где ждала меня весна, охота, природа, проснувшаяся к жизни, и *прилет птицы*» (2; 163). Но заметим, что такие влияния природы если и всемогущи, то их нельзя признать исключительно позитивными в плане воспитания человека. Ведь, во-первых, «прилет птиц» герой-повествователь, можно полагать, ожидает отчасти *на прицел своего ружья*. А во-вторых, эти ожидания вытеснили из головы героя «войну с Наполеоном и университет с товарищами». Последнее едва ли можно считать чем-то малозначимым в человеческой жизни той эпохи.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Сформулируем возможные *выводы* по второй главе диссертации. В ней подвергнуты рассмотрению доминантные проблемы, то есть сквозные для произведений Аксакова, взаимосвязанные и отражающиеся друг в друге. Одна из таких проблем – *человек и природа*. В традиционном понимании (в том числе научном) подразумевается природа как окружающая среда. Мы расширяем ракурс внимания за счет учета личностных свойств человека, и в этом случае в обозначенной проблеме выявляется важная составляющая – человек и *его природа*. При таком подходе с заявленной доминантной проблемой (человек и природа) оказывается связано многое другое – социальная, семейная, гендерологическая, воспитательная проблематика. Помещики и крестьяне, отцы и дети, мужчины и женщины, взрослые и дети *в силу собственной природы* по-

разному воспринимают природу окружающую и участвуют в ее жизни.

В свете указанной проблематики в текстах Аксакова рассмотрено сложное соотношение ценностей семьи и рода, любви и власти, разнообразные варианты неравенства (социального, имущественного и культурного) и конкуренции. Особо важные и выразительные выражения это находит в сопоставлении двух семей – Багровых и Зубиных, – а затем и внутри новообразованной семьи. В этой связи проясняется постановка автором проблем супружеских и более масштабных семейных отношений. Нами прослежена многосложная супружеская «педагогическая поэма», когда молодая жена вынуждена совмещать роли воспитательницы и воспитуемой. По ходу аналитического рассмотрения материала отмечены аллюзии на художественную проблематику Чернышевского, Толстого и Достоевского.

Проблема воспитания – еще одна доминантная у Аксакова. Нас интересовала выраженная в его текстах всесторонняя *педагогика* – то есть восприятие героем разных воспитательных воздействий со стороны взрослых персонажей, культурной среды и окружающей природы. В этом нам помог подход, позволяющий воспринимать душевную жизнь в ее многосложности и динамичности (эмоции – впечатления – воображение – понимание). Какие-то воздействия больше влияли на эмоциональный мир мальчика, расширяя его. Другие развивали впечатлительность и воображение. Всё это способствовало пониманию героем закономерностей жизни и становлению его личности.

Среди культурных воспитательных воздействий мы уделили внимание чтению, как наиболее действенному. Из книжных впечатлений у мальчика развилось воображение, выросло увлечение театром, сформировались начала эстетической позиции.

На становлении личности героя сказались воспитательные воздействия сельской природы, связь с которой была унаследована им от отца. Прояснена динамика поэтапного породнения героя с природой, с младенческого до взрослого возраста. Выявлены примеры эстетического восприятия природы в целом и сельского труда в частности.

Во второй и третьей частях трилогии Аксакова природа соперничает с религией в воспитательном воздействии на человека. В отношении героя к природе выявлены особые состояния, похожие на молитвенные, и в его душе образуется своеобразный *катехизис природы*. Однако в природе нет места добру и злу: ею можно как восхищаться, так и ужасаться. Соответственно, и оказываемое природой воспитательное воздействие может быть с этической точки зрения как позитивным, так и негативным. Например, в неоднократных панегириках охоте в текстах Аксакова следует видеть, объективности ради, воспевание узаконенного убийства природных тварей. Жизнь и смерть идут в природе «рука об руку». И коль скоро человек вписывается в ее жизнь, то она приучает его принимать это как должное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К «положениям, выносимым на защиту» и выводам по главам уместно добавить теперь подведение некоторых *итогов* и наметить возможные перспективы развития результатов.

Главный и самый общий из итогов предполагает вернуться к вопросу о месте Аксакова в литературном процессе его эпохи: можно ли считать Аксакова *классиком* нашей литературы, и на каких основаниях? Наш ответ утвердителен. Вместе с тем, он должен быть и по-научному взвешенным. При всем сочувствии к «апологетам» Аксакова и желании с ними солидаризироваться, приходится признать отвлеченную декларативность отдельных их утверждений. Например, В.В. Кожин называл «Семейную хронику» Аксакова «источником классической русской прозы»¹⁵². В свою очередь, Ю.И. Минералов писал, что автобиографическая трилогия «составляет особую мощную ветвь русской литературы 1850-х годов»¹⁵³. Наконец, Б.А. Прокудин считает «Семейную хронику» С.Т. Аксакова «выдающимся явлением интеллектуальной истории XIX в.», которое «преодолело “критическое направление”» и задало тон «художественной литературе в России», которая с того времени «стала полноценным поставщиком *новых идей для русской жизни*, стала вырабатывать *образы общественного идеала*»¹⁵⁴. «Источник», «мощная ветвь», «явление интеллектуальной истории», «общественный идеал» – это выражения яркие, пафосные, масштабные, но сами по себе они малосодержательны. Наполнить их реальным содержанием может последовательное аналитическое рассмотрение прозы Аксакова, предпочтительно в сопоставлении с произведениями других классиков, – чем мы и были заняты по ходу нашего исследования.

Первое, что привлекло наше внимание, – это условно понимаемый «гоголевский контекст» восприятия произведений С.Т. Аксакова. То есть важны

¹⁵² Кожин В. В. Указ. соч. С. 15.

¹⁵³ Минералов Ю. И. Указ. соч. С. 164.

¹⁵⁴ Прокудин Б. А. Указ. соч. С. 226.

не только факты общения и взаимной моральной поддержки двух писателей (это уже подробно изучено), но и «взаимопроникновение текстов». Речь, разумеется, не о цитировании друг друга, а о творческой откликаемости в виде возникающих аллюзий. Второй том «Мертвых душ» и «Семейная хроника» создавались одновременно и в постоянном взаимном контакте писателей, и писали они во многом об одном и том же. И в таком случае трудно различить, кто на кого мог влиять, однако можно пытаться это делать.

Опираясь на произведенные наблюдения, можно подытожить, что в художественно-методологическом и отчасти в содержательном отношении Аксаков и Гоголь двигались как бы в одном направлении: от типов – к характерам, даже с чертами индивидуальности каждого из персонажей. Однако существенная разница состояла в том, что сильной стороной Аксакова всегда была конкретика, основанная на живых воспоминаниях и впечатлениях. У Гоголя же самой сильной стороной было, разумеется, его художественное воображение. Иначе говоря, они писали примерно об одном и том же, но очень по-разному: Аксаков лучше *знал* своих персонажей; Гоголь – интереснее их себе и для нас *воображал*.

Эта разница будет яснее, если к сопоставлению подключить еще Тургенева и Салтыкова-Щедрина. Например, «тургеньевский контекст», на первый взгляд, сам собою напрашивается при изучении Аксакова. Ведь очень много общего: как и с Гоголем, они много общались; писали одновременно свои «Записки» об охоте. Однако, на наш взгляд, было бы ошибкой утверждать, что писали Аксаков и Тургенев об одном и том же. Первому был важен прежде всего мир природы и приобщение к нему человека через охоту и ужение рыбы. Для второго (Тургенева) важнее всего – мир человеческий, то есть социальная, а не природная среда. Не охота, а общение его интересовало. Поэтому для нашей темы «тургеньевский контекст» оказался неактуален в сопоставительном аспекте. Тургенев открывал для себя и для читателей то, что Аксакову было заведомо и хорошо известно (быть может, даже лучше, чем Тургеневу). Другое дело – «щедринский контекст» развития аксаковских мотивов (но к этому мы

обратимся ниже).

Что позволяет выявить «гочаровский контекст»? – очень важные приоритеты Аксакова в разработке проблемы женской эмансипации. Как известно, в русской культуре эта проблема была выведена на авансцену обсуждений в 1840-е годы Белинским. Затем Герцен и Гончаров первыми из писателей затронули эту проблему в своих произведениях («Кто виноват?» и «Обыкновенная история»). Но у них она выявлялась в русле традиционной любовной и семейной тематики. Аксаков был первым, кто остро и глубоко эту проблему поставил в своей трилогии. У него, например, женское влияние («женская школа») в семьях оказалась развернута широко и не ограничивалась взаимоотношениями супругов. Он переосмыслил понятие «неравный брак», представляя неравенство в разных аспектах – не только в социальном и материальном, но и в культурном отношении, когда женщина ставится выше мужчины. После Аксакова и другие писатели развивают эту тему – Гончаров в «Обломове», Тургенев в «Накануне». Позднее Достоевский и Толстой будут также ее разрабатывать. Однако Аксаков был здесь художником-первопроходцем, и в этом смысле его творчество было для многих действительно «источником» или «завязью», по выражению В. В. Кожина.

Что касается рассмотрения «щедринского контекста» (сопоставление автобиографической трилогии Аксакова и «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина), то можно считать беспрецедентной парадоксальную разницу в художественных итогах двух писателей. Они пишут фактически об одном и том же (населенники поместий, родители и дети, природа), а между тем демонстрируют кардинально разный авторский пафос, – так много значит эстетическая и жизненная позиция творца. Оба имеют в истории литературы как будто одну и ту же репутацию «реалистов». Но она у них – далеко не общая. У Аксакова под знаком верности фактам всё пронизано одним (он как «очарованный странник» русской литературы той поры); у Щедрина – другим, ровно противоположным (непримиримой желчью). Иначе говоря, получается, что даже в автобиографических произведениях изначально всё зависит от

эмоциональных стимулов воображения, и оно же «правит бал» в осмыслении описываемой жизни. (Это по поводу многосоставности душевной жизни.)

Когда к сопоставлению подключается и третий «фигурант», Л. Н. Толстой со своими «Воспоминаниями», то проясняется еще один важный итог. В литературе важен не только авторский пафос, объективный или субъективный (как у Аксакова и Щедрина). Важнее не переводимая на язык терминов сама *литературность*. Особенно очевидна она в итоговом произведении Щедрина, в меньшей степени – у Аксакова. И она же не устраивала Толстого в собственной ранней «детской» трилогии. Потому он и предпринял на склоне лет свои «Воспоминания», которые демонстративно «очистил» от любых признаков *литературности*. В сопоставлении эти три примера показывают, что творческая установка разных писателей на автобиографичность сама по себе не гарантирует, что они при создании произведений останутся в границах общего жанра. Другой вопрос, останутся ли они в границах литературы. Поэтому нам представилось перспективным возможное научное сопоставление трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и «Воспоминаний» Толстого (но это далеко выходит за рамки нашей темы).

Предпринятое нами рассмотрение масштабного ретроспективного историко-культурного контекста (древнерусского и античного) позволяет подытожить дополнительными соображениями утверждение о значимости трилогии Аксакова. А именно, лишь подлинная классика способна откликаться не только *вперед*, на духовные потребности читателей, но и *назад*, то есть содержать в себе архетипические отклики на смыслы мировой культуры *далекого прошлого*.

В настоящей диссертации регулярно и, на наш взгляд, продуктивно учитывалась возможность комплексного понимания проблемы «человек и природа». С дополнением новой ее грани – человек *и его природа* – художественный мир Аксакова заметно расширяет свои границы. К сожалению, нам не удалось сделать такой подход к материалу единым и сквозным для всего исследования. Мы лишь апробировали его в одном разделе диссертации. Но уже

это позволило прояснить взаимосвязь у Аксакова многих тематических мотивов, таких как многоаспектность *неравенства, любви, власти, репутации, конкуренции*, социальных, культурных и прочих влияний. При этом неслучайно возникали аллюзии на художественную проблематику Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Так что С. Т. Аксаков в своем понимании и изображении человеческой природы с полным правом может считаться художественным предтечей этих признанных «знатоков человеческой души».¹⁵⁵ И по аналогии с ними вполне можно было бы развернуть такое, например, масштабное исследование – «Природа человека и окружающая среда. Из художественного опыта С. Т. Аксакова».

Проблема воспитания была поставлена писателем еще в первой части трилогии, в «Семейной хронике». Уже там развернута своя *«педагогическая поэма»* во взаимоотношениях Софьи Зубиной и Алексея Багрова до и после их свадьбы. Подобный подход представляется перспективным и для освоения наследия других литературных классиков. Несомненно, что свои «педагогические поэмы» в принципе прослеживаются в романах Гончарова и Тургенева, Достоевского и Толстого. Так что и в этом аспекте Аксаков может представляться художником-первооткрывателем.

Особый раздел диссертации мы отвели рассмотрению воспитательной проблематики в ее традиционном понимании – как соответствующие воздействия на ребенка. Материал исследования менялся. Теперь это были «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания». Здесь всё более выразительно уже потому, что ребенок растет, развивается, и воспитание разворачивается последовательно, в динамике. На этом этапе мы нашли целесообразным использовать недавно разработанный подход к пониманию душевной жизни в ее многосоставности (эмоции – впечатления – воображение – осмысление) и взаимопереходах. Подход этот был успешно апробирован применительно к

¹⁵⁵ См. об этом: Днепров В. Д. Идеи. Страсти. Поступки. Из художественного опыта Достоевского. Л.: Сов. писатель, 1978. 382 с.; *Его же*. Искусство человековедения. Из художественного опыта Льва Толстого. Л.: Сов. писатель, 1985. 288 с.

произведениям Ф. М. Достоевского¹⁵⁶, однако оказался полезен и для нас. Как показало рассмотрение произведений С. Т. Аксакова, воспитательные воздействия влияют на разные стороны душевного мира взрослеющего ребенка и подростка: одно развивает его эмоциональный опыт, другое – впечатлительность, третье способствует развитию воображения, и всё вместе расширяет интеллектуальные возможности воспитуемого персонажа.

Так что и этот подход представляется перспективным для более широкого использования, в том числе на материале творчества других писателей.

¹⁵⁶ Макаричев Ф. В., Власкин А. П., Макаричева Н. А. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 219 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники художественных текстов

1. Аксаков С. Т. Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Гослитиздат, 1955–1956.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
3. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений: В 20 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – СПб: Наука, 1997 – продолжающееся издание.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1972–1990.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом). – М.: Художественная литература, 1965–1977.
6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1964.

Критическая и научная литература

7. XIV Международные Аксаковские чтения: материалы конференции. – Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. – 322 с.
8. XV Аксаковские чтения. – Уфа: Лайм, 2015. – 213 с.
9. Абдуллина Д. А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2005. – 207 с.
10. Аверин Б. В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминания // И. А. Бунин: pro et contra. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – 1016 с.
11. Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 105–126.
12. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.

13. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). – М.: РИК Русанова, 1998. – 408 с.
14. Акбашева Д. С. Творчество С. Т. Аксакова сквозь призму гендерной методологии // Система непрерывного образования: школа – педколледж – вуз: материалы XIV региональной науч.-практ. конф. 20 мая 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 28–31.
15. Аксаковские чтения: (материалы XI Всерос. науч. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г.). – Уфа: Вагант, 2009. – 264 с.
16. Аксаковские чтения: (материалы XIII Международных Аксаковских чтений. Уфа, 24–25 сентября 2012 г.). – Уфа, 2012. – 181 с.
17. Аксаковский сборник. – Уфа, 2013. – Вып. VI. – 236 с.
18. Аксаковский сборник. – Уфа: ДизайнПресс, 2015. – Вып. VII. – 304 с.
19. Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / сост.: П. И. Федоров, С. В. Мотин; отв. ред. А. П. Дмитриев; Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова. – Уфа: Издатель А. А. Словохотов, 2022. – 724 с.
20. Аксаковы: семейная энциклопедия / ред. С. М. Каштанов. – М.: Рос. политическая энциклопедия, 2015. – 536 с.
21. Анашкина И. А. Аксиология звучащего текста как артефакта культуры: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 416 с.
22. Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – 367 с.
23. Анненкова Е. И. Мирозерцание Аксаковых: вера – нравственность – идеология // Начало. – 1996. – № 3/4. – С. 105–121.
24. Анненкова Е. И. «Отесинька» в художественной и жизненной реальности С. Т. Аксакова // Аксаковские чтения–2021. – Ульяновск, 2021. – С. 33–48.
25. Анненкова Е. И. Путеводитель по поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 208 с.
26. Арапова О. А. Концепт «дружба» в языковом сознании С. Т. Аксакова: (на материале его произведений) // Аксаковские чтения–2001. – Уфа, 2001. – Ч. 1. – С. 9–14.

27. Астман М. Образ «инфернальной женщины» в русской литературе // Отклики. – Нью Хэвен, 1986. – С. 83–96.
28. Ахметова Г. А. Жанр «Семейной хроники» в творчестве С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина: («Семейная хроника» – «Пошехонская старина») // С. Т. Аксаков и славянская культура. – Уфа, 1991. – С. 57–59.
29. Аюпов И. С. Эволюция образа усадьбы и природы: Г. Р. Державин, С. Т. Аксаков, И. А. Бунин // Творчество И. А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX – XXI веков. – Елец, 2006. – С. 25–33.
30. Барлыбаев Х. А. Литература как глобальное явление: (на примере творчества С. Т. Аксакова) // Аксаковский сборник. – Уфа, 2015. – Вып. 6 (2). – С. 88–94.
31. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
32. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Человек в мире слова. – М.: РОУ, 1995. – С. 124–129.
33. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
34. Белова А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.): автореф. дисс. ...д-ра истор. наук. – М., 2009. – 66 с.
35. Белокопытова О. Н. «Семейная хроника», «Детские годы» и проблема мемуарно-автобиографического жанра в русской литературе 40-50 гг. XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1965. – 477 с.
36. Белый Л. И. Проблема автобиографизма в творчестве Л. Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1973. – 186 с.
37. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 448 с.
38. Бердяев Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе // Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 2. – С. 290–300.
39. Берковский Н. Я. О русской литературе: Сб. статей. – Л.: Художественная

литература, 1985. – 384 с.

40. Билинчис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 114 с.
41. Бицилли П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. – М.: Русский путь, 2000. – С. 177–203.
42. Богач Д. А. Художественная аксиология природы Ф. М. Достоевского в романах «великого пятикнижия»: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2014. – 178 с.
43. Большакова А. Ю. Гендерный архетип и проблема автора // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. Материалы международной научно-практической конференции. – Пенза: Социосфера, 2010. – С. 15–29.
44. Большакова А. Ю. Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова: (А. Пушкин, И. Тургенев, Л. Толстой, С. Аксаков) // Литературная учеба. – 2001. – № 3. – С. 170–195.
45. Бондарь С. Ю. Тема детства в автобиографических повестях С Аксакова и Л. Толстого // Проблемы детской литературы. Сб. научных трудов. – Петрозаводск, 1992. – С. 77–85.
46. Борисова В. В., Мотин С. В. Аксаковы: семейная энциклопедия: Pros et Cons // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 4 (157). – С. 282–291.
47. Борисова В. В. Аксиологическое пространство произведений С. Т. Аксакова // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения: материалы междунар. науч. конф. «Кусковские чтения». – М., 2019. – С. 291–295.
48. Борисова В. В. Ветхозаветный код «Семейной хроники» С. Т. Аксакова // Культурные коды русской литературы: материалы Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию филол. фак-та Башк. гос. ун-та. – Уфа, 2017. – С. 18–24.
49. Борисова В. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева versus «Записки

- ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2018. – С. 172–180.
50. Борисова В. В. Поэтика индивидуального стиля С. Т. Аксакова // Художественная словесность: теория, методология исследования, история. – М., 2019. – С. 106–111.
51. Борисова В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова в библейском контексте // XV Аксаковские чтения. – Уфа, 2015. – С. 17–21.
52. Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. – М: РГГУ, 2012. – 341 с.
53. Бочаров С. Г. О художественных мирах. – М.: Сов. Россия, 1985. – 296 с.
54. Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья (первая половина XX века): И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Ставрополь, 2001. – 43 с.
55. Буланов А. М. «Ум» и «сердце» в русской классике: Соотношение рационального и эмоционального в творчестве А. И. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. – Саратов: СГУ, 1992. – 158 с.
56. Бурмистрова С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 8 (98). – С. 73–79.
57. Бурнашева Н. И. Раннее творчество Л. Н. Толстого: Текст и время. – М.: МГУ, 1993. – 144 с.
58. Бялый Г. А. С. Т. Аксаков // История русской литературы: в 10 т. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. 7. – С. 571–595.
59. Васильев С. А. Роль православия в формировании и развитии русской литературы // Константы русской литературы. Сборник научных статей для магистрантов. – М.: МГПУ, 2020. – С. 31–37.
60. Васильев С. А. Русская литература: национальное своеобразие или (и) национальный стиль? // Национальный стиль русской литературной классики. Материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции. Отв. ред. С. А. Васильев. – М., 2020. – С. 4–15.
61. Васильев С. А. Об анализе стиля художественного произведения (П. Н.

- Сакулин) // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2020. – № 2. – С. 93–101.
62. Вейнингер О. Пол и характер. – М.: Латард, 1997. – 358 с.
63. Викторovich В. А. Перепутья русского консерватизма: Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. – СПб: Росток, 2013. – С. 47–95.
64. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – 512 с.
65. Власкин А. П. На перекрестках человеческой природы: мужское – женское – детское в художественной среде Ф. М. Достоевского // Вестник Российской литературы. – 2004. – № 1. – М. – С. 51–60.
66. Войтоловская Э. Л. С. Т. Аксаков в кругу писателей-классиков – Л.: Детская литература, 1982. – 220 с.
67. Выготский Л. С. Психология искусства. – Минск: Современное слово, 1998. – 480 с.
68. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1996. – 152 с.
69. Гадамер Г. О круге понимания // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 72–91.
70. Галимуллина А. Ф. Традиции воспитания личности в творчестве М. Н. Муравьева и С. Т. Аксакова: «Обитатель предместья» и «Семейная хроника» // Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов Пятой Всерос. науч.-практ. конф. / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань, 2015. – С. 73–79.
71. Галинская И. Л. Художественно-философские основы и суггестивность литературного произведения: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1985. – 303 с.
72. Гачев Г. Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. – М.: Искусство, 1972. – Ч. 1. – 302 с.
73. Гачев Г. Русский эрос. – М.: Эксмо, изд-во Алгоритм, 2004. – 640 с.
74. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 222 с.

75. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 464 с.
76. Голощапова Н. Г. Идиллия С. Т. Аксакова как художественная реализация патриархальной утопии славянофилов: (на материале повестей «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука») // Культура. Образование. Духовность. – Бийск, 1999. – Ч. 1. – С. 262–267.
77. Григорьева Е. Ф. Литературная позиция последнего десятилетия жизни С. Т. Аксакова как проблема // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 128–132.
78. Григорьева Е. Ф. «Непреднамеренное» С. Т. Аксакова (размышления о мотивах творчества) // Вторые Аксаковские чтения. – Ульяновск, 2006. – С. 6–16.
79. Гринфельд Т. Я. Описание как художественная речь: изображающее слово С. Т. Аксакова // Природа в художественной литературе: материальное и духовное. – СПб., 2004. – С. 32–41.
80. Гринфельд Т. Я. Традиции С. Т. Аксакова в «материальности» природы у М. М. Пришвина // С. Т. Аксаков и славянская культура. – Уфа, 1991. – С. 82–85.
81. Грицанова М. В. Жанровое своеобразие повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1994. Вып. 18. – С. 171–183.
82. Гудков Г. Ф. Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991. – 373 с.
83. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы: Очерки этнической истории. – М.: Экопрос, 1995 – 335 с.
84. Гусейнова Т. В. Ритмический строй «Семейной хроники» С. Т. Аксакова // Вопросы филологии. – 2013. – № 1 (43). – С. 80–83.
85. Гусейнова Т. В. Стиль малой прозы С. Т. Аксакова: дисс. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2012. – 200 с.
86. Две Наташи: повести и исследовательские материалы подготовлены к

- Третьим Аксаковским образовательным чтениям в Государственном университете по землеустройству. – М.: ГУЗ, 2019. – 231 с.
87. Дворяшина Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов: Ф. Сологуб З. Гиппиус К. Бальмонт: дисс. ... д-ра филол. наук. – Сургут, 2009. – 510 с.
 88. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания (жанр и поэтика): дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 326 с.
 89. Дмитриев А. П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий. – СПб.: Росток, 2023. – 544 с.
 90. Дмитриев А. П. С. Т. Аксаков о религиозном смысле супружеской любви и спасительных уроках Французской революции 1848 г.: (по неопубликованным письмам, благословляющим сына Григория на семейную жизнь) // Наследие семьи Аксаковых. – Самара, 2020. – С. 194–200.
 91. Днепров В. Д. Идеи. Страсти. Поступки. Из художественного опыта Достоевского. – Л.: Сов. писатель, 1978. – 382 с.
 92. Днепров В. Д. Искусство человековедения. Из художественного опыта Льва Толстого. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 288 с.
 93. Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в старые годы // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т. I. – С. 327–344.
 94. Дубровина А. Н. Чтение как средство духовно-нравственного воспитания на примере семьи писателя С. Т. Аксакова // Аксаковские чтения–2021. – Ульяновск, 2021. – С. 206–212.
 95. Евдокимова О. В. «Прошедшее время домашним образом» // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII – XX вв. Сб. ст. – СПб., 1992. – С. 163–178.
 96. Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. – М.: Наука, 1982. – 333 с.
 97. Есаулов И. А. Контексты понимания художественного мира С. Т. Аксакова: поле возможностей // Постсоветские мифологии: структуры повседневности. –

- М., 2015. – С. 382–390.
98. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. – С. 378–383.
 99. Ж.-П. Сартр в настоящем времени: Автобиографизм в литературе, философии и политике: Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге 8-9 июня 2005 г.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 240 с.
 100. Жеребкина И. А. Подчиниться или погибнуть: парадоксы женской субъективации в русской культуре конца XIX века // Общественные науки и современность. – М. – 2002. – №3. – С. 164–171.
 101. Заварницына Н. М. «Идея отца» и образ главы семейства в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы всерос. науч.-практ. конф., 14 ноября 2017 г. – Самара: СГИК, 2018. – С. 71–75.
 102. Зазыкин В. И. Земля как женское начало и эротические символы, связанные с ней // Национальный Эрос и культура. В 2 т. – М.: Ладомир, 2002. – Т. 1: Исследования. – С. 39–87.
 103. Заманская В. В. Родовая концепция и нравственная программа С. Т. Аксакова (на материале «Семейной хроники») // Индивидуальное и типологическое в литературном процесс. Межвузовский сборник научных трудов. – Магнитогорск, 1994. – С. 129–136.
 104. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
 105. Зиянгиров Р. О. Конкорданс произведений С. Т. Аксакова: актуальные контексты изучения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2016. – 26 с.
 106. Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: НЛО, 2016. – 366 с.
 107. Иригарэй Л. Этика полового различия (1984). – М.: Художественный

- журнал, 2004. – 182 с.
108. Ишкиняева Л. К. Творчество С. Т. Аксакова и литературная традиция XVIII столетия: монография. – Ульяновск, 2018. – 168 с.
 109. Казанцева Г. В. Беллетризованные жизнеописания В. П. Авенариуса в контексте эволюции биографической прозы: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 404 с.
 110. Калугин Д. Я. Искусство биографии: изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 91. – С. 84–113.
 111. Карамзин. Пушкин. Гоголь. Аксаковы. Достоевский: биографические очерки. – Челябинск: Урал, 1994. – 480 с.
 112. Кардапольцева В. Н. Женщина и женственность в русской культуре. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. горн. ун-та, 2005. – 432 с.
 113. Кардапольцева В. Н. Особенности конструирования и репрезентации женственности в русской культуре нового и новейшего времени: дисс. ... д-ра. культурол. – М., 2005. – 491 с.
 114. Кибальник С. А. С. Т. Аксаков и А. С. Пушкин // Аксаковские чтения: материалы науч. конф. 1985 и 1987 гг. – М., 1989. – Вып. 2/89. – С. 10–13.
 115. Климова Г. П. Типологические связи творчества С. Т. Аксакова и И. А. Бунина // С. Т. Аксаков и славянская культура. – Уфа, 1991. – С. 87–89.
 116. Коваленко В. А. Проблема ценностей в творчестве: дисс. ... д-ра филос. наук. – М., 1996. – 388 с.
 117. Кожин В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова // Аксаковский сборник. – Уфа, 2005. – Вып. 4. – С. 13–22.
 118. Кожин В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова // Литература в школе. – 1995. – № 1. – С. 19–25.
 119. Кожин В. В. Художественный образ и действительность // Теория литературы. – М.: АН СССР (ИМЛИ), 1962. – Т. 1. – С. 58–71.
 120. Колодина Н. А. Проза С. Т. Аксакова: Контекст и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2003. – 214 с.

121. Колядич Т. М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1999. – 42 с.
122. Колядич Т. М. Мемуарно-биографические произведения 70-х гг. (проблематика и жанр): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИ, 1979. – 24 с.
123. Кон И. С. Возрастной символизм и образы детства // Социологическая психология. – М.: Просвещение, 1992. – 216 с.
124. Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода // Вторые Аксаковские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конф. 21–24 сент. 2006 г. / под общ. ред. Л. А. Сапченко; Ульяновский гос. ун-т. – Ульяновск, 2006. – С. 17–24.
125. Кошелев В. А. Предания рода и семьи в художественном мире С. Т. Аксакова // Оренбургский край: Архивные документы. Материалы. Исследования. – Оренбург, 2006. – Вып. 3. – С. 131–138.
126. Кошелев В. А. Семейные традиции Аксаковых как феномен русского славянофильства // С. Т. Аксаков и славянская культура. – Уфа: БашкГУ, 1991. – С. 60–61.
127. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. – СПб.: Росток, 2019. – 512 с.
128. Кудряшова А. А. Документальное и художественное начала в формировании личности художника в русской автобиографической прозе: галерея семейных образов и наставников. – Ярославль: ИПК Литера, 2013. – 171 с.
129. Кудряшова А. А. Мотив богообщения как структурно-семантический элемент в автобиографической прозе С. Т. Аксакова // Вестник угроведения. – 2011. – № 1 (4) – С. 24–29.
130. Кудряшова А. А. Первичное событие в теории автобиографической прозы. – Ярославль: ИПК Литера, 2013. – 132 с.
131. Кудряшова А. А. Поэтика взросления автобиографического героя: проблемы стиля и пафоса. – Ярославль: ИПК Литера, 2013. – 120 с.
132. Кудряшова А. А. Теоретические основы жанра в русской

- автобиографической прозе: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 36 с.
133. Кудряшова А. А. Универсальные мотивы в русской автобиографической прозе XIX века: особенности стиля С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник угроведения. – 2012. – № 2 (9). – С. 50–57.
 134. Кузьмина Г. Ш. К вопросу о семантической полифонии художественного текста С. Т. Аксакова: (на материале дилогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука») // Актуальные проблемы филологии: материалы республиканской конф. молодых ученых; Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2005. – С. 90–94.
 135. Кузьмина Г. Ш. Синергетика концептосферы С. Т. Аксакова как русской языковой личности в дилогии "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова-внука": дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 267 с.
 136. Кузнецова А. Г. История прижизненных произведений С. Т. Аксакова о природе: анализ текстов // Аксаковские чтения: материалы науч. конф. 1985 и 1987 гг. – М., 1989. – Вып. 2/89. – С. 7–10.
 137. Кулакова Е. Е. Детское начало в творческих исканиях Ф. М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2002. – 201 с.
 138. Кулешов А. С. Род Аксаковых в истории России: социогенеалогическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2010. – 36 с.
 139. Куркина Т. Н. Природа в рассказах Л. Толстого «Набег», «Рубка леса» и повести «Хаджи–Мурат» // Филологические записки. – Воронеж: ВГУ, 2001. – Вып. 15. – С. 60–72.
 140. Ласькова А. Е. Автобиографическая трилогия С. Т. Аксакова в литературной критике середины XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 23 с.
 141. Левидов А. М. Автор – образ – читатель. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 350 с.
 142. Левидов А. М. Литература и действительность. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 432 с.
 143. Левушкина О. Н. «Ласковая русскость» произведений С. Т. Аксакова //

- Вторые Аксаковские чтения. – Ульяновск, 2006. – С. 25–31.
144. Легонькова В. Б. Человек и природа в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: дисс. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2002. – 187 с.
 145. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982. – 254 с.
 146. Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859 гг.) / сост. В. В. Борисова, Е. П. Никитина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 236 с.
 147. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – СПб.: Академический проект, 1999. – Т. I. – С. 532.
 148. Литвинова Д. А. Проблема воспитания в художественной разработке Ф. М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2004. – 193 с.
 149. Литовка Е. Б. Сергей Тимофеевич Аксаков как театральный критик // Вторые Аксаковские чтения. – Ульяновск, 2006. – С. 32–38.
 150. Лихачев Д. С. Литература – Реальность – Литература. – Л.: Советский писатель, 1984. – 271 с.
 151. Лихачев Д. С. О филологии. – М.: Высш. шк., 1989. – 208 с.
 152. Лихачев Д. С. Строение литературы (к постановке вопроса) // Русская литература. – 1986. – № 3. – 27–29 с.
 153. Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 366 с. (ЖЗЛ).
 154. Ломунов К. Н. Традиции «натуральной школы» в творчестве писателей, вступивших в литературу в 50-е годы: С. Т. Аксаков, Л. Н. Толстой // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. – М.: Наследие, 1987. – С. 243–455.
 155. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. – М.: Академический проект, 2010. – 415 с.
 156. Лоскутникова М. Б. Проблема художественного пафоса и бытописание // Аксаковские чтения (1996–1997 гг.). – Уфа, 1997. – С. 77–96.

157. Лотман Ю. М. Беседы о русской литературе: Быт и традиции русского дворянства. – СПб.: Искусство – СПб., 1994. – 399 с.
158. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х томах. – Таллин: Александрия, 1992. – Т. I. – С. 365–376.
159. Лотман Ю. М. О русской литературе классического периода // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – Т. V (XIX век). – С. 429–444.
160. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 14–288.
161. Макаричев Ф. В. Художественная индивидуология Ф. М. Достоевского. – СПб.: ЭлекСис, 2016. – 374 с.
162. Макаричев Ф. В., Власкин А. П., Макаричева Н. А. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского. – СПб.: СПбГЭУ, 2022. – 219 с.
163. Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. – СПб.: СПбГЭУ, 2019. – 301 с.
164. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. – М.: Гослитиздат, 1951. – Т. 1. – 591 с.
165. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х гг. Биография. – М.: Художественная литература, 1972. – 600 с.
166. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. – М.: Художественная литература, 1989. – 546 с.
167. Малашина Н. В. Пять уроков будущим поколениям: педагогический подтекст произведения С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Аксаковские чтения–2021. – Ульяновск, 2021. – С. 189–197.
168. Мальцева Т. В. Изображение природы в русской документальной прозе второй половины XVIII века // Природа в художественном слове. Идеи и стиль. Сб. научных статей. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – С. 7–29.

169. Мальцева Т. В. Охотничий текст русской литературы // Art Logos (искусство слова). – 2020. – № 3(12). – С. 27–41.
170. Мальцева Т. В., Скиба Ю. А. Матримониальные конфликты в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4(25). – С. 28–42.
171. Манн Ю. В. Мемуары как эстетический документ // Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 155–170.
172. Манн Ю. В. Семья <Аксаковых> // Гнезда русской культуры: кружок и семья. – М., 2016. – С. 261–582.
173. Манн Ю. В. Семья Аксаковых. Историко-литературный очерк. – М.: Детская литература, 1992. – 399 с.
174. Марез Теун. Женское начало. – М.: София; Гелиос, 2001. – 192 с.
175. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. – Л.: ЛГУ, 1975. – 188 с.
176. Машинский С. И. Сергей Тимофеевич Аксаков / вступительная статья // С. Т. Аксаков. Собр. соч. В 4 тт. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – С. 5–72.
177. Медведева Т. В. Философия дороги в мемуарной трилогии С. Т. Аксакова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Самара, 2018. – С. 116–120.
178. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – 136 с.
179. Мельникова Н. Н. Архетип грешницы в русской литературе конца XIX – начала XX века: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 506 с.
180. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в русской литературе XX века): автореф. дисс. ... док. филол. наук. – М., 2008. – 246 с.
181. Минералов Ю. И. Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) // Минералов Ю. И. История русской литературы XIX века (40–60-е годы). Учебное пособие. – М: Высшая школа, 2003. – С. 156–165.
182. Минералова И. Г. «Первичное событие» в автобиографической прозе о

- детстве // Мировая словесность для детей и о детях. – М., 2012. – Вып. 16. – С. 91–99.
183. Мирский Д. Аксаков // История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. – С. 309–316.
184. Моисеева Е. М. Русская природа как средство эстетического воспитания личности в творчестве С. Т. Аксакова // Вторые Аксаковские образовательные чтения в Государственном университете по землеустройству. – М., 2017. – С. 91–94.
185. Мосалева Г. В. Летопись варяжского рода: Храмовая структура и литургические сюжеты в мемуарно-биографической прозе С. Т. Аксакова // Филологический класс. – 2016. – № 1 (43). – С. 76–82.
186. Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. – 408 с.
187. Никитина Е. П. Творческая индивидуальность С. Т. Аксакова в историко-функциональном и сравнительно-типологическом освещении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2007. – 26 с.
188. Николаева Н. Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова: формы письма и традиции жанра: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 207 с.
189. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424 с.
190. Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX вв. (50–60-е годы). – Калинин, 1973. – 226 с.
191. Новокрепленных Е. Г. Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX в.: А. А. Григорьева, Я. П. Полонского, А. А. Фета: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 24 с.
192. Олехова И. П. Тема возрождения падшей женщины в русской литературе XIX века // Русская литература XIX века в гендерном измерении: опыт коллективного исследования. – Тверь: Лилия Принт, 2004. – С. 39–59.

193. Опарина Н. П. Образ читающего ребенка в произведениях С. Т. Аксакова // Наследие семьи Аксаковых. – Самара, 2020. – С. 259–263.
194. Орлова Д. С. Память детства: мать и духовно-нравственные истоки жизни ребенка: (С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука») // Актуальные вопросы гуманитарных наук–2020: материалы выступлений молодых ученых в рамках Ломоносовских чтений–2020. – Архангельск, 2020. – С. 174–180.
195. Осьмухина О. Ю. Традиции романа воспитания в современной отечественной прозе // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению. Материалы XVII Международной Бахтинской конференции. – Саранск, 2021. – С. 178–181.
196. Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В. Феномен детства в русской прозе XIX–XX веков // Русский язык в контексте национальной культуры. Материалы V Международной научной конференции. – Саранск, 2022. – С. 278–284.
197. Охотникова С. Р. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. – Иваново, 2002. – Ч. 2. – С. 273–279.
198. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1999. – 152 с.
199. Палиевский П. В. Русские классики. Опыт общей характеристики. – М.: Худож. лит., 1987. – 239 с.
200. Панфилов О. М. Ценностные отношения: природа и генезис: дисс. ... д-ра филос. наук. – СПб, 1995. – 362 с.
201. Парамонов Б. М. Мужчины и женщины. – М.: АСТ, 2010. – 479 с.
202. Пинкер Стивен. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 608 с.
203. Пирожкова Т. Ф. Семейство Аксаковых до и после крестьянской реформы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. – № 5. – С. 177–198.
204. Подгурская Э. Б. Воспитание природой в книге С. Т. Аксакова «Детские

- годы Багрова-внука» // Материалы международного семинара «Культура мира и педагогические технологии для социально незащищенных и проблемных детей»: сб. докладов и статей. – Владимир, 2001. – С. 71–77.
205. Подгурская Э. Б. Путешествие как духовный путь: (по кн. С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука») // Аксаковские чтения–2001. – Уфа, 2001. – Ч. 1. – С. 81–84.
206. Поддубная Р. П. Аксаковы: страницы жизни. – Самара: Офорт, 2016. – 656 с.
207. Постникова Е. Г. Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков–Щедрин – Ф. М. Достоевский. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2009. – 288 с.
208. Прокудин Б. А., Прокудина Д. А. «Семейная хроника С. Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 52. – С. 213–230.
209. Прохоренко Л. Е. Социокультурный контекст биографического текста культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1997. – 24 с.
210. Пузин Н. П. К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. – 1956. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 161–165.
211. Пумпянский Л. В. Классическая традиция. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
212. Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X – XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. – № 5. – С. 3–15.
213. Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X—XVII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. – М., 1996. – С. 305–344.
214. Пушкарева Н. Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы / отв. ред. И. В. Власова. – М., 1998. – С. 104–136.

215. Рассадин А. П. Утраченная повседневность в «Детских годах Багрова-внука» // Аксаковские чтения–2021. – Ульяновск, 2021. – С. 73–78.
216. Рогоза Н. В., Гутова С. Мифологизация образа женственности как основание русской культуры // Молодой ученый. – 2010. – № 3. – С. 165–171.
217. Розанов В. В. Об отношении науки к природе человека и к его жизни // Розанов В. В. Собрание сочинений. О понимании. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. – С. 613–629.
218. Розанов В. В. Сумерки просвещения // Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории. – М.: Республика, СПб.: Росток, 2009. – С. 621–815.
219. Романова Н. И. Повесть Л. Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-автобиографических повестей середины XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 209 с.
220. Романова Н. И. Повесть С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и особенности мемуарной литературы // Научные труды Московского педагогического государственного университета: сборник статей. – М.: Прометей, 2005. – С. 103–106.
221. Рытникова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 20 с.
222. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века). – Иваново: Юнона, 1999. – 360 с.
223. Савина Л. Н. «Мысль семейная» в автобиографических повестях С. Т. Аксакова // Мировая словесность для детей и о детях. – М., 2006. – Вып. 11. – С. 229–234.
224. Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л. Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»): Монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 283 с.
225. Савина Л. Н. Эмоция страха смерти и ее отражение в автобиографической

- повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре. – Волгоград, 2001. – С. 83–89.
226. Савкина И. Л. До и после бала: история молодой девушки в "мужской" литературе 30–40-х гг. XIX века // Пол. Гендер. Культура. Под ред. З. Хоткиной и Н. Пушкаревой. – М., 1999. – С. 287–300.
227. Сальникова В. В. Образно-языковая картина мира ребенка (на материале книги С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»): монография. – Бирск: Бирская гос. социально-пед. акад., 2007. – 159 с.
228. Сальникова В. В. Репрезентация языковой картины мира ребенка в русской автобиографической прозе: (на материале повестей С. Т. Аксакова, Н. Г. Гарина-Михайловского, А. Н. Толстого, В. П. Астафьева). – СПб.: Свое изд-во, 2015. – 265 с.
229. Сальникова В. В. Текстовая репрезентация образно-языковой картины мира ребенка: на материале книги С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». – Уфа: Гилем, 2012. – 184 с.
230. Салова С. А. Гоголевский претекст и его трансформация в «Воспоминаниях» С. Т. Аксакова // Аксаковский сборник. – Уфа, 2015. – Вып. 7. – С. 113–121.
231. Сальникова В. В. Воспитательный потенциал семейного чтения (на материале автобиографической повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука») // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. – Тюмень, 2020. – С. 42–43.
232. Сапченко Л. А. Коммуникативные аспекты автобиографической прозы С. Т. Аксакова: («Детские годы Багрова-внука») // Аксаковский сборник. – Уфа, 2015. – Вып. 7. – С. 148–160.
233. Свительский В. А. Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1995. – 38 с.
234. Селитрина Т. Л. «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова и «В поисках утраченного времени» М. Пруста: (опыт типологического

- исследования) // Аксаковские чтения (1996–1997 гг.). – Уфа, 1997. – С. 71–77.
235. Сергеева Ю. М. Внутренний диалог как языковое явление и как литературно–художественный прием: автореф. дис. ... канд филол. наук. – М., 1996. – 18 с.
236. Синцова С. В. Гендерная проблематика в творчестве Н. В. Гоголя (литературно-художественные аспекты): дисс. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2011. – 377 с.
237. Собенников А. С. Оппозиция Дом – Мир в художественной аксиологии А. П. Чехова // Чеховиана. Чехов и его окружение. – М., 1996. – С. 36–64.
238. Созина Е. К. «Роман сознания» в русской автобиографической прозе XX века: к постановке проблемы // Искусство поэтики – искусство поэзии: Сб. научных трудов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2007. – С. 385–399.
239. Соколова О. В. «Мужское-женское»: Генезис дискурса // Вестник удмуртского ун-та. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Вып 1. – С. 117–120.
240. Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 351–389.
241. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. – М.: Республика, 1994. – 387 с.
242. Тамаев П. М. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова как опыт «домашней» словесности // Вторые Аксаковские чтения. – Ульяновск, 2006. – С. 61–70.
243. Таракин П. М. Театральная и литературная критика С. Т. Аксакова: автореф. дисс. ... канд. искусств. наук. – Самара, 2001. – 21 с.
244. Тарасенко О. С. С. Т. Аксаков и М. А. Осоргин: типология творческих индивидуальностей: дисс. ... канд. филол. наук. – Бирск, 2011. – 247 с.
245. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
246. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. – М.: Археологический центр, 1997. – 357 с.
247. Татьяна А. Г. Ранний Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков. К проблеме жанра

- семейного романа // Проблемы литературных жанров. Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского государственного университета, 8–10 декабря 1998 г. – Томск, 1999. – Ч. 1. – С. 259–263.
248. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 426 с.
249. Трунькина А. В. Специфика воплощения детского эмотивного мира в русской автобиографической прозе XIX столетия: (на материале творчества С. Аксакова и Л. Толстого) // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации: сборник науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. с элементами науч. школы для молодых ученых «51-е Евсевьевские чтения». – Саранск, 2015. – С. 104–111.
250. Трунова О. В., Трунова Н. В. Художественный текст как проекция аксиологического мироосмысления // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). – Екатеринбург: Ажур, 2019. – С. 197–199.
251. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255–270.
252. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 270–281.
253. Угрюмов В. Е. Детство как феномен культуры в книге С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (из монографии «Смыслы и ценности мировоззрения русского человека в произведениях С. Т. Аксакова») // Русская словесность. – 2016. – № 6. – С. 10–20.
254. Угрюмов В. Е. Рождение бабочки: мотив взросления в «Воспоминаниях» С. Т. Аксакова // Аксаковские чтения–2021. – Ульяновск, 2021. – С. 79–84.
255. Угрюмов В. Е. Стилиевые черты воплощения авторской позиции в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа: материалы Седьмых Междунар. науч. чтений. – Калуга,

2020. – С. 104–112.
256. Угрюмов В. Е. Стиль прозы С. Т. Аксакова: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 176 с.
257. Угрюмов В. Е. Художественный мир С. Т. Аксакова: «...сама жизнь, рассказывающая про себя...». – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. – 169 с.
258. Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры. Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1996. – Т. 1. – 608 с.
259. Файзуллина Э. Ш. «Мысль семейная» в книгах С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника». Вопросы семейного воспитания // Культура и образование: сб. ст. и материалы науч.-практ. конф., посвященной 10-летию каф. теории и истории мировой культуры БГПУ / Башк. гос. пед. ун-т. – Уфа, 2000. – Вып. 3. – С. 52–60.
260. Фатеев С. П. Проблема «Природа и человек» в творчестве С. Т. Аксакова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 22 с.
261. Фатыхов С. Г. Мировая история женщины: хронокультурологическое и фактографическое осмысление. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 944 с.
262. Фаустов А. А. Авторское поведение в русской литературе. – Воронеж: ВГУ, 1997. – 106 с.
263. Фаустов А. А. Динамика русской литературы первой половины XIX века: Язык переживания, авторское поведение, характерология: дисс. ...д-ра филол. наук. – Воронеж, 1998. – 455 с.
264. Фаустов А. А. Язык переживания русской литературы. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 125 с.
265. Федоров П. И. Идея соборности в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Аксаковский сборник. – Уфа, 1998. – Вып. 2. – С. 24–33.
266. Федоров П. И. Путь в небеса: (метафизика дороги в «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова) // Детские годы Багрова-внука / ред.-сост. и авт. вступ. ст. П. И. Федоров. – Уфа, 2021. – С. 3–14.
267. Фенькина Л. Н. Аспекты воспитания в трилогии С. Т. Аксакова «Семейная

- хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания» // Интеграция наук. – 2019. – № 1 (24). – С. 413–416.
268. Фенькина Л. Н. Мифопоэтика дома в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова «Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания» // Научный альманах. – 2017. – № 3–2 (29). – С. 477–481.
269. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
270. Форманюк Г. А. Структура и семантика диалога в художественном тексте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 19 с.
271. Френденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
272. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с.
273. Цивьян Т. В. Оппозиция мужской/женский и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: Сб. ст. – СПб.: Наука, 1991. – С. 77–91.
274. Чванов М. А. Если не будете как дети... (О С. Т. Аксакове) – М.: Современник, 1990. – 431 с.
275. Чванов М. А. Крест мой... Аксаковский сборник, посвященный 70-летию М. А. Чванова. – Уфа: Аркаим, 2014. – 232 с.
276. Чванов М. А. Русский крест: очерки русского самосознания. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 608 с.
277. Чичерин А. В. Русское слово Сергея Аксакова // Очерки по истории русского литературного стиля. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 143–158.
278. Чубарова В. Н. Повседневность и ее художественные формы в дилогии С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» // Поэтика повседневности: Фольклор. Художественная литература. – СПб., 2005. – С. 45–51.
279. Чуркин А. А. Архетип «первопредка» в образе Степана Михайловича Багрова // Прозаическое слово. – СПб., 2022. – С. 281–295.

280. Чуркин А. А. Две «Наташи»: семейные тайны в воспоминаниях Н. Т. Карташевской и в повести С. Т. Аксакова // Все секреты мира: Тайны в литературе и искусстве. Сб. статей. – СПб.-Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. – С. 72–82. (Неканоническая эстетика, выпуск IV).
281. Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 233 с.
282. Чуркин А. А. Тема и мотивы семьи в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Русская литература. – 2009. – № 1. – С. 133–145.
283. Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр», или Литературные заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 50–77.
284. Шамсутдинова З. Ф. Воспитание детей на основе семейных традиций семьи писателя Аксакова С. Т. // Воспитание. – Ульяновск, 2021. – С. 26–35.
285. Шихова Г. С. Литературные традиции С. Т. Аксакова в творчестве русских писателей XIX – XX вв. // Аксаковские чтения–2001. – Уфа, 2001. – Ч. 1. – С. 115–118.
286. Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – Т. V (XIX век). – С. 574–588.
287. Щукин В. Г. Спасительный кров // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. V (XIX век). – С. 589–609.
288. Эйхенбаум Б. М. Черты летописного стиля в литературе XIX века // Эйхенбаум Б. М. О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 371–379.
289. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.
290. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: дисс. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 448 с.
291. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2020. – 224 с.